

VEcordia

Извлечение R-UHOV

Открыто: 2008.10.09 23:55
Закрито: 2008.10.15 21:10
Версия: 2018.07.27 23:48

ISBN 9984-9395-5-3

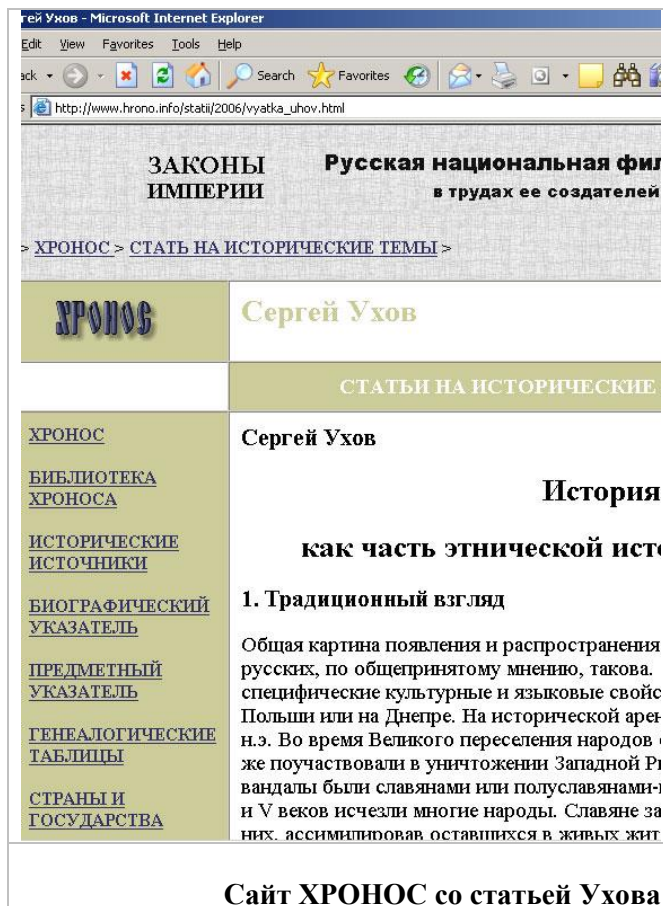
Дневник «VECORDIA»

© Valdis Egle, 2018

ISBN

Сергей Ухов. «История Вятки»

© Сергей Ухов, 2006

Сайт ХРОНОС со статьей Ухова

Сергей Ухов

ИСТОРИЯ ВЯТКИ

как часть этнической истории восточной Европы

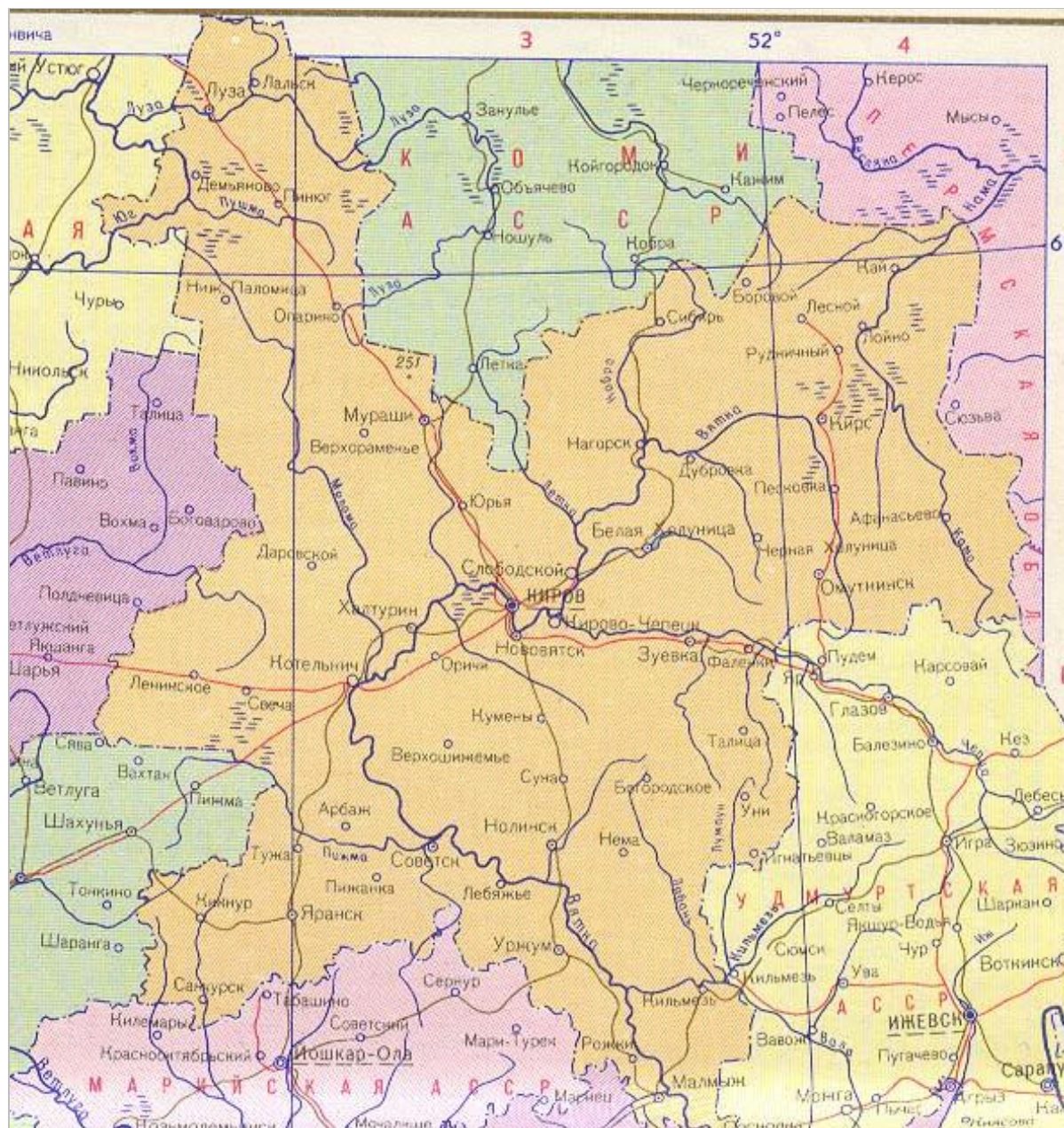
С комментариями Валдиса Эгле

Impositum

Grīziņkalns 2018

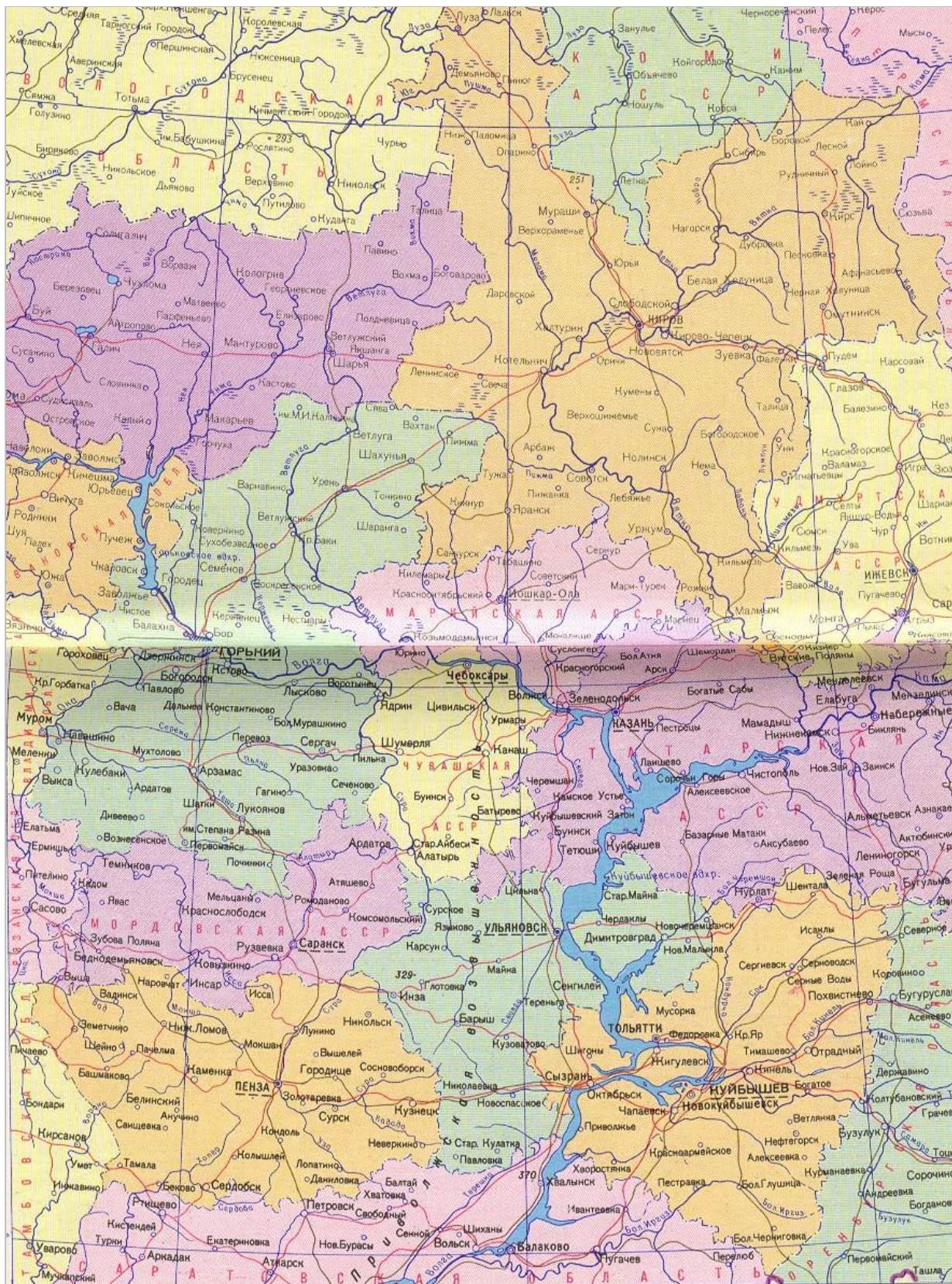
Talis hominis fuit oratio,
qualis vita

Карта Вятки

Карта Вятки (Кировской области)¹

¹ В.Э.: По БСЭ-3: Город Киров 349 тыс. жителей в 1972 году (25 тыс. в 1897), вытянут вдоль Вятки на 20 км. Кировская область – площадь 120,8 тыс. км² (Латвии 63,7 тыс. км²); население 1,69 млн. чел. (1972; в Латвии в то же время 2,43 млн.). Русские составляют 91% населения. Город Киров расположен примерно на такой же географической широте как юг Эстонии.

Карта окружения Вятки

Окружение Вятки (Среднее Поволжье)

Предисловие

Помещаю в свой Дневник статью Сергея Ухова, действительного члена Русского географического общества при Российской академии наук, об этнической истории Восточной Европы. Статья попала в мое поле зрения после того, как Вячеслав Румянцев, держатель и редактор интернетовского исторического сайта ХРОНОС, поместил ссылку на статью Ухова в список рекомендуемой для чтения литературы при моей статье о латгалах. (Мои статьи об этногенезе латышей, написанные для ХРОНОСа, даю в этом томе ниже в качестве приложения № 1, так как они до сих пор в Векордии не опубликованы).

Статья Сергея Ухова, бесспорно, в высшей степени интересна и ценна. Некоторые свои замечания к ней я даю в подстрочных примечаниях, отмеченных, как обычно, знаками «В.Э.:». Но основные возражения автору даются в Послесловии.

Кроме того, в подстрочных примечаниях я продублировал авторский Список литературы – чтобы легче было кинуть взор на координаты упоминаемого источника, просто взглянув на низ читаемой страницы – без поиска в отдаленном Списке.

Валдис Эгле

10 октября 2008 года

Сергей Ухов. История Вятки

(как часть этнической истории восточной Европы)

http://www.hrono.info/statii/2006/vyatka_uhov.html

1. Традиционный взгляд

Общая картина появления и распространения (этногенеза) славян и, в частности, русских, по общепринятому мнению, такова. Славяне как племена, имеющие специфические культурные и языковые свойства, возникли на Дунае, на юге нынешней Польши или на Днестре. На исторической арене они проявились в начале I тысячелетия н.э. Во время Великого переселения народов они играли второстепенную роль, но все же поучаствовали в уничтожении Западной Римской империи. По некоторым данным, и вандалы были славянами или полуславянами-полугерманцами. В катаклизмах бурных IV и V веков исчезли многие народы. Славяне заняли территории обитания некоторых из них, ассимилировав оставшихся в живых жителей. К VII–VIII векам они занимали земли нынешних славянских государств средней Европы, север (лесную и лесостепную часть) Украины, часть Белоруссии, Псковщину и Новгородскую землю, часть верхнего Поднепровья. В междуречье Волги и Оки они обитали наряду с балтийским племенем голядь и финноуграми.

Финноугры – народы, говорящие на финноугорских языках, одной из двух ветвей уральской семьи языков. Финноугорская ветвь делится на языковые группы: прибалтийскофинская (финский, водский, эстонский и др.) и примыкающий к ней саамский; поволжскофинская (мордовские и марийский); пермская (коми-зырянский, коми-пермяцкий, удмуртский); угорская (венгерский, мансийский, хантыйский).

Балтийские народы (балты) – говорящие на балтийских языках. Балтийские языки – группа языков индоевропейской семьи, к ним относятся латышский, литовский и латгальский, а также вымершие прусский, ятвяжский и др. Наиболее близки к славянской группе языков; некоторые исследователи объединяют балтийские, славянские и палеобалканские (языки догреческого населения Балканского п-ова, о-вов Эгейского моря и М. Азии) языки в одну ветвь и.-европейской семьи. Литовский язык считается наиболее архаичным из всех индоевропейских языков – т.е. наиболее близким к праиндоевропейскому языку-основе.

Всё остальное пространство лесной зоны Восточной Европы и Западную Сибирь населяли финноугорские народы. Примерно в середине I тысячелетия н.э. произошло разделение славян на восточных, южных и западных. В VIII веке возникли первые восточнославянские государства – на среднем Днестре и на северо-западе в районе Волхова. В следующие века восточные славяне, получившие общее прозвание *русь*, покоряли окрестные народы, наполняя собой пространство будущей России. Большинство финноугорского населения, а затем и сибирского (в т.ч. угорского) было ассимилировано, остались лишь отдельные островки на территориях нынешних автономных республик. Так русские дошли к середине XVII века до Тихого океана.

Бассейн р. Вятки был заселен финноугорскими племенами – предками марийцев, удмуртов и коми. Русские стали появляться на этих землях в XII веке отдельными группами, что засвидетельствовано археологией. Первое упоминание о Вятке в русских летописях датируется 1374 годом: «Ушкуйники... пограбиша Вятку».

Ушкуйники (от древнерусского *ушкуй* – речное судно с вёслами), новгородские отряды (до нескольких тыс. чел.), формировавшиеся боярами для захвата земель на С. и торгово-разбойничьих экспедиций на Волге и Каме с целью обогащения и для борьбы с политическими и торговыми противниками. Появились в 20-х гг. 14 в. Социальный состав У. был весьма сложным. Походы У. подрывали экономические ресурсы Золотой Орды, но вместе с тем наносили ущерб городам и мешали развитию торговли по Волге и Каме. В 1360 У. во главе с боярином Анфалом Никитиным захватили г. Жукотин на Каме. В 1366 напали на Нижний Новгород и перебили много татарских и армянских купцов. В 1371 совершили грабительские набеги на Кострому, Ярославль и др., в 1375

разбили войско костромичей, разграбили Кострому, Нижний Новгород и дошли до Астрахани, где были разгромлены татарами. В начале 15 в. в связи с усилением Московского великого княжества походы У. прекратились. (БСЭ).

Более подробный рассказ о заселении Вятской земли дает т.н. «Повесть о стране Вятской», составленная на основе когда-то, возможно, существовавших вятских летописей или преданий и сохранившаяся в списках XVIII века. Согласно «Повести» новгородцы самовластцы пришли на Вятку в 1174 году (как написано, во время княжения Ярослава Владимировича) и обнаружили вблизи устья Чепцы «Болванский» городок, населенный чудью и отяками (в других списках – остяками). Они овладели этим городом в тяжелом сражении, призвав на помощь святых страсто-терпцев Бориса и Глеба и великого князя Александра Невского. Завоеванный город новгородцы нарекли Никулицын «ради речки Никуличанки». На этом месте, вблизи села Никулицыно, действительно находится большое городище с несколькими культурными слоями. Верхний относится к XIV веку н.э., нижний – к V веку до н.э. Кроме того, другой отряд новгородцев захватил черемисский город Кошкаров, который «ныне нарицается Котельнич».

Посоветовавшись, новгородцы решили между двумя этими городами поставить новый город, который назвали Хлыновым, «ради речки Хлыновицы», вблизи устья которой и был он основан. В дальнейшем Никулицын, видимо, захирел, а Хлынов с Котельничем (спустя какое-то время к ним присоединился город Орлов) росли и развивались, заселялись новгородцами, участвовали в московских междоусобицах, воевали с татарами и были вполне довольны своим положением, пока не попали под власть московского великого князя. На этом, собственно говоря, история вольной Вятки заканчивается, поскольку она уже вошла в историю Московской Руси.

В 1781 г. Екатерина II переименовала Хлынов в Вятку (с 1934 – Киров).

Замечательно еще и то, что чудь и «отяки» в других источниках в связи с Вяткой не упоминаются. Впрочем, известно из преданий, что чудь ушла под землю. А отяки – это, видимо, вотяки, удмурты. Деревни, населенные ими, остались на восточных и юго-восточных окраинах Кировской области. В южных районах довольно много марийцев (черемисов) и татар. Остальное коренное население было, видимо, успешно и в короткий исторический срок ассимилировано или по-тихому уничтожено новгородцами.

Надо сказать, что сведения из «Повести о стране Вятской» были использованы Карамзиным и Костомаровым, причем были поданы последним как факты из «вятских летописей». С легкой руки маститых историков они до сих пор кочуют по историческим трудам. Костомаров как-то заметил: *«Нет ничего в русской истории темнее судьбы Вятки...»*. Через 135 лет ему едко, но справедливо ответил американский историк-источниковед Даниэль Уо (Waugh): *«Сам Костомаров не сделал менее «темной» историю Вятки, так как в основном он только повторял сведения из известной «Повести о стране Вятской» в ее «толстовском» варианте»* (71)².

В начале XX века «Повесть о стране Вятской» была подвергнута тщательному анализу и критическому разбору со стороны вятских краеведов, среди которых нужно выделить А.С. Верещагина (45)³. Было установлено, что она написана не ранее конца XVII, а скорее всего – в XVIII веке. В «Повести» содержится множество исторических несуразностей. В XII веке, например, не было крупномасштабных походов ушкуйников, иначе бы это обязательно зафиксировали дотошные летописцы. Это – реалии XIV века, вызванные ослаблением Золотой Орды, в военно-политический ареал которой входила Северная Русь. Само же Русское государство тогда еще не окрепло. На месте Котельнича и вообще в этом районе не было черемисских поселений – ни по письменным, ни по археологическим источникам. И что за название – Кошкаров? Может быть – Кокшаров? Был такой город, действительно в черемисских местах, но на Волге, в 250 верстах к югу от Котельнича. Назван по реке Б. Кокшага. Был еще Царевококшайск (ныне Йошкар-Ола) на М. Кокшаге. Еще есть река Кокшеньга, но это уже к северо-западу от Котельнича верст 350. Такое впечатление, что автор «Повести» «слышал звон», да и тот передал неточно.

Есть в «Повести» такой эпизод: новгородцы хотели поставить город Хлынов выше по течению, там, где сейчас Трифонов монастырь. Заготовили лес, но вышедшая из берегов Вятка унесла лес на версту ниже. Там город и поставили. Критики заметили, что это ходячая легенда: примерно такие же истории рассказывают про разные города. И так далее.

² Уо Д. «История одной книги». СПб. 2003.

³ Повесть о стране Вятской. Издание и комментарии А.С. Верещагина. Вятка. 1905. Свод летописных известий о Вятском крае. Сост. А.А. Спицын. Вятка. 1883. Переиздание. Киров. 1993.

Но, подвергнув «Повесть о стране Вятской» уничижительной критике, исследователи оставили этот источник в научном обиходе: ведь если отбросить «Повесть», то не останется вообще почти ничего! Пришлось сделать такой вывод: фактология, наверное, все-таки более-менее достоверная, раз осталась в исторической памяти вятчан. Просто автор «Повести» перепутал год. Он написал 6682 год (1174), а первое упоминание в русских летописях о Вятке датируется 6882 (1374) годом (поход ушкуйников). Значит, описка во второй цифре, поменяем циферку, и все будет нормально! Получилось, как у Пастернака: «Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?! Подумаешь, на пару веков ошиблись!»

Главный историограф Вятки проф. Эммаусский принял и распространил концепцию достоверности «Повести» со сменой датировки (на 200 лет) похода новгородцев. Осталась одна неувязка. В «Списке русских городов дальних и ближних», составленном в конце XIV века, вслед за Нижним Новгородом и Курмышем на Суре, стоит город Вятка. Упоминается город Вятка и в летописях, и в договорных документах того времени. А в «Повести о стране Вятской» ничего не говорится о городе Вятке, а только о чудско-отяцком Болванском (Никулицыне), черемисском Кошкарове (Котельниче) и новгородском Хлынове. Эммаусский блестяще разрешил это противоречие, как бы забыв о мифических Болванском и Кошкарове (тут верим «Повести», а тут не верим?) и добавив к триаде названий главного города (Хлынов – Вятка – Киров) четвертый элемент. Получилось Вятка – Хлынов – Вятка – Киров (81, 82⁴ и др. соч.).

Город на реке Вятке, писал Эммаусский, был один. Сначала он назывался Вятка. Его основанием можно считать 1374 год (из формулы: 1374=1174+200). В середине XV века на территории города Вятки была построена крепость под названием Хлынов, и затем это название вытеснило первоначальное имя города. Тогда же на реке Вятке ниже по течению были заложены города Котельнич и Орлов. Первые упоминания об этих трех городах в русских летописях относятся к 1457–1459 годам. В дальнейшем были основаны города Слобода (Слободской) и Шестаков выше по течению. И уже в XVI веке на марийских землях поставлены города-крепости Царевосанчурск, Яранск, Уржум и Малмыж.

Эта историческая концепция стала официальной, по ней отсчитывается возраст г. Кирова, она излагается в учебных пособиях и берется за основу последующих исторических исследований. Еще раз кратко сформулирую ее суть: Вятская земля была заселена финноугорскими племенами, предками марийцев, удмуртов и коми. Отдельные группы русских проникали на Вятку, начиная с XII века. Новгородцы пришли на Вятку в конце XIV века, победили коренных финноугров – чудь, «отяков» и черемисов – и основали город Вятку (впоследствии Хлынов). Тогда началась интенсивная русская колонизация края, основу которой заложили новгородские ушкуйники. В первые 115 лет своего существования Вятка пользовалась определенной «самостоятельностью», но после похода, организованного Иваном III, вошла в состав Московского централизованного государства. Народы, ее заселявшие, подверглись мирной ассимиляции и сохранили свою национальную идентичность только по краям области.

Эта общепринятая историография не случайна. Она вписывается в общий контекст «конкистадорской» теории освоения восточноевропейской равнины: отряды ушкуйников или князя-герои ставят города, а затем приходят толпы крестьян и осваивают земли, занятые раньше темными туземцами (в данном случае – финноуграми). Эта же концепция принята историографией национальных автономий: они исторические хозяева, а русские – пришельцы-колонизаторы. По существу это экстраполяция освоения Сибири на более раннее время и ближнюю территорию.

2. Источники традиционной историографии

В этой части нашей работы ограничимся рассмотрением историографии Вятской земли. И взглянемся попристальнее в источники, на которых она базируется. Как удачно сказал современный историк Сергей Цветков, *«иные научные теории имеют вид преуспевающего дельца с темным прошлым, в которое нелишне заглянуть, прежде чем вести с таким человеком какие-либо дела».*

⁴ Эммаусский А.В. «Вятка в XII–XV веках» // Энциклопедия земли Вятской. Т. IV. Киров. 1995. Эммаусский А.В. «История Вятского края в XII – середине XIX веков». Киров. 1996.

Источник №1 – это «Повесть о стране Вятской», о которой мы уже писали. Но в этой «повести» есть еще и первая часть (45a)⁵, которую современные публикаторы обычно отбрасывают. В ней говорится о происхождении русского народа, который олицетворяют новгородцы, чуть ли не от сотворения мира. Для нынешних представлений она совершенно фантастична, но вполне вписывается в расхожую, правда, тогда уже провинциальную мифологию начала XVIII века, когда история как наука в России еще только зарождалась.

Подобные сочинения есть, наверное, у всех стран и народов. Их цель – облагородить правителей, элиту или этносы, выводя их происхождение от более-менее достойных предков и как можно более древних: от Адама, Перуна или Александра Македонского. В данном случае мы имеем дело с региональным вариантом подобной «истории», которая ведет происхождение вольной Вятки от самовластного Новгорода. Ее автор, по данным Уо, – дьячок Богоявленского собора Семен Попов, занимавший впоследствии выборную должность бурмистра Хлынова – преследовал в некотором смысле и политические, оппозиционные цели. Судя по содержанию «Повести», можно предположить, что многие мифологемы попали в среду хлыновского клира вместе с монахами из новгородских обителей в тяжелые для новгородской братии времена Ивана Грозного. Видимо, в монастыре пересказывались легенды о том, от кого произошли новгородцы, а с другой стороны – звучали рассказы о дерзких самовластцах, почерпнутых, возможно, из летописей, но попавшие к автору только в устной форме через третьи руки. Только этим можно объяснить анахронизмы, связанные с самыми известными князьями. Ведь Александр Невский, которого призывают на помощь новгородцы в 1174 году, родился только около 1220, а в те времена еще и его папы на свете не было. А само действие происходит якобы во времена Ярослава Владимировича. Известных князей с таким именем было двое: Мудрый и Осмомысл, но оба жили задолго до Александра (первому он был прапрапраправнук, а второму – внучатный племянник), так что синхронизировать различные куски «Повести» никак не удастся. Само же предисловие, по мнению Уо, является сокращением известного текста «Начало великому Словенску».

Зато хорошо было известно автору Никульчинское городище. Даже в XIX веке, до начала систематических раскопок, остатки укреплений древнего города были хорошо видны. Итак, древний разрушенный город есть, есть существующий город Хлынов, на вятской земле жили инородцы (это всем известно), в древние времена тут сновали новгородцы (говорят, так в летописях написано), а дальше – вперед, перо!

Не чужды автору «Повести» и топонимические изыскания, что говорит о его недюжинной фантазии. Например, город Никулицын назван «ради речки Никуличанки», а город Хлынов – «ради речки Хлыновицы» (хотя, конечно же, наоборот – исходя из семантики основ и морфологического строения этих топонимов). А откуда Хлыновица? Когда подплывали новгородцы к ее устью, над речкой летали птицы и кричали: «Хлы! Хлы! Хлы!»...

Конечно, «Повесть о стране Вятской» – ценнейший литературный памятник, произведение талантливого пиарщика эпохи российского Возрождения, по которому можно изучать провинциальную культуру петровского времени. Что же касается реалий XII или XIV века, то надо признать, что ее автор имел весьма туманное представление о том времени и происходивших тогда событиях. Если он и основывался на каких-то преданиях, то они могли относиться либо к другому времени, либо к другому месту, либо быть плодом фантазии. Использовать в качестве источника исторических сведений «Повесть о стране Вятской» недопустимо, т.к. это не только искажает реальность, но, в отсутствие других фактов, создает псевдореальность, миф, который препятствует установлению исторической истины.

Источник №2 – русские летописи, тексты договоров и другие письменные документы эпохи. В достоверности синхронных летописей, за некоторым исключением, не приходится сомневаться. К сожалению, о Вятской земле до 1374 г. нет ни одной записи. Записи по концу XIV века предельно лаконичны типа «ушкунцы пограбиша Вятку».

Источник №3 – археологические раскопки. Беда археологии в том, что при отсутствии письменных источников она ничего или почти ничего не может сама по себе сказать об этнической принадлежности представителей археологических культур, а главное – об их языке. Ей нужны дополнительные данные. При неточности таких данных и выводы археологии будут столь же неточны.

⁵ Повесть о стране Вятской // Труды ВУАК. Вятка. 1905. Вып. 3. Отд. 2. С. 1–97.

Что касается археологических культур северо-восточной Европы, то здесь их этническая интерпретация считается несложной: если культура местная, то, значит, она соотносима с финно-угорскими или самодийскими этносами.

Самодийские народы, общее название народов, говорящих на самодийских языках, – ненцев, энцев, нганасан и селькупов. Самодийские языки – вторая ветвь (наряду с финноугорской) уральской семьи языков.

Это принимается априори, потому что «здесь всегда были финноугры».

Итак, в археологическом изучении края необходимо снять налет мифологии, заново переосмыслить этническую принадлежность археологических культур, опираясь только на достоверные источники. Но для начала – снять все бездоказательные отождествления археологических культур с этносами.

Надо признать, что в археологическом отношении территория Кировской области изучена очень слабо. Даже у самых известных объектов либо раскопаны только верхние слои, либо малая часть площади. В последнее время раскопки велись различными экспедициями (Глазов, Ижевск, Пермь и т.д.) и должным образом не систематизированы и тем более не осмыслены историками.

И в конечном итоге, что мы имеем по истории XIV века и более древней, по этнической истории края, после того, как отбросили недостоверные источники и мифы? Практически ничего. Чистый лист. Вот на этом чистом листе и предстоит написать историю Вятки и всего северо-востока Европейской части России. А возможности для этого есть, в чем мы убедимся в дальнейшем.

3. Направления исследований

3.1. Письменные источники

Необходимо заново проанализировать письменные источники, касающиеся не только Вятки, но и соседних регионов. Конечно, источники весьма скудные, но взгляд, свободный от мифов, может и из них кое-что почерпнуть.

3.1.1. Русские летописи и другие документы

Они изучены вдоль и поперек и содержат вроде бы ничтожно мало информации о рассматриваемых территориях. Тем более ценно каждое слово. Надо принять во внимание, что отсутствие информации о каком-либо предмете – это тоже информация.

Например, первое упоминание о реке Кама в русских летописях датируется, видимо, 1324 годом, о Вятке (местности) – безусловно, только 1374 годом, хотя уже в самых древних летописях есть сведения о более удаленных северных землях и народах вплоть до Зауралья (Югра и Самоядь). А ведь Кама – крупнейшая река в Европе, река Вятка – тоже не ручей, а реки в то время были главными транспортными путями. Может быть, не было связей? Нет, связи были с древних времен.

В слыхах VII века (!) на территории Финляндии, по сообщению финского исследователя Аарни Эря-Эско, был обнаружен ряд украшений, таких, как шейные гривны и фибулы, происходящие (наряду с Волго-Окским) из Волго-Камского междуречья, где, по его словам, «в эту эпоху существовала древняя и яркая культура» (85.⁶ С. 170). «Путешествия камских поставщиков пушнины и торговцев, – утверждает Эря-Эско, – достигали и Финляндии».

На Балтике отмечено «распространение браслетов и гривен пермского типа с VIII века». Клад IX в. на о. Рюген (Балтийское море) «содержал... обломок пермского браслета т.н. «глазовского типа»» (Й. Херрман. 76.⁷ С. 80). Заметим, что Глазов расположен в бассейне Вятки.

Можно не говорить о более близком славянском Северо-западе (будущей новгородской земле), где подобных находок – тьма.

⁶ Эря-Эско А. «Племена Финляндии» // Славяне и скандинавы. Пер. с немецкого. М. 1986.

⁷ Херрман Й. «Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона» // Славяне и скандинавы. Перевод с нем. М. 1986.

Наблюдались и обратные процессы. Например, в раскопках, относящихся еще к фатьяновской культуре, в ареал распространения которой входила и Вятка (II тысячелетие до н.э.), находили многочисленные изделия из янтаря с берегов Балтики.

Любопытно, что в двух местах в Европе засвидетельствован культ железной стрелы: в г. Волине на побережье Балтийского моря (смешанное кельтское, германское и западно-славянское население, «венеды») и на Вятке, причем у нас этот культ проник даже в православную обрядность (крестные ходы с культовой стрелой). Этот факт отмечен С. Цветковым (78,⁸ с. 370).

Несомненно, что между Северо-востоком и Северо-западом существовали древнейшие связи. Но с начала летописания до 1324 г. и до 1374 г. соответственно Камы и Вятки для летописцев как будто не существует.⁹ Это отсутствие – тоже своего рода факт, который многое может дать для осмысления процессов, происходивших на Севере.

Другой пример. В одной из летописей говорится: «Сказа ми Гюрята Роговичь Новгородец: послах отрок свой в Печору, люде, яже суть дань дающие Новгороду; и пришедшу отроку моему к ним, оттуда иде во Югру; Югра же люде есть язык нем и соседят с Самоядью на полуночных странах» (Лаврентьевская летопись. Л. 85а середина. 27.¹⁰ Сс. 234–235).

Печора, Югра и Самоядь здесь этнонимы. У первых двух народов в тексте имеются краткие характеристики, чем они примечательны для летописца:

Печора – люди, дань дающие Новгороду;

Югра – люди, язык которых нем (непонятен).

Но ведь логически вытекают из этого противопоставления и противоположные характеристики:

Печора – язык их понятный;

Югра – дань не дают.

Не означает ли это, что язык печоры не финноугорский, как принято считать априори, а близкий летописцу – славянский или балтийский (про балтов – голядь или литву – никогда не писалось «язык нем», в то время различия балтийских и славянских языков были меньше, да и постоянные контакты позволяли, видимо, понимать друг друга)?

Почти очевидно (да и нет других мнений), что летописная печора обитала на берегах реки Печоры. Беглый взгляд на гидронимию (названия рек) Печорского бассейна показывает, что в среднем и нижнем течении Печоры имеется большой пласт гидронимов индоевропейского происхождения, включая и название основной реки. Любопытно, что как в бассейне Печоры, так и в бассейне Вятки многочисленны гидронимы с формантом -ма, вплоть до совпадения названий (р. Пижма, лев. пр. Печоры, и р. Пижма, пр. пр. Вятки). Об этимологии гидронимов на -ма см. ниже. Да и вообще названия всех крупных рек Северо-востока и прилегающих районов Сибири – индоевропейские: Северная Двина, Мезень, Печора, Обь. Причем, многие финноугорские народы усвоили именно эти названия (например, Двина у карелов *Viena* – с отброшенным «д», Мезень у коми «Мозын», Печора – «Петшера», Обь – «Об», тогда как у ненцев – «Сале`»), причем из финноугорских языков они не объясняются. Это говорит о том, что и на крайнем Севере жили какие-то индоевропейские племена, язык которых был понятен новгородским путешественникам, и летописная печора – одно из них.

Таким образом, лапидарная информация летописи, подтвержденная другими источниками, становится говорящей.

Столь же важны в качестве материала для логических интерпретаций и ранние сведения по географии, такие как «Список русских городов дальних и ближних» (XIV в.) и «Книга Большому чертежу» (описание XVII в. карты XVI в.), но об этом будет сказано ниже.

3.1.2. Арабские, персидские и хазарские источники.

Как ни странно покажется на первый взгляд, они могут дать больше информации о северо-востоке Европы X–XIV вв., чем русские.

Молчание русских летописей этого времени о камских и вятских землях можно объяснить этническим (пассионарным) усилением черемисов, которые фактически разорвали связи Северо-

⁸ Цветков С.Э. «Русская история». Кн. I. М. 2003.

⁹ В.Э.: Летописи славянские, а связи осуществляли НЕ-славяне. (Славяне до Вятки еще не дошли).

¹⁰ Лаврентьевская летопись// ПСРЛ. Т. I. М. 1997.

востока с центрами русской государственности, где велось летописание.¹¹ Марийцы (черемисы), по данным гидронимики, издавна жили в Вятско-Ветлужском междуречье (вероятно, эта народность возникла в конце I тысячелетия н.э., хотя их этногенез очень туманен). В X или XI веке сведения о черемисах попали в русские хроники, что может говорить об их активизации. Сухопутный путь из района Нижнего Новгорода на Вятку был непроходим даже в XVII веке из-за «воровства» черемисов в Вятско-Ветлужском междуречье. Еще на рубеже тысячелетий они, видимо, заняли луговой (северный) берег Волги, а мордва – горный (южный), причем воинственность обоих народов широко отражена в русских письменных источниках.

Северо-западный путь через бассейн Северной Двины (р. Юг – р. Молома, пр. пр. Вятки) был перекрыт либо черемисами, либо другим, неизвестным финноугорским народом, оставившим после себя ареал гидронимов с формантом -юг. Возможно, это была летописная чудь заволочская.

Появление Вятки в русских летописях можно объяснить разблокированием этого пути¹² через Юго-Моломский переход, которое произошло, скорее всего, не благодаря новгородским ушкуйникам; они просто первыми воспользовались этим или же, что еще вероятнее, первыми попали в летописи. Главным фактором стало укрепление Великого Устюга и закладка целого ряда городков выше по реке Юг (Орлов, Осиновец, Сосновец и др.).

Но если население Вятки и Камы и не имело связей с Новгородом и Владимиро-Суздальской Русью, то это не значит, что оно не имело связей с цивилизованным миром вообще.

Основными транспортными путями в лесной зоне являлись реки. Стоит посмотреть на карту Восточно-Европейской равнины, как сразу бросается в глаза крупнейший речной «транспортный узел» – место слияния Камы и Волги. С запада к нему течет Волга, с севера – Вятка, с северо-востока – Кама, вбирающая в себя уральские реки, а на юг течет полноводный Итиль (Нижняя Волга). В устье Итиля было мощное государство – торговый и финансовый центр срединной Евразии – иудейская Хазария, от которой по Каспийскому морю прямой путь вел в древнюю Персию. В месте слияния Камы с Волгой самой природой предназначалось возникнуть торговому центру – и он возник. Это была Камская (или Волжская) Булгария.

С кем же было торговать населению Вятки? Через два волока с Новгородом или напрямую с Булгарией, имея выход через Булгарию на богатые арабские рынки? Ответ однозначен.

Новгородские купцы на Вятку и Каму не совались, хотя по Крайнему Северу доходили и до Сибири. По тогдашним понятиям, видимо, это была не их зона влияния, ее обходили стороной.

Мысль о тесных связях Вятки с Булгарией не нова. Она поставлена в основу топонимических изысканий известного вятского краеведа Д.М. Захарова (18, 19)¹³, который, по моему мнению, даже несколько преувеличивает влияние на Вятке Булгарии и болгарского языка. Но вот письменные источники, связанные с Булгарией, в плане отражения в них сведений о Вятке, Верхней и Средней Каме, кажется, не исследованы.

Булгария была хорошо известна в Персии, Хорезме и арабском мире, ее основными экспортными товарами были рабы и меха. Но сама Булгария эти товары, конечно, не «производила». Меха с запада в Булгарию в больших количествах поступать не могли: суздальцы и новгородцы сами рыскали за ними по северам чуть не до Енисея. Меха должны были поступать с севера или с северо-востока, т.е. по Вятке и Каме. Еще в I тысячелетии до н.э. место слияния Камы и Волги, Вятка, Кама и более северная Вычегда входили в один ареал культуры – ананьинской. То есть связи там были долгие и прочные – уходящие в глубь веков. Это подтверждает археология не только по ананьинскому, но и по более позднему времени.

В Булгарии не могли не знать о реке Вятке, которая впадает в Каму в полутора сотнях верст от ее столицы, города Булгар, и о Вятском крае, прилегавшем с севера к Булгарии. Непосредственно вблизи устья Вятки находились болгарские города (например, т.н. Чертово городище, 62)¹⁴. К сожалению, не было значительных письменных источников самой Булгарии, или они не сохранились. Но с начала X века Булгарию посещали арабские географы и путешественники, которые оставили интереснейшие географические и этнографические заметки, касающи-

¹¹ В.Э.: Всё же более простое объяснение состоит в том, что в это время Вятка еще не вошла в ареал, затронутый славянами.

¹² В.Э.: Но можно объяснить также и просто тем, что русские, наконец, дошли до Вятки.

¹³ Захаров Д.М. «Краткий топонимический словарь Кировской области». Киров. 1988. Захаров Д.М. «Серебряная Вятка». Киров. 1990.

¹⁴ Спицын А.А. «Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии»// Материалы по археологии Восточных губерний России. Вып. 1. М. 1893.

еся, в том числе, славян и русов. Наверное, что-то, относящееся к Северо-востоку, можно найти и в хазарских источниках, поскольку одно время Булгария была в вассальной зависимости от Хазарского каганата.

Всё дело в интерпретации. Конечно, если заранее считать, что Вятку, Верхнее и Среднее Прикамье, например, заселяли дикие финноугорские племена, то всё, противоречащее этому «очевидному» утверждению, будет признано недостоверным либо относящимся к другому региону. Вот пример одного из ранних свидетельств арабского географа ал-Истахри (930–933 гг.) в «Книге путей государств» («Китаб масалик аль-мамалик»), опиравшегося на несохранившийся труд ал-Балхи (920–921 гг.) (перевод А.П. Новосельцева. 40.¹⁵ С. 411):

«Русов три группы. Одна группа их ближайшая к Булгару, и царь их сидит в городе, называемом Куйаба, и этот город больше Булгара. И самая отдаленная из них группа, называемая ас-Славийа, и третья группа их, называемая аль-Арсанийа, и царь их сидит в Арсе. И люди для торговли прибывают в Куйабу. Что же касается Арсы, то неизвестно, чтобы кто-нибудь достигал ее, так как ее жители убивают всякого чужеземца, приходящего в их землю. Лишь сами они спускаются по воде и торгуют, но не сообщают никому ничего о делах своих и своих товарах и не позволяют никому сопровождать их и входить в их страну. И вывозятся из Арсы черные соболя и олово (свинец?)... Эти русы торгуют с хазарами, Румом и Булгаром Великим».

Аналогичное сообщение имеется у Ибн Хаукаля. Оба эти свидетельства, как и другие аналогичные, восходят, по мнению исследователей, к популярному в арабо-персидском мире дорожнику (путеводителю) Ибн Хордадбега, который написан, скорее всего, со слов купцов в 846 г., во всяком случае, не позднее 80-х годов IX в.

Общепринята точка зрения, что Куйаба – это Киев, а Славия – Новгородская земля (словене). Местоположение Арса и Арсанийа считается дискуссионным. Б. Рыбаков, считающий Новгород X века захолустным городком, исходя из своей киевоцентричной теории, поместил все три группы русов на Средний Днепр, в Киевскую землю (52.¹⁶ С. 110–116), отождествив Славия с Переяславлем, а Арсанию – с Роднем. Это предположение знаменитого историка очевидно противоречит арабскому тексту.

Во-первых, вся Киевская земля из далекого Булгара видится одной точкой, наблюдатель не будет выделять рядом расположенные объекты, удаленные на полторы тысячи верст.

Во-вторых, города, расположенные рядом, имеют примерно одинаковый ассортимент экспортных товаров. В тексте же особо выделены товары, вывозимые из Арса: черные соболя и олово. Откуда под Киевом черные соболя?! Конечно, жители Поднепровья могли быть посредниками, но везти соболей с Севера или из Сибири через Днепр? Менее сомнительно олово, его могли везти из Рудных гор (Крушне-Гори). Но почему только через «Арсанию», а не «Куйабу» и «Славия»? Да и далеко, и путь есть более близкий.

Можно сказать, что и на Вятке, и на Каме тоже нет промышленных месторождений олова. Но давайте вспомним, что еще в XV веке до н.э. в Среднем Прикамье был центр металлургии бронзы, для выплавки которой может использоваться олово (Турбинская культура). И в I тысячелетии н.э. прикамцы снабжали бронзовыми украшениями Европу (см. выше). Где-то они брали олово для выплавки бронзы? Не везли же из Британии и с Рудных гор? Как пишут исследователи древней материальной культуры А.В. Шмидт и А.А. Иессен, залежи олова на Урале известны с древних времен. Возможно, по их мнению, оловянная руда была доступна и в Северной России, в частности, в регионах Ладожского и Онежского озер и в бассейне Печоры. Но залежей олова не было в Средней и Южной России (80,¹⁷ с. 205 и далее).

Но мы отвлеклись от утверждения Рыбакова, располагающего Арс в Поднепровье. Наконец, третье и очень значимое возражение. Ал-Истахри прямо пишет о купцах Арса: «Они спускаются по воде». Из Поднепровья спускаться можно только в Черное море. Можно, конечно, подняться по притокам, через болота перевалить в окские притоки и спуститься до Булгара по Оке и Волге. Но зачем им было выбирать столь сложный путь, ведь сам Рыбаков подробно

¹⁵ Новосельцев А.П. «Восточные источники о восточных славянах и руси VI–XI вв.» // Древнерусское государство и его международное значение. М. 1965.

¹⁶ Рыбаков Б.А. «Рождение Руси». М. 2004.

¹⁷ Шмидт А.В., Иессен А.А. «Олово на севере европейской части СССР» // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. 110. 1935.

описал прямую сухопутную дорогу из Киева в Булгар, оборудованную специальными «истобами», своего рода почтовыми станциями, через каждые 70 км.

Знаменательно, что «арские князья» упоминаются и в русских, правда, более поздних источниках. В 1489 году Иван III, послав громадную рать, привел к покорности вятские города, при этом «*вятчан больших людей всех и с женами и детми изведоша, да и Арских князей*». «*А торговых людей вятчан же иных в Дмитрове посади, а арских князей пожаловал – отпустил их в свою землю*» (Софийская II летопись. Л. 321 об. 60. С. 326; также: Синодальная хроника). Причем, летописец различает вятчан и «арян»: «*вятчан всех к целованию приведоша, и арян к роте приведоша*» (Новгородская IV летопись. Л. 376. 39. С. 459; также: Софийская I и II летописи). Где эта «своя земля» у арских князей – из летописи не вполне ясно, но, во всяком случае, не Днепр. Неясна из текста их религиозная принадлежность (ариане, мусульмане?), но, во всяком случае, не православные. Непонятно, аряне – это религиозная или этническая характеристика.

Арские леса и Арская дорога упоминаются в русских источниках и в связи с походом Ивана Грозного на Казань, и во многих других случаях. В Кировской области и в Татарии имеются несколько топонимов с основой «арс» (об этом ниже).

Тут надо сказать, что В.В. Бартольд передавал арабский пассаж о трех группах русских в несколько ином виде, считая его принадлежащим Ибн Фадлану (5.¹⁸ С. 836). У него не Арс, а Арт, не олово, а свинец (олово и свинец в X в. по-арабски писались одинаково). По всей вероятности, академик Рыбаков пользовался этим или другим старым переводом (работа Бартольда была написана в 1918 г.). А до войны было принято арабскую букву ث (си или са) транскрибировать русской т, а не с. В действительности, буква ث звучит, как глухой английский межзубный звук *th*, например, в слове *month*. Причем персидские авторы при передаче названия Арс использовали ту же букву ث , которая по-персидски звучит, как русская с. Поэтому совершенно невероятным с точки зрения лингвистики представляется отождествление Рыбаковым Арса с Роднем. Правда, любопытно, почему арабский автор применил для обозначения этой группы русов букву, звучащую, как *th*. Соответствующий звук был и в тюркском языке. Как соотносится этот звук в древнетюркском с татарским XVI в. и как звучали тогда интересующие нас топонимы, остается предметом для дальнейших исследований.

Обитание «русов» к северу от Булгара не должно удивлять. Во-первых, возможно, это не этническая или не вполне этническая характеристика. Арабы отличают русов и славян¹⁹ (сакалиба), правда, есть сообщения, что русы разговаривают по-славянски, в других случаях это понятно по тому, что разговор идет через переводчика-славянина. Во-вторых, в знаменитом арабо-персидском анонимном географическом трактате второй половины X в. «Худуд ал-Алам» упомянута Кух-е рус «Русская гора» к северу от *булгар-е андарун* «внутренних булгар» (77.²⁰ Перс. текст. – л. 38а; перевод В.Ф. Минорского – с. 160). Из контекста понятно, что речь идет о камских булгарах (по А.П. Новосельцеву: 40.²¹ С. 373). Скорее всего, речь идет о горах Северного Урала, которые у арабов и персов считались «русскими».

Сообщают арабские авторы X века и о торговле Булгара с городом, название которого прочитывается как *в...нтит* и *в...т*, где точками заменены пропущенные гласные (36)²². Подробно пишет о стране *Ва...т* (*Ва...ит*) Ибн Русте в сочинении «ал-А'лах ан-нафиса» (по А.П. Новосельцеву. 40. С. 387), сообщая, что она находится «*в самом начале пределов славянских*» (от Булгара?). Персидский географ Гардизи сообщает о городе Вантит в переводе Новосельцева несколько по-другому: он находится «*на крайних пределах славянских*» (там же, с. 390). Эти свидетельства, также, как и сведения о русах и Арсе, восходят, видимо, к дорожнику Ибн Хордадбега (IX в.).

¹⁸ Бартольд В.В. «Арабские известия о русах». // Сочинения. Том II. Ч. 1. М. 1963.

¹⁹ В.Э.: Скорее всего, под «русами» понимаются норманны (варяги, викинги); это пишется в 846 году (или «не позже 880-х»), когда норманны еще не успели полностью ославяниться. (Значит, у норманнов в то время были – по мнению арабов, во всяком случае, – три главных центра в Восточной Европе: Киев, Новгород и Арс. Подчиненное викингам население не обязательно было славянским; в Арсе оно могло быть чисто балтским, да и в названии города «Куйаба» легко угадывается балтская «Kūjava»; город был основан балтами и лишь потом занят славянами и норманнами).

²⁰ «Худуд ал-Алам». Л. 1930.

²¹ Новосельцев А.П. «Восточные источники о восточных славянах и руси VI–XI вв.» // Древнерусское государство и его международное значение. М. 1965.

²² Минорский В.Ф. «История Ширвана и Дербенда». М. 1963.

Хазарский царь Иосиф (X в.) в своей знаменитой переписке с евреями перечисляет народы, живущие по реке Итиль. В их числе – «в-н-н-тит». (23.²³ Сс. 91–102).

Принято считать эти названия относящимися к земле вятичей (см., например, Петрухин В.Я. и Раевский Д.С. 44.²⁴ С. 169). При этом Петрухин и Раевский не обратили внимания, что Итилем хазары и болгары называли Каму и Нижнюю Волгу или Белую, Нижнюю Каму и Нижнюю Волгу, а Верхнюю Волгу считали ее притоком. Царь Иосиф прямо пишет: «Я живу у реки по имени Итиль... Начало реки обращено к востоку на протяжении 4 месяцев пути». Ясно, что это не Волга, а именно Белая, приток Камы, которую Иосиф считал истоком Итиля. А вятичей вряд ли можно назвать живущими по Белой и Каме. Вятчане, напротив, живут как раз рядом с древним Итилем, то есть Камой.

Вятичи, группа восточнославянских племен, обитавших в верховьях Оки и по ее притокам.

Тут нужно сделать лингвистическое отступление. Русское *я* в сильной позиции после согласного появилось на месте общеславянского *e* носового (є). В балтийских и западноевропейских языках ему закономерно соответствует *en*,²⁵ например:

мясо – *mensa* (прусс.)

вязать – *vęzeł* (польск. – «вензель»)

пять – *πέντε* (греч.)

бляду (др.-рус. – «заблуждаюсь») – *blendžiuos* (лит. – «темнею»).

Следовательно, корню вят- предшествовал корень *vet-* и соответствует балтийский корень *vent-* (сравните: вятичи – венеты). Также и топониму Вятка соответствуют многочисленные балтийские топонимы с основой *vent-*, например, Вентспилс на реке Венте.

Следовательно, *в...нтит* и *ва...т* – это две формы одного имени: балтийская (либо другая европейская) и восточнославянская.

Топоним *в...нтит* – *ва...т*, конечно, в принципе, может относиться к земле вятичей, но с большим основанием по географическим ориентирам он может относиться и к Вятке, особенно если учесть, что на Вятской земле обитали, как мы увидим в дальнейшем, и балтийские племена, которые могли передать название города или страны в форме *в...нтит*.²⁶

Во всяком случае, арабские, персидские и хазарские источники надо вновь прочитать, внимательно и непредвзято. Весьма вероятно, что откроется много тайн.

3.1.3. Вятские письменные источники

К сожалению, древних письменных документов не обнаружено. Видимо, не велось на Вятке и летописание. Христианство появилось на Вятке только с началом XV века, но первые священники были, скорее всего, не шибко грамотными. Но вот дохристианские языческие памятники они, скорее всего, уничтожили. Вместе с тем есть неопровержимое свидетельство Ибн Фадлана, что еще в 922 году у русов и вису (обычно отождествляется с весью, финноугорской народностью) была письменность (22.²⁷ С. 138 и сл.). Обнаружить письменные памятники того

²³ Коковцов П.К. «Еврейско-хазарская переписка в X веке». Л. 1932.

²⁴ Петрухин В.Я., Раевский Д.С. «Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье». М. 2004.

²⁵ В.Э.: Вообще-то это не совсем так. Балтийские языки можно разделить на западные и восточные, и граница между ними проходит как раз по Латвии, и эти вещи отражаются в диалектах латышского языка, так что мне хорошо известны. К западно-балтийским языкам относился язык куршей (один из пяти элементов, участвовавших в этногенезе латышского народа – см. Приложение № 1 в конце данной книги). В куршском языке действительно в этой позиции стояло «en» (слово «Venta» куршское). Но у восточных балтов (остальные протолатышские племена) в этой позиции стоит «ie», и если бы река свое название получала бы, например, от земгалов, то она называлась бы «Vieta» (к этому мы еще вернемся, когда автор начнет разбирать этимологию слова «Вятка»). А от восточно-балтского «Vieta» до славянского «Виата» (Вята) уже совсем близко. (Мое деление балтов на западные и восточные несколько отличается от распространенного в литературе: я балтов разделяю на такие две группы именно по этому лингвистическому признаку: сохранили ли они в языке «en» или заменили его на «ie»; при таком признаке деления литовцы оказываются не восточными балтами, а западными; латыши же – восточными).

²⁶ В.Э.: В такой форме передавали скорее норманны (русы), чем восточные балты или славяне.

²⁷ Ковалевский А.П. «Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.». Харьков. 1956.

времени – задача будущих археологов. Возможно, она будет решена с обнаружением древних городов, упоминавшихся арабами – Арса и Вентита (Вятки?).

3.2. Данные топонимики

Топонимика – наука о географических названиях. Топонимы сохраняются много веков и даже тысячелетий, особенно в условиях оседлости и этнической стабильности. Топонимы – те элементы древних языков, которые доходят до нас вне зависимости от письменных источников. Конечно, они могут искажаться, но эти искажения закономерны, и характер искажений сам по себе может дать определенную информацию о происходивших этнических процессах. Я рассматриваю топонимику как инструмент историографии раньше археологии не по степени важности (все важно), а по первичности для этнической истории: только данные о языке позволяют идентифицировать археологические культуры с этносами (язык не единственный, но очень существенный элемент этноса). Кроме того, данные топонимики могут подсказать географию возможного археологического поиска, указать если не место, то хотя бы район для раскопок: «Ищите и обрящите!».

Для Вятской земли объектами топонимических исследований являются в основном названия рек (гидронимы) и населенных пунктов (ойконимы). В значительно меньшей степени – названия участков местности, болот, урочищ, озер. Сюда же примыкают (хотя и не являющиеся топонимами, но важные для нас) названия этнических групп – этнонимы. Кроме того, нас будут интересовать имена и фамилии (антропонимы); одни – как производные от этнических или родовых имен, другие (или те же) – как ставшие основой топонимов (Филипп – с. Филиппово – рч. Филипповка).

Определение возраста топонимов – важная, но очень трудная задача. Каждый раз придется решать ее индивидуально, применительно к конкретному топониму. Например, топоним может сохранять архаическое звучание слов, хронометрированное историческим языкознанием. При этом надо учесть, что в окружении языка-родителя топоним изменяется зачастую вместе с ним и перестает изменяться по законам этого языка при смене языкового окружения либо когда отрывается от апеллятива (нарицательного имени, легшего в основу топонима), приобретая самостоятельное значение.

Принято считать, что наиболее древними являются названия крупных рек. Названия средних рек – моложе, хотя и тоже могут быть достаточно древними (тысячи лет). Названия малых речек, как правило, довольно молодые, особенно в малонаселенной местности. На карты зачастую наносились названия, данные первыми картографами, истощавшими в процессе работы свое воображение. Так появились речки Березовка Полуденная, Березовка Средняя, Березовка Ночная (в смысле – северная), 1-ая Песчаная, 2-ая Песчаная и т.д. Для малых речек характерны названия, вторичные от названий населенных пунктов или имен промышленников, имевших на них охотничьи или рыбные угодья. Названия населенных пунктов могут быть очень молодыми, но есть и весьма древние – возрастом до тысячи лет. Есть предположения, что возраст названий некоторых населенных пунктов может быть и намного больше, но для выдвижения таких гипотез нужны очень весомые обоснования.

Топонимические исследования можно разделить на два направления: отнесение топонимов к языкам-прародителям и анализ «говорящих» топонимов, семантика (значение) которых может дать определенные сведения для исторических интерпретаций.

3.2.1. Языковая принадлежность топонимов

Определение языковой принадлежности топонимов поможет идентифицировать этническую принадлежность исторических культур и на этой основе воссоздать этническую историю Вятского края. А она неотделима от этнической истории всей Восточной Европы. Именно территориальная ограниченность предыдущих исследований (хорошо обследованы Поднепровье, Волго-Окское междуречье, Северо-запад России, но имеются значительные белые пятна) могла приводить историков к ложным выводам. Возникает «эффект наблюдателя», когда близкие объекты кажутся более значительными; обнаруженные древние корни какого-либо этноса кажутся основными, поскольку другие территории не изучены. Подобное обследование Вятского края должно быть привязано не только к соседним регионам, но и к уже обследованным территориям, о которых сказано выше.

В идеале необходимо составить топонимический словарь, причем для целей этого раздела необязательна полная этимологизация топонимов, поскольку семантика апеллятивов второсте-

пенна. Необходимо лишь по апеллятивам и топоформантам (например, суффиксам) определять языковую принадлежность топонима и, желательнее, его возраст. На основе словаря нужно составить карты распространения топонимов определенной языковой принадлежности; отдельно – средних рек, малых рек и ойконимов. Затем нужно наложить эти карты на карты распространения исторических культур в трехмерном пространстве (x,y,t). Конечно, графически эти карты будут двухмерными, а третье измерение (проще всего – время) нужно будет держать в уме.

Как минимум, можно составить карты распространения топоформантов, принадлежность которых к конкретным языкам или их группам не вызывает сомнений, как это сделано в классической работе В.И. Топорова и О.Н. Трубачева (64)²⁸ и в книге Н.Д. Русинова (51)²⁹. В этой связи очень важно языковое соотнесение распространенных гидроформантов -ма, -да, -юг, -ик и -им (-ым), о которых еще будет сказано ниже.

В Кировской области такая работа на серьезном уровне не проводилась, исследователи наталкивались на непреодолимые трудности в этимологизации топонимов, которые объясняются применением только финноугорской версии происхождения гидронимов, тогда как средства других языков не привлекались. В некоторых других работах (Э.Д. Головина, Е.Н. Мошкина), посвященных русским и тюркским топонимам, ставились более локальные задачи. Исключение – статья Л.Н. Макаровой (30)³⁰, о которой будет сказано в дальнейшем.

Мои (пока только поверхностные) исследования показывают, что финноугорское происхождение имеют не более 5% гидронимов, а среди дорусского субстрата – порядка 10% (цифры приблизительные). Для этимологизации топонимов необходимо привлекать как минимум языки трех семей.

Индоевропейская семья

Русский язык

Наиболее интересно для наших целей нахождение древнерусского субстрата или даже праславянского (если таковые есть). При этом необходимо тщательно проверять возможность происхождения топонимов из близких языков, а также их переосмысления из иных языков.

Например, название села Истобенск (совр. Оричевский р-н Кировской обл.) может происходить как из древнерусского истьба, так и из лтш. *istaba* «комната». Но русский суффикс -енск свидетельствует, скорее, в пользу русской версии. В подтверждение этого говорит также то, что само лтш. *istaba* считается заимствованным из русского (М. Фасмер), и, наконец, расположение двух сел под названием Истобное на древнем пути из Киева в Булгар, где балтийский элемент не характерен (Рыбаков Б.А. 52.³¹ С. 110). С лингвистической точки зрения нельзя исключить и происхождение этого названия от времени балтославянской языковой общности, хотя это и выглядит фантастически. (Впрочем, в районе этого села находится Тиваненковское городище VII–III вв. до н.э., и при некоторой доле фантазии можно рассмотреть его как предтечу Истобенска).

Другой пример: р. Нерсма (пр. пр. Суны, пр. пр. Вои, лев. пр. Вятки) или из русского нереститься, или из лтш. *nersti*³² «нереститься». С лингвистической точки зрения (по-русски было бы *Нерстьма, *Нерестьма, а еще вероятнее – *Нерестянка) я отдаю предпочтение балтийской или балтославянской версии.

А р. Рыбас (лев. пр. Вои) заведомо не имеет отношения к русской рыбе, поскольку окончание – нерусское. Скорее, от лтш. *gibatī* «гремять»³³ с окончанием им. пад. м.р., поскольку маленькая речка вполне производит впечатление ручья, который в балтийских языках тоже

²⁸ Топоров В.Н., Трубачев О.Н. «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья». М. 1962.

²⁹ Русинов Н.Д. «Этническое прошлое Нижегородского Поволжья в свете лингвистики». Н. Новгород. 1994.

³⁰ Макарова Л.Н. «Древние наименования города Кирова». Рукопись. Киров. 1984.

³¹ Рыбаков Б.А. «Рождение Руси». М. 2004.

³² В.Э.: *Nērsts* (так, во всяком случае, в современном латышском).

³³ В.Э.: Что-то не то: по-латышски *gībēt*; по-литовски *gībėti*. Я не представляю, как от этих глаголов по законам наших языков можно получить *Ribas*. Если это балтское слово (а окончание вроде бы указывает на это, только я бы идентифицировал его как окончание женского рода множественного числа), то оно скорее происходит от восточно-балтского *gīb-* (чему соответствует славянское «ряб-»), т.е. речки (или протоки и т.п.) были «Рябые».

мужского рода. Семантика обычна как в русской, так и в балтийской топонимии (ср. Гремячий ключ и т.п.).

Малопродуктивна этимологизация топонимов от диалектных апеллятивов русского языка, например, названия многочисленных рек Холуница от холун «речной нанос» или р. Слоты (лев. пр. Сандаловки пр. пр. Вятки) от слота – «грязь». Желательно выяснять происхождение и самих апеллятивов, поскольку они могут привести к другим языкам или к праславянским временам, что гораздо информативнее для историографии.

Балтийские языки

Удивительно, но на наличие топонимов балтийского происхождения почти никто не обращал внимания, хотя они, как мы увидим, и многочисленны, и повсеместны. М. Фасмер ограничивал с востока территорию распространения балтийских гидронимов Московской областью. В последнее время стало общепризнанным доводить балтизмы до Нижегородского Поволжья.

Попытки продвинуть границу балтизмов дальше очень робки. Р.А. Агеева, этимологизируя оз. Липшо (Торопецкий уезд) из лит. *lipši* «липнуть, прилипнуть», привела пример литовского оз. *Lipšys* и р. Липша в Казанской губ. (ныне республика Марий Эл – С.У.) и снабдила его примечанием «несколько неожиданное соответствие». (3.³⁴ С. 192). Но еще в конце XIX в. известный этнограф И.Н. Смирнов заметил, что до марийцев и до удмуртов на территориях их расселения жили какие-то «неизвестные племена» (55, 56)³⁵. Он приводит целый список домарийских названий рек: Ветлуга, Кокшага и др. – и приходит к заключению, что они «не поддаются... объяснению из живых финских наречий и принадлежат, судя по сходству или даже тождеству, народу, занимавшему громадное пространство от меридиана Москвы до меридиана Перми».

Но гидроним Ветлуга этимологизируется как из балтийских (Н.Д. Русинов), так и из русского языка (очевидно). А почему никто не заметил, что Кокшага – тоже!? *Koks* по-латышски «дерево», *s-š* – типичное для балтийских языков чередование; *-уга* и *-ага* – типичные для балтийских и славянских топонимов суффиксы. Сравните ручей Кокуй (Кукуй) при лтш. *koķi* – «лесной» на территории города Москвы, где балтизмы обычны (58)³⁶. Впрочем, корень *kok* – принадлежность не только балтийских языков, но и говоров русского языка (Кокша ж. вологодск., «дерево скрытое водою и замытое на дне реки или выкинутое на пожню»; Кокуй м. диал., в т.ч. вятс. – среди многочисленных значений – «небольшой лесной островок»). Однако формант *-ш-* говорит, скорее, о балтийском происхождении гидронима Кокшага (см., в частности: Откупщиков Ю.В. 42)³⁷.

О балтийских гидронимах на русском Севере говорил и екатеринбургский топонимист А.К. Матвеев, но, кажется, он не затрагивал регион Вятки.

Мы же сейчас можем уже с уверенностью констатировать, что «загадочный народ», о котором говорил И.Н. Смирнов, – балты или балтославяне. На территории Марий Эл балтийский субстрат повсеместен (кроме приведенных выше – рр. Липша, Перша, Ноля, две Нольки, Илеть, Ашит и др.). На территории Кировской области в бассейне Вятки гидронимы балтийского происхождения встречаются часто, причем, есть гидронимы, не вызывающие никаких сомнений в их балтийском происхождении. В ряде случаев можно проследить и диалектные особенности вятских и «марийских» балтизмов, хотя для полной картины необходимы дополнительные исследования лингвистов, специализирующихся на балтийских языках.

К предположительно балтийскому можно отнести название реки Медяна (пр. пр. Вятки) – ср. прус. *median* от балт. **med* «лес»; другая гипотеза – от праиндоевропейского **medhio* – «средний», от которого происходят рус. *межа*, *между*, лат. *median* и т.д. Уточнить происхождение трудно, т.к. само балтийское **med* восходит, возможно, к праиндоевропейскому **medhio* с первоначальным значением «разделительная лесополоса». (Сюда же, видимо, следует отнести р. Медяну в бас. Суры, р. Медынь в бас. Оки, р. Мезень и мн. др.). Также со знаком вопроса сюда

³⁴ Агеева Р.А. «Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации». М. Наука, 1989.

³⁵ Смирнов И.Н. «Вотьяки». Историко-географический очерк. Казань. 1890. Смирнов И.Н. «Черемисы». Историко-географический очерк. Казань. 1899.

³⁶ Смолицкая Г.П., Горбаневский М.В. «Топонимия Москвы». М. 1982.

³⁷ Откупщиков Ю.В. «Балтизмы в русских диалектах и некоторые вопросы этногенеза балтов» // Конференция «Проблемы этногенеза и этнической истории балтов»: Тезисы докладов. Вильнюс. 1981.

отнесем р. Кезва (лев. пр. Иванцовки, лев. пр. Вятки) – при лит. *kežti* «вздуться, распухать»; р. Кирс (пр. пр. Вятки) – написание XIX в. Кирса при лтш. *ķīgis* «чайка»; и мн. др.

Как пример балтизма с диалектными особенностями В.Н. Топоров и О.Н. Трубачев приводят название реки Залазна в Верхнем Поднепровье. Эту и другие реки с аналогичными названиями (Залазинка, Жалижа, Жалож) они возводят к апеллятиву, означающему «железо» (64,³⁸ с. 240). Причем замену *ž* на *z* они отмечают в регионе, где обитала летописная голядь, то есть считают это признаком голядского диалекта.

Голядь, балтийское племя, упоминаемое в русских летописях 11–12 вв.; жило в бассейне реки Протвы, правого притока реки Москвы, между вятичами и кривичами. В 12 в. большинство Г. было ассимилировано славянами. (БСЭ)

Заметим, что река Залазна есть и в бассейне Вятки (пр. пр. Белой, пр. пр. Вятки). Самое интересное, что в районе вятской Залазны находится крупное месторождение железных руд, которое эксплуатировалось много веков. Но я бы не стал столь однозначно относить название этой реки к балтизмам. Дело в том, что слово, обозначающее железо, – балтославянское с предполагаемой основой **ghel(e)g'h* (Pokorny. 114)³⁹, причем в славянских языках в результате сатемизации оба звука *g* перешли в свистящие или шипящие, а в большинстве балтийских – только второй (*g'*): лит. *geležis*, жем. *gelžis*, прус. *gelso*, но лтш. *dzelzs*. Очевидно, что звучание Залазна ближе к современному украинскому залізна «железная», чем даже к латышскому *dzelza*: оно именно славянского типа. Вторая гласная *a* имеет диалектный характер (ср. болг. *желязна* и польск. *żelazna*). Так что надо признать, что если гидроним Залазна и аналогичные и относятся к диалекту балтийского языка типа голядского, то этот диалект был очень близок к славянскому.

Но к безусловно балтийским можно отнести:

р. Илгань (пр. пр. Снигиревки, лев. пр. Быстрицы, лев. пр. Вятки) – при лит. *ilga* «длинная, долгая» и гидронимах в Литве: оз. Ильги, р. Ильга, р. Ильганка;

р. Бартемка (лев. пр. Вятки) при лтш. *bart*⁴⁰ «бранить» (ср. рус. бурчать, ворчать), реках *Varta* и *Vartuva* в Латвии и многочисленных примерах образования названий мелких речек от подобных апеллятивов в славянских и балтийских языках – в данном случае через **Vartma* > **Бартема* с оформлением русским уменьшительным суффиксом *-ка* на современной языковой почве;

р. Илеть (пр. пр. Быстрицы) при лтш. *ila* «очень темная» и рус. ил от праиндоевропейского корня **il* «грязь, ил, чернота», но с балтийским словообразовательным формантом *-et*.

В границах современных Сунского и Нолинского р-нов мной обнаружена территория почти сплошной балтийской гидронимии: рр. Суна, Рыбас, Ноля, Пилья, Нерсма, Лобань, Маюровка, Еранка, Елпань. На этой же территории находятся, как это ни удивительно, и ойконимы балтийского происхождения, например, две деревни Ерпули (Сунский и Нолинский р-ны). Ср. лтш. *jēra* «овца»⁴¹ и *rūļi* «толпы», т.е. *jēgrūļi* можно интерпретировать как «отары» по аналогии с лтш. *kaŗarūļi* «полчища (врагов)», где *kaŗa* – «военный, армейский».

Из ойконимов балтийского происхождения: пос. Лянгасово, дер. Лянгасы (близ Кирова), дер. Кокуй (многочисленные), дер. Тоскуй (близ п. Суна), сл. Кукарка (ныне г. Советск), хотя часть из них, возможно, через русские диалектные апеллятивы (кокуй и лянгас) балтийского происхождения (о слове лянгас (лянгас) см. Откупщиков Ю.В. (43,⁴² с. 122)).

Балтославянский праязык

Многие историки языка считают, что и балтийские, и славянские языки выделились из общего праязыка, либо предки балтов и славян составляли т.н. балтославянский континуум,

³⁸ Топоров В.Н., Трубачев О.Н. «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья». М. 1962.

³⁹ Pokorny J. «Indogermanisches etymologisches Wörterbuch». Bern. 1959.

⁴⁰ В.Э.: по-латышски *bārt*; по-литовски *barti*. «Бранить» – это современное значение, а древняя семантика очень богата (родственные русские слова, например, «бороться», «борода» и мн.др.). Если название реки первично, то она, наверно, «Бьющаяся», а если ее имя образовано от другого топонима (на что вроде бы указывает частица *-ка*), то там может быть очень много чего.

⁴¹ В.Э.: *Jērs* вообще значит ягненок; овца – это *aita*.

⁴² Откупщиков Ю.В. «Очерки по этимологии». СПб. 2001.

внутри которого не было четкой границы между диалектами славян и балтов. Хотя концепции общего праязыка и балтославянского континуума и не являются общепризнанными, с большой степенью достоверности можно считать, что предки балтов и славян в первой половине I тыс. до н.э. говорили на очень близких языках, с большими или меньшими диалектными отличиями.⁴³ (О различных аспектах генезиса балтийских и славянских языков см., например, Хабургаев Г.А. 73⁴⁴ и Порциг В. 48⁴⁵).

Следовательно, топонимы, имеющие древнее происхождение, могут быть образованы нашими предками, которых трудно отнести однозначно к балтам или славянам, говорящими на общем или близких языках. Их можно назвать протобалтославяне или, короче, балтославяне.

К топонимам балтославянского происхождения можно отнести топонимы, этимологизируемые как из русского, так и из балтийских языков. Такие топонимы нужно считать «кандидатами» на древнее происхождение. Но в каждом конкретном случае надо разбираться в хронологии словообразовательных приемов. Например, есть суффиксы, которые утратили свою продуктивность; для многих из них можно определить (конечно, приблизительно) время этой утраты. Таким образом можно установить временные границы образования топонимов с этими суффиксами и определить, образовался топоним во времена балтославянского единства или после распада языковой общности.

Но даже если топоним этимологизируется при помощи языковых средств только одной группы (славянской или балтийской), это не является доказательством его «молодости». Возможно, что соответствующая основа и/или суффикс были присущи праязыку, но сохранились только в одной из этих языковых групп.

Я обозначаю здесь лишь направление для будущих исследований, безусловно, трудоемких, но именно они могут дать картину этнической истории как Вятской земли, так и всей лесной зоны Восточной Европы, предположительно заселенной балтославянскими племенами.

Претендентами на относительную «древность» можно считать гидронимы с суффиксом -н-. Как пишет Ю. Откупщиков («БОРОНА и БОРОЗДА»// 43.⁴⁶ С. 92), «этот суффикс, потерявший или почти потерявший свою продуктивность в большинстве индоевропейских языков исторической эпохи, был весьма широко распространен в древний индоевропейский период». Еще больший возраст, видимо, у суффиксов -д- и -м-, также распространенных в вятской топонимии.

Конечно, надо понимать, что суффикс, «приклеившись» к корню в древнее время, мог попасть в топоним вместе с корнем уже в новое время, как, например, в распространенном гидрониме Суна: ср. лтш. *sūna*⁴⁷ «моховая, мшистая».

Также, поскольку эти суффиксы были присущи большинству индоевропейских языков, необходимо отделять от балтославянских топонимов совсем уже древних «козлиц» общеиндоевропейской эпохи, если таковые есть (см. далее).

Индоиранские (арийские) языки

Индоиранские языки, особая ветвь индоевропейской семьи языков, включающая индийские (индоарийские), иранские и дардские языки. Возможно, что первоначальное ядро этой общности сложилось ещё в южнорусских степях (следы контактов с финноуграми, имевшие место, скорее всего, к северу от Каспия) и продолжало развиваться в период расселения в Средней Азии или на смежных территориях. Наличие индоиранской языковой и культурной общности подтверждается данными сравнительно-исторической грамматики и лексики этих языков, включающей целый ряд одинаковых элементов, обозначающих ключевые понятия индоиранской культуры, религии, социальных установлений, именослова, в том числе самоназвание *arya – «арии», материальной культуры и т.д. Современные И. я. распространены в Индии, Пакистане, Непале, на Цейлоне (индоарийские), в Иране, Афганистане, Пакистане (западная часть), Ираке (северные районы), Турции (восточная часть), СССР (Таджикистан, Кавказ). (БСЭ)

⁴³ В.Э.: Это верно, но весь вопрос состоит только в том, ГДЕ они находились, когда так говорили. Я полагаю, что они тогда находились очень очень далеко от Вятской области – где-то в современной Польше или Белоруссии. Но об этом поговорим в Послесловии.

⁴⁴ Хабургаев Г.А. «Этнонимия «Повести временных лет»». М. 1979.

⁴⁵ Порциг В. «Членение индоевропейской языковой области». М. 1964.

⁴⁶ Откупщиков Ю.В. «Очерки по этимологии». СПб. 2001.

⁴⁷ В.Э.: *Sūna* – по-латышски мох; «моховая, мшистая» будет: *sūnaina*.

Гипотетически индоиранский субстрат (субстрат – топонимы, происходящие из языков, не сохранившихся на данной территории) можно ожидать из следующих эпох:

- а) древнейшее время (неолит и ранняя бронза);
- б) скифское время;
- в) сарматское время;
- г) постсарматское время.

Рассмотрим по порядку.

А). Многие исследователи помещают прародину ариев в район Урала, как к востоку, так и к западу от него. Но если осторожные историки видят ее на Южном Урале (чему есть, кажется, веские доказательства), то «ведисты» (исследователи древних вед) относят ее чуть ли не за Полярный круг. Если их мнение хотя бы наполовину верно, то прародина индоиранцев (или хотя бы одной из этих ветвей) может оказаться как раз на Вятке и Каме. Впрочем, по топонимам столь древнего происхождения вряд ли можно различить конкретную языковую принадлежность топонима, так как предки иранцев и индо-ариев говорили тогда на близких языках. Поскольку более позднее присутствие иранцев (народов, говорящих на языках иранской группы) на Вятке весьма вероятно, есть основания говорить именно об иранской принадлежности топонимов либо (если доказано древнее происхождение) об индоиранских, выделяя индо-арийские лишь в несомненных случаях. Конечно, гипотетически нельзя исключать и сохранение реликтовых групп индоиранцев – потомков неолитического населения – и в более позднее время.

Б). В I тысячелетии до н.э. территорию Северо-востока Европы, включая Вятку, заселяли племена ананьинской культурной общности. Принято считать эти племена финноугорскими (74, 75)⁴⁸. По моим предположениям, эта культурная общность была или не повсеместна, или полиэтнична. Тем не менее, хотя бы часть территории бассейна Вятки она занимала. В раскопках могильников и поселений этой культуры обнаружено множество предметов скифского происхождения. Петрухин и Раевский предполагают, что это могут быть археологические следы «других скифов», которые, по Геродоту, отделились от своих сородичей и продвинулись далеко на северо-восток, за земли тиссагетов и иирков (предков мордвы и мери?) (44,⁴⁹ с.112). Другой вопрос, что многие исследователи не уверены в моноэтничности скифов, есть предположения, например, что скифы-«пахари» были славяноязычными, тогда как ядро скифского объединения было безусловно ираноязычным (1)⁵⁰. А на каком языке говорили «другие скифы»? На этот вопрос может дать ответ только топонимика.

В). В III в. до н.э. хозяевами Степи вместо скифов стали ираноязычные же сарматы. Учитывая обширность сарматской «империи», можно ожидать культурного влияния их и на лесную зону Восточной Европы. Но вряд ли сарматы непосредственно селились в лесу, в том числе и на берегах Вятки, в период их расцвета (III в. до н.э. – III в. н.э.); в степях им было много привольнее. Сарматы контролировали главные торговые пути Евразии, а язык торговли зачастую подавляет местные языки. И все-таки не столько появление ираноязычных топонимов того времени можно считать маловероятным, сколько возможность их хронологизации, поскольку они могут «тонуть» в топонимах того же языкового происхождения более позднего времени.

Г). Сарматский племенной союз был сначала разбит готами в III в., а затем и на сарматов, и на готов обрушились гунны. Сарматы частично вошли в состав гуннского союза, частично – отступили на окраины ареала: на Северный Кавказ, в Крым, вверх по Волге и Дону. Разбившись на отдельные племенные группы, они уже перестали представлять силу в Великой Степи. Они обосновались было на Средней Волге и в устье Камы, но туда пришли остатки гуннского союза – тюркоязычные булгары. Некоторые племена потомков сарматов вошли в состав Булгарского государства. Их участие в этногенезе камских булгар несомненно, что проявилось в языке булгар и их языковых наследниках – чувашах (в большей) и казанских татарах (в меньшей степени). Но какая-то часть потомков сарматов отступила еще севернее, предположительно – к бассейну

⁴⁸ Халиков А.Х. «Этническая принадлежность племен ананьинской общности» // Вопросы финно-угроведения. Вып. V. Йошкар-Ола. 1970. Халикова Е.А. «К вопросу об этнической принадлежности ломоватовских и раннеродановских памятников Верхнего Прикамья» // Вопросы финно-угроведения. Вып. V. Йошкар-Ола. 1970.

⁴⁹ Петрухин В.Я., Раевский Д.С. «Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье». М. 2004.

⁵⁰ Абаев В.И. «Скифо-европейские изоглоссы» \ На стыке Востока и Запада. М. 1965.

Вятки (р-н Малмыжа – по мнению Ф.И. Гордеева – 14,⁵¹ который основывается на изысканиях И. Сеницына – 54;⁵² другая точка зрения у В.Ф. Генинга – 12)⁵³ и, видимо, достигла даже Вычегды (могильники типа Веслянского I – 20а.⁵⁴ С. 39–41).

Интересно, что по мнению многих историков (Вернадский, Цветков и др.) поздние сарматы часто смешивались со славянами. В некоторых антских племенах верхушка была сарматская, а основное население – славянское. В других – от сарматов оставалось только племенное имя.

Трудно представить себе друга степей сармата на лодке, разве что на лодке стоит конь. Но бездорожные лесные пространства можно осваивать только по воде, и главное средство передвижения здесь – лодка. И не случайно в могильниках типа Веслянского (сарматских) обнаружены захоронения в лодках, что в более позднее время (как мы знаем из арабских источников) было характерно для древних русов. Логично предположить, что на Севере, так же, как и в причерноморском регионе, образовался симбиоз из сарматов и славян и сарматские могильники были в действительности сарматорусскими. (Захоронения в лодках типично и для скандинавских викингов.)

Так или иначе, но потомки сарматов в послесарматское время (IV–X вв. н.э.) Вятку не могли миновать, и искать иранские следы этого времени в вятской топонимии логично.

Первым обнаружил топонимы иранского происхождения на Вятской земле Д.М. Захаров (18, 19)⁵⁵, правда, он объясняет их булгарским посредством, через проникновение сарматских корней в булгарский язык. Как мы видим, потомки сарматов могли называть вятские речки и поселения и лично, так сказать, участвуя в этом увлекательном процессе.

Еще раз повторю, что ираноязычные племена могли попадать на Вятку в различные исторические эпохи, поэтому задачей 2-го порядка является не только выявление иранских топонимов, но и определение их возраста.

Кельтские языки

Кельты (греч. Κέλτοι), близкие по языку и материальной культуре племена, обитавшие первоначально в 1-й половине 1-го тысячелетия до н.э. в бассейнах Рейна, Сены и Луары и верховьях Дуная и позднее заселившие территорию современных Франции, Бельгии, Швейцарии, юга ФРГ, Австрии, северной Италии, северной и западной Испании, Британских островов (К. Британии получили название бритты), Чехии, частично Венгрии и Болгарии. Римляне называли их галлами (лат. Galli), отсюда название основной территории их расселения – Галлия. К., проникших в 3 в. до н.э. в Малую Азию, называли галатами. (БСЭ)

Кельты на Вятке – это, конечно, совершенно невероятно. Однако есть несколько фактов, которые вместе могут позволить рассмотреть это предположение хотя бы в качестве рабочей гипотезы.

Западнее Вятки есть древний город Галич (н. Костромская обл.). Этимология топонима Галич считается не вполне ясной. Одно из предположений – это название перенесено из Западной Руси, от другого города Галич – не вполне убедительно. Общеизвестная этимология западного Галича – от кельтского племени галаты, которые оставили целый ряд ойконимов: Галиция (Западная Украина), Галатия (Малая Азия), Галисия (Испания), Галата (район Стамбула), два города Галац (Румыния) и т.д. В районе западного Галича добывали соль, поэтому было и другое предположение о происхождении названия – от кельтского апеллятива со значением «соль», ср. валл. halen, др.-корн. halion. Но она не проходит по лингвистическим соображениям: во всех европейских источниках Галич и Галиция начинаются на G, а в западноевропейских языках h никогда не переходит в g. И в то же время можно заметить, что многие европейские ойконимы, связанные с добычей соли, имеют кельтское происхождение, например г. Галле (Halle) на р. Зале (Sale). В данном случае и то и другое от апеллятива «соль», но город – от кельтского, а река – от германского или балтославянского. Начальное Гал- в

⁵¹ Гордеев Ф.И. «О поздних сарматских заимствованиях в восточнофинских языках» // Вопросы финно-угроведения. Вып. 5. Йошкар-Ола. 1970.

⁵² Сеницын И. «Сарматские курганные погребения в северных районах Поволжья» // Сборник Нижне-Волжского краевого музея. Саратов. 1932.

⁵³ Генинг В.Ф. «Азелинская культура III–V вв.». Ижевск. 1963 / Вопросы археологии Урала. Вып. 5.

⁵⁴ История Коми. Т. I. Сыктывкар. 2004.

⁵⁵ Захаров Д.М. «Краткий топонимический словарь Кировской области». Киров. 1988. Захаров Д.М. «Серебряная Вятка». Киров. 1990.

топонимах Галич и Галле имеют разную этимологию (от gal- и hal-), но происходят из одного языка! Любопытно, что оба апеллятива – означающих «соль» и «галл» –, если наши предположения верны, сходятся в названии другого древнего города, расположенного рядом с восточным Галичем, – городе Солигалич.

Таким образом, можно предположить, что древние галлы, будучи сильнейшим племенем в варварской части Европы, контролировали стратегические соляные месторождения, отчего города при них получали кельтские имена. Причем русский суффикс -ич в названии Галич говорит о принадлежности галлам либо о предпрошедшем времени галльского (кельтского) контроля (от *галичь – принадлежащий потомкам галлов).

Считается, что следы кельтов доходили на северо-восток вплоть до Новгородской земли и Ладоги. А не дальше ли? Не простиралась ли их загребущая длань вплоть до нашего Галича? Хотя бы как контроль над стратегическими запасами соли?

А при чем здесь Вятка? Вятская земля и древний город Вятка (дохлыновского времени) считались вотчиной галицкого князя (см. договорные грамоты Василия II и Юрия Галицкого от 11 марта 1428 г.: 83.⁵⁶ С. 20). Хотя, конечно, вотчинная зависимость Вятки была только на бумаге, скорее, как притязание галицких князей. Мы знаем, что связи Вятки с землями Русского государства были прерваны до 1374 года и восстановлены только через Устюг, по Югу и Молоте, а Вятка была вплоть до 1489 г. совершенно самовластной. Это может означать, что притязания Галича на Вятскую землю говорят о каких-то более древних связях.

Впервые сообщил о кельтах (галатах) цивилизованному миру Геродот, передав их имя в двух формах: *κελτοι* и *γαλαται*. Мы знаем, что самоназвания многих кельтских народов содержат корень gal-: галлы во Франции, гаэлы в Шотландии, галаты в Восточной Европе. В западной Карелии есть местечко Калаттома, которое можно интерпретировать как «земля галатов». Финны не произносят звук г в начале слова, заменяя его на к; -то – суффикс принадлежности; -ма от маа – фин. «земля». В Лахтенпохском р-не Карелии – оз. Калаттоманлампи. Севернее Хельсинки есть многочисленные ойконимы с основой kelt-: Келтакангас, Келтаниеми, Келтиянен. Не являются ли топоосновы kelt, kalat и этноним kelt отражением этнонима galat, попавшими в топонимы и к Геродоту через финское посредство? Во всяком случае, вряд ли этноним *κελτοι* Геродот нафантазировал. Фактом являются также многочисленные ойконимы с основой gal- почти во всей Европе и с основой kelt-, kalat- в самых северных районах, в местах обитания финских племен.

В связи с этим отметим две реки: Южная Кельтма, пр. пр. Камы и Северная Кельтма, лев. пр. Вычегды, которые берут начало в одной местности (север Пермской обл.) и текут в противоположные стороны. Мне представляется неверной интерпретация гидроформанта -ма от общефинского маа «земля, местность». Но в данном случае можно предположить первичным название местности, из которой вытекают две реки. И опять-таки мы видим, что эта местность имела стратегическое значение, как соединяющая (или разъединяющая) две крупные речные системы – Вычегды (Северной Двины) и Камы (Волги).

Эта предположительная «кельтская земля» расположена к востоку от Вятки, т.е. Вятка – между Галичем (городом галлов или потомков галлов) и «землей кельтов» – тех же галлов.

На Верхней Каме, в непосредственной близости от Вятки, есть село Лойно (Верхнекамский р-н Кировской обл.). Но loinn – очень распространенный топоформант в кельтских землях Британии. По-гаэльски loinn – мест. пад. от lann «то, что огораживают, огороженное место». Правда, ойконим Лойно можно объяснить и из русского: от глагола лить. Но использование апеллятива с такой семантикой более характерно для названий водных объектов, а не населенных пунктов.

Кое-какие кельтские следы можно заметить в вятском диалекте, и наоборот.

Например, слота во многих диалектах «слякоть, мокрядь». Слово общеславянское, имеет общиндоевропейские корни. В германских языках – близкое значение, например, нор. sletta «дождь со снегом». Но именно в диалектах, близких к вятскому, и в кельтских языках это слово имеет несколько иную семантику:

слотина – «небольшое, но вязкое болото»;

слотить – «грязнить, пачкать, плескаться и лить вокруг»;

ср. гаэл. и ирл. slod – «лужа, грязь, барахтаться в воде, пачкать, грязнить, марать».

⁵⁶ Энциклопедия земли Вятской. Т. 4. История. Киров. 1995.

Корень отражен и в гидронимии: вблизи Кирова есть р. Слоты, лев. пр. Сандаловки пр. пр. Вятки. См. также нас. пункты Слотино в Нижегородской обл. и Slotten на севере Норвегии.

Примеров, подобных приведенным выше, в моих материалах не много, но они есть и еще. Во всяком случае, я бы не решился отвергнуть кельтскую гипотезу только по причине ее экзотичности.

Германские языки

Германские языки, группа родственных языков, распространённых преимущественно на З. Европейского континента. Одна из ветвей индоевропейской семьи языков. Современные Г.я. – английский, немецкий, нидерландский (голландский), фламандский, фризский – относятся к западной группе. Шведский, датский, норвежский, исландский и фарерский языки образуют северную, или скандинавскую, группу Г.я. (БСЭ)

Сразу напрашивается этимологизация названия р. Сандаловка (пр. пр. Вятки, р-н г. Кирова) из германских языков – от протогерманского *sanda- «песок, песчаный» (англ. sand). Основы, указывающие на характер дна реки (песок, ил, глина, камень) типичны в гидронимии всех народов. Ср. также р. Санда (лев. пр. Линды, Нижегородская обл.), оз. Сандал (Карелия), дер. Сандалово (Череповецкий р-н Вологодской обл.).

Но эти топонимы могут быть этимологизированы и из иранского sant «камень», имеющего, видимо, общее происхождение с германским sanda. Слова сандал (сантал) и сандалия также индоиранского происхождения от основ, означающих «светлый, блестящий» и, предположительно, «почва», по своей семантике могущих быть основой гидронима. Конечно, трудно отнести к иранизмам название озера в Карелии, но есть и р. Сандата (пр. р. Егорлык, Ставропольский край), которую, с другой стороны, трудно отнести к германизмам по географическому положению. Сложность в том, что корень общеиндоевропейский.

Есть на Вятке еще несколько топонимов, у которых можно предположить германское происхождение, но все это под вопросом.

Кстати, на корреляцию названий рек Вишера на Северо-востоке Европы (пр. Волхова; пр. Вычегды; пр. Камы) с древним названием германской реки Везер (древневерхненемецкое Wisura, лат. Visurgis) указывал еще М. Фасмер (107)⁵⁷. Но и здесь двойственная картина: название реки на территории Германии может быть балтийского или славянского происхождения, тем более что та же основа встречается и на неоспоримо древней балтославянской территории Верхнего Поднепровья, в Литве и древней Пруссии (64.⁵⁸ С. 180). (Заметим для полноты, что А.К. Матвеев в одной из работ (31)⁵⁹ связал гидронимы Вишера с гидронимами Бисера (лев. пр. Вятки) и Бисерть (пр. пр. Уфы, пр. пр. Белой, лев. пр. Камы), усмотрев в них угорское происхождение, что, конечно же, ошибочно, т.к. исконные финноугорские слова не начинаются на звонкие взрывные согласные.)

Но есть один гидроним, который если не на 100, то на 99% можно считать германским, вероятно, эпохи викингов. Это р. Гостиладор (лев. пр. Летки). Сама это река течет по территории респ. Коми, но относится к бас. Вятки. Это название дает веские основания вести топонимический поиск, в том числе, и в германском направлении. Об этимологии гидронима Гостиладор – см. ниже.

Праиндоевропейский язык

Нельзя полностью отбрасывать версию сохранения древних реликтовых названий праиндоевропейского времени, во всяком случае, того времени, когда разделение индоевропейских языков еще не было явно выражено, т.е. III тысячелетия до н.э. Нельзя также заведомо отрицать существование на определенных отрезках времени ныне вымерших индоевропейских языков, собрать данные о которых мы можем только с помощью топонимики (как это случилось с палео-

⁵⁷ Фасмер М. «Этимологический словарь русского языка». Пер. и доп. О.Н. Трубачева. Т. I–IV. 1964–73/ ИДДК. 2004 (CD).

⁵⁸ Топоров В.Н., Трубачев О.Н. «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья». М. 1962.

⁵⁹ Матвеев А.К. «Топонимические типы Верхнего и Среднего Прикамья» // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции Института археологии АН СССР. Вып. 2. 1961.

балканскими языками, в т.ч. с языком древней Трои). Эти проблемы выходят за пределы моей работы.

Замечу лишь, что этимологизировать топонимы второго типа (из вымерших языков) можно только в том случае, если в этих топонимах есть элементы (основа и суффикс), совпадающие или коррелирующиеся с элементами известных родственных языков либо воссозданными элементами праязыка. Но в этом случае вдвойне сложно отличить топонимы первого типа (из праязыка) от второго.

По моему предположению, к топонимам первого типа, наиболее древним, относятся гидронимы с суффиксом -ма. Многие из них имеют общеиндоевропейские корни древнего происхождения, например, mol- (Молома), lek- (Лекма), Также за пределами Кировской обл.: корни oš- (Ошма, пр. Пижмы), sar- (Сарма, пр. Мокши), ser- (Сердезь, Сердема, пр. Пьяны) и т.д.

Также претенденты на древнеиндоевропейское происхождение – две реки Кобры (если предположить первоначальный корень kub-) и две реки Немды (пр. пр. Пижмы и лев. пр. Вятки).

Но, вообще говоря, необходим системный анализ групп гидронимов с этими суффиксами (-ма, -ра, -да), не ограниченный, конечно, рамками локальных территорий.

Рискну предположить и наличие очень древних ойконимов. Например, странным выглядит название дер. Мундоро (вблизи г. Орлова) в окружении совершенно русских ойконимов (Криничи, Усковы, Назаровы, Боярское и т.п.). Название этого населенного пункта удивительно совпадает (конечно, учитывая закономерные для русского переходы dh>d и o>u) с воссозданной праиндоевропейской основой *mondh-r-o (Pokorny J. 114,⁶⁰ I, 730), которую можно перевести как «мудрый» или «бодрый, деятельный». Хотя, разумеется, вероятнее предположить балтославянское происхождение из общей основы *mo<n>dr-, где o<n> – о носовое; ср. лит. mandras «бодрый, деятельный, проворный, умный, гордый», рус. мудрый – через прозвищное или родовое имя. В это тоже трудно поверить, так как тогда надо предположить, что этому названию не меньше тысячи лет. Но стоит приехать в деревню Мундоро, на высокий берег Вятки, осмотреться вокруг, чтобы понять: именно здесь должны были селиться наши предки, если они были мудрыми, деятельными и гордыми!

Финноугорские языки

Поскольку считается, что территорию Кировской области и всего Северо-востока Европы заселяли финноугры (плюс самодийцы на Крайнем Севере), то практически все гидронимы уже пытались выводить из финноугорских языков. Но действительно научных работ не так уж много (отметим, например, работы Ф.И. Гордеева из Марий Эл и А.С. Кривошековой-Гантман из Перми). При этом даже самым крупным специалистам не удается избежать субъективизма, возможно, потому, что они являются представителями малых народов.

Например, проф. И.С. Галкин (Йошкар-Ола) считает гидроним Ветлуга русским переосмыслением марийского названия. С этим трудно согласиться: -уга является типичным балтославянским суффиксом, а ветла (также лтш. vītuols «ива») – вполне подходящая основа для речного топонима, которые часто образуются от названий преобладающих растений. Нельзя исключить образования гидронима Ветлуга, как и апеллятивов ветла и vītuols, от общего балтославянского корня вит- (рус. вить, лит. vūtī и т.п.) со значением «извилистая». (Другая версия: от балт. vieta «место» и lauk- «поле» – Ф.И. Гордеев.) Топонимическое окружение (Волга, Керженец, Уста, Урга) и простота этимологии дают балтославянским версиям предпочтение. Другое дело: «На Ветлуге всегда жили марийцы!». Если брать это утверждение на веру, тогда приходится использовать экзотические рассуждения Галкина.

Но все же, если отбросить явно сомнительные случаи, большинство научных этимологий специалистов из финноугорских республик надо принять. Другое дело – работа доморожденных топонимистов, сопоставляющих географические названия с лексемами из многочисленных словарей «по сходству звона» (выражение В.К. Третьяковского). Отсюда появляются и получают широкое распространение такие перлы, как Уржум – «увидел белку» (мар.).

При этимологизации из финноугорских языков надо учесть, что эти языки далеко разошлись друг от друга, не менее, если не более, чем индоевропейские. Например, общность языков угорской группы с другими финскими языками видна только специалистам. Предполагается, что языки этой группы выделились из общего праязыка, по разным оценкам, 5–7 тысяч лет назад. Но и прибалтийскофинские, поволжскофинские и пермские имеют не так много общих

⁶⁰ Pokorny J. «Indogermanisches etymologisches Wörterbuch». Bern. 1959.

лексем, т.к. испытали сильное и различное влияние соседних языков. Поэтому этимологизация «из финноугорского языка» бессмысленна. Надо определять, из каких конкретно языковых групп (или из древнего праязыка) произошли те или иные топонимы.

А вообще говоря, разделять топонимы индоевропейского и финноугорского происхождения чаще всего несложно даже при беглом рассмотрении. Слишком различны языки этих семей. Например, в финноугорских языках слова никогда не начинаются (за исключением заимствований новейшего времени) на звонкие взрывные согласные, согласные *ж* и *з*. Крайне редки два согласных подряд в начальной позиции, тогда как согласные *к*, *п*, *т* в начале слова явно преобладают. С другой стороны, индоевропейские языки – флективные, т.е. словообразование происходит преимущественно при помощи флексий, например, многозначных суффиксов и окончаний, тогда как финноугорские языки (также как самодийские и тюркские) – агглютинативные, в которых слова образуются, образно говоря, «прилипанием» основ и однозначных аффиксов.

В топонимике это проявляется в том, что концы у индоевропейских топонимов, как правило, суффиксные: Вятка, Быстрица, Летка, Коряжма, Молома, Чепца и т.п. У финноугорских топонимов в конечной позиции находятся, как правило, апеллятивы, обозначающие тип географического объекта, их называют топоформантами: Косью от *ю* «река» (коми), Колянур от *нур* «поле» (мар.), Порывай от *вай* «проток» (удм.).

Считается, что возможны случаи отбрасывания финноугорских топоформантов на русской почве, но это редкое исключение. Чаще они определенным закономерным образом преобразуются, исходя из языкового удобства новых «пользователей». Например, топоформанты *-нгер*, *-нер*, *-нерь*, *-гер* с предшествующей гласной, по мнению Н.Д. Русинова (51)⁶¹, выводятся из исходного марийского эн<г>ер «речка».

При этом надо учесть, что индоевропейские и финноугорские концы, имея различную природу, могут формально совпадать, например, индоевропейские суффиксы *-ва* и *-ма* совпадают по звучанию с финноугорскими топоформантами, восходящими к апеллятивам *ва* – коми «вода, река» и *маа* – фин. «земля, местность». Правда, финноугорское *ва* ограничено в распространении ареалом пермских языков, потому что в языках других финноугорских групп не зафиксировано (скорее всего, это слово заимствовано из индоевропейского, ср. *вода*, *water* и под., либо ностратического происхождения). А следов пермских языков далеко за пределами проживания нынешних пермских народов не обнаружено (исключения – Крайний Север и Западная Сибирь, которые коми осваивали вместе с русскими).

Напротив, апеллятив *маа* имеет аналоги в других финских языках, но по своей семантике он, мягко говоря, мало подходит для образования гидронимов.

Пермские языки

Территория нынешнего расселения пермских народов непосредственно примыкает к Кировской области, причем, центрами этногенеза удмуртов явились притоки Вятки Чепца и Кильмезь. По этим причинам неудивительно присутствие в бассейне Вятки пермских гидронимов, имеющих характерные речные форманты *-ва*, *-ю*, *-шор* (*-sor*), *-вож*, *-чер* (*-ser*), *-эль*, *-йив* (*-ив*) для коми языков и *-вай*, *-шур* (*-sur*) для удмуртского языка. А. Кривошекова-Гантман (25, 26)⁶² полагает, что формант *-я* может быть не только хантыйским «река», но и переработанным на русской почве пермским (коми) *-ю* «река».

Заметим, что *-я* может быть и русским, и балтийским окончанием, например, р. Белая на русской территории, *Akija*, *Ašvija*, *Pomija* в Литве или Ноля и Пилья в Кировской обл. при лтш. *pieliēt* «налить, наливать»; ср. лтш. *poleja* «долина» (дословно «заливная») от *poliet* «залить, заливать». Суффикс *-ва* также широко представлен в русской и балтийской гидронимике (Москва, Протва, Немолодва, *Daugava*, *Vaduva*, *Tytuva* и несть числа) на территориях, где пермских следов нет и в помине. Конечно, как мы говорили выше, всестороннюю и точную картину распространения гидронимов соответствующего происхождения может дать только полное обследование гидронимии бассейна Вятки с составлением карт. Но применительно к

⁶¹ Русинов Н.Д. «Этническое прошлое Нижегородского Поволжья в свете лингвистики». Н. Новгород. 1994.

⁶² Кривошекова-Гантман А.С. «Гидронимия коми-пермяцкого происхождения в Прикамье» // Географические названия Прикамья. Пермь. 1968. Кривошекова-Гантман А.С. «Откуда эти названия?». Пермь. 1973.

пермским гидронимам и без глубоких исследований видно, что удмуртские, коми-зырянские и коми-пермяцкие гидронимы находятся на территориях современного расселения этих народов или непосредственно примыкают к ним. Правда, сюда же надо включить территорию Афанасьевского р-на Кировской обл. (верховья Камы), где проживала этническая группа коми-зырянцев, обрусевших в XX веке.

Что касается коми-пермяцких гидронимов, то их исследователь А. Кривошекова-Гантман заметила, что область их распространения шире территории Коми-Пермяцкого округа, распространяясь на юг от его границ (но не на запад, где находится бассейн Вятки!) – 26.⁶³

Удмуртские названия населенных пунктов глубоко проникают на территорию Кировской области вплоть до устья Чепцы (и устья Кильмези на юге) при том, что удмуртских названий рек в низовьях Чепцы нет. Это говорит об экспансии удмуртов уже в новое время. Обращает на себя внимание обилие в этом районе (вообще говоря, редких в населенных местах) гидронимов, происходящих от названий населенных пунктов (Филипповка, Каринка и т.п.) и прозрачных русских гидронимов (Святица, Талица и т.п.) – то есть и в тех и в других случаях – молодых. Значит, в этом районе была нарушена топонимическая преемственность, отсюда можно сделать вывод о резкой этнической смене в этом районе, возможно, катастрофической – уже в историческое время. Причем предыдущее население было не удмуртским, иначе древние названия сохранились бы.

Этимологии из пермских языков в отношении гидронимов, находящихся за пределами обозначенных выше территорий, сделанные топонимистами-любителями, неубедительны. Например, этимология р. Юрья (лев. пр. Великой, пр. пр. Вятки) от коми юр «голова» (Д.М. Захаров. 18)⁶⁴ сомнительна по семантике и топонимическому окружению. Если это и финно-угорское название, то, скорее, надо искать другие финские или угорские (или даже самодийские) корни. Ср. р. Юрюган (лев. пр. Ветлуги лев. пр. Волги), зафиксировано в такой форме в Книге Большому чертежу (XVII в. – 21)⁶⁵, сейчас называется Юронга. -юган – типично угорский (мансийский) формант, -нга – возможно, марийский или балтийский (ср. Паланга, см. также ниже). Также р. Юрьяха (лев. пр. Моховой, лев. пр. Пуры, пр. пр. Пясины) на Таймыре и Юрьяха (пр. пр. Кортаихи) в Большеземельской тундре, где -яха «река» – типичный ненецкий гидроформант. Естественно предположить (хотя не обязательно), что и основа может быть объяснена из этих языков. (Заметим в скобках, что целый ряд вятских и камских гидронимов, включая и саму Каму, имеют загадочное соответствие на Таймыре и в бас. Енисея.)

Р. Кобра из коми корби «дремучий лес» столь же невероятно, т.к. непонятно, почему река названа лесом, тем более что дремучий лес в северных районах не является отличительным признаком. Если р. Ошлань из перм. *ош* «медведь», то непонятно, откуда взялась лань. Р. Курчум объясняется из удм. «лубяной чум», но также непонятно, почему реку назвали чумом (этимологию названия Курчум надо рассматривать в контексте всего ареала с окончанием на -ум (ср. р. Уржум), простирающемуся далеко за пределы бас. Вятки).

Марийский язык

Марийские топонимы также образуются при помощи топонимических формантов, обозначающих тип географического объекта. Выше уже было упомянуто о гидроформантах -нгер, -нер, -нерь, -гер с предшествующим гласным. Дискуссионно марийское происхождение гидроформанта -нга (-нка). По крайней мере, Н.Д. Русинов и А.К. Матвеев (33)⁶⁶ не относят его к марийским, в отличие от марийских исследователей. Этот вопрос требует дальнейшей проработки. Для марийских ойконимов характерны форманты -нур (поле) и -ял (деревня).

Анализ показывает, что марийские гидронимы встречаются в Вятско-Ветлужском междуречье, едва ли не больше в северной его части, тогда как на территории самой республики Марий Эл распространены балтийские или балтославянские названия, в первую очередь, наиболее значительных рек. Это говорит о том, что марийское население там появилось сравнительно поздно, выселив, уничтожив или ассимилировав балтийское или балтославянское. А на севере Вятско-Ветлужского междуречья, наоборот, марийцы были ассимилированы русскими, хотя сохранились там вплоть до XVIII века.

⁶³ Кривошекова-Гантман А.С. «Откуда эти названия?». Пермь. 1973.

⁶⁴ Захаров Д.М. «Краткий топонимический словарь Кировской области». Киров. 1988.

⁶⁵ Книга Большому чертежу. Подготовка к печати и редакция К.Н. Сербиной. М.–Л. 1950.

⁶⁶ Матвеев А.К. «Из истории изучения субстратной топонимики русского Севера» // Вопросы топониматики. № 5. Свердловск. 1971.

На юго-востоке Кировской области мы видим картину, аналогичную восточным районам (см. предыдущий раздел): изоглоссы (границы топонимов соответствующего типа) марийских ойконимов расположены севернее изоглосс марийских гидронимов. Поскольку в принципе они моложе, это означает, что марийцы продвигались на север и восток, в пределы Кировской области, уже в историческое время.

Конечно, эти рассуждения и по поводу пермских, и по поводу марийских топонимов довольно умозрительны. Для уточнения вопроса необходимо проанализировать гидронимы (поскольку они могут быть образованы из более древних пластов языка) с неопознанными концами, т.к. могут существовать форманты, образованные от не сохранившихся в современных языках апеллятивов. В частности, не совсем ясно происхождение речных окончаний -нга, -еж, -ег, -ым (-им), -ум, -ик и т.п.

При этом мы не будем забывать, что основные характеристики языка даже за тысячелетия существенно не меняются, поэтому и для самых древних гидронимов (если таковые есть) применимы общие принципы словообразования и фонетики современных языков.

И заметим, что и без глубокого анализа ясно, что среди основных притоков Вятки (кроме Кильмези, и то с большим сомнением) претендентов на пермское или марийское происхождение названий нет. Таковыми могут быть только названия притоков второго-третьего и более порядков (т.е. притоки притоков и их притоки).

Прибалтийскофинские языки

На северо-западе Кировской области есть ареал гидронимов с финальным формантом -юг. Почти весь он находится в бассейне реки Юг (водная система Северной Двины), поэтому выходит за пределы рассмотрения этой работы. Однако этот формант встречается и в пограничных районах бассейна Вятки, а один гидроним расположен довольно далеко за пределами основной изоглоссы (р. Мурдюг, лев. пр. Вятки).

В бассейне Северной Двины, а значит, возможно, и Юга обитала летописная заволочская чудь. Этноним *чудь* без уточнения применялся к прибалтийскофинскому народу – предкам эстонцев. Можно предположить, что и заволочская чудь была близка по языку к прибалтийской чуди.

Гидроформант -юг можно (предположительно) вывести из финского *joga* «река». Некоторые гидронимы с гидроформантом -юг (но не все) этимологизируются из прибалтийскофинских языков, например, Пинюг (пр. пр. Юга) – из фин. *pieni* или вепсского *pънь* «малый».

Ареал форманта -юг близок к местам проживания вепсов, поэтому, возможно, нужно привлекать инструменты этого языка. Впрочем, само отнесение вепсского языка к определенной языковой группе дискуссионно. Некоторые исследователи относят его к прибалтийскофинской группе, другие считают, что он занимает промежуточное положение между прибалтийскофинскими языками и поволжскофинскими или пермскими. Возможно, вымерший язык обитателей реки Юг составлял с вепским одну особую группу. Проблема требует дальнейшего изучения, как и вопрос, нет ли других топонимов, принадлежащих к прибалтийскофинской либо к какой-то другой, вымершей, группе финноугорских языков.

Саамский язык

Саамский язык формально относят к прибалтийскофинской группе, но в силу обстоятельств, о которых я скажу ниже, я выделил саамский язык в особый раздел. Дело в том, что саамы (лопари, лапландцы) сильно отличаются от большинства финноугров в расовом отношении (они образуют особую лапландскую расу) и от всех народов – образом жизни и культурой. Саамский язык содержит целый ряд лексем из первобытного фонда, которые не относятся к финноугорским, в частности, обозначающих понятия, связанные с оленеводством и охотой на оленей – их исконными занятиями на протяжении тысячелетий.

Лопари были первыми оленеводами Европы, причем их способы ведения хозяйства совершенно оригинальны, непохожи ни на способы азиатских оленеводов, ни их ближайших соседей по Арктике – ненцев (которые пришли из Азии уже в историческое время).

Поэтому исследователи считают (см., например, Боси Р. /Roberto Bosi/. 6)⁶⁷, что первоначально язык лопарей был иной, не финноугорский, а затем они переняли язык своих более

⁶⁷ Боси Р. /Roberto Bosi/ «Лапландцы». Перевод. М. 2004.

многочисленных соседей, оставив только те слова, которым не нашлось аналогов в древнефинском языке.

Западные лапланологи предполагают, что саамы были древнейшим (или одним из древнейших) народом Западной и Центральной Европы. Они заселяли ее от Испании до Финляндии, но затем были оттеснены в горы (в Пиренеи и Альпы) и на Север и вымигрировали по мере уничтожения оленьих стад, сохранившись только на территории нынешней Лапландии. Антропологи находят черты сходства с лапландцами (незначительную лапоноидность) у басков и коренных обитателей Альп.

Можно предположить, что предки лопарей занимали и всю лесную часть⁶⁸ Восточной Европы. Антропологические данные этому не противоречат. Индекс уплощенности лица (по Г.Ф. Дебецу; 16)⁶⁹ неолитического населения лесной полосы Русской равнины (сборная серия) равен 45,0, что говорит о неевропеоидном характере населения (у европеоидов этот индекс от -16 до +20), и соотносим с современными лопарями (около 35, уменьшение может быть объяснимо незначительной метисацией, т.е. смешением с окружающими европеоидами). Еще на заре исторического времени лопари жили значительно восточнее и южнее своей нынешней родины, например, в районе Ладожского и Онежского озер. Ареал саамских топонимов, по общепризнанному мнению, включает нынешнюю Карелию, Архангельскую и Вологодскую области (см. карту в статье Е.М. Поспелова – 49,⁷⁰ с.36), вплотную подходя к Кировской области с северо-запада. При этом сам же Поспелов (101)⁷¹ вслед за Фасмером (107)⁷² выводит и название р. Луза (пр. пр. Юга) из саамского (от саам. лусс «лосось»), хотя Луза протекает восточнее обозначенной им изоглоссы. И хотя эта этимология представляется более чем сомнительной (ее критика выходит за пределы этой работы), все же стоит поискать следы саамов на территории Кировской области, в т. ч. и в бас. Вятки. На территории Кировской области есть три деревни под названием Лопари: две в Слободском р-не и одна в Даровском. Последняя расположена на р. Луптюг (пр. пр. Ветлуги), а рядом есть р. Лаптюжка (лев. пр. Ветлуги). Может быть, названия этих рек от фин. *lapp-to-joga, что можно перевести как «река, населенная (изобилующая) лопарями»?

Из гидронимов бас. Вятки претендентом на саамское происхождение можно считать р. Чемелки (пр. пр. Моломы), которая в грамоте Ивана III от 1485 г. зафиксирована как Чемиолина, – при саам. čoalme «пролив», распространенной гидрообразующей основы в районах саамской гидронимии (рр. Челма и Челмасручей в Карелии и Ленинградской обл., р. Челмохта и т.д.). В данном случае могли произойти метатезы вместо стяжения гласных (которые мы наблюдаем в Ленинградской обл.) при (и вследствие) весьма необычной фонетике для вятской топонимии.

Стоит обратить внимание на речки Нюнча и Нинча (Список населенных мест по сведениям 1859–1873 гг. 104;⁷³ 30 верст к северу от г. Вятки), названия которых переключаются с отмеченным М. Фасмером «саамизмом» njuktša и саамским апеллятивом нюхч- «лебедь». Впрочем, названия этих речек необходимо сопоставить с протекающей в г. Кирове р. Люльченкой (лев. пр. Вятки; предполагаемая первоначальная форма *Люльча) и, учитывая отсутствие финноугорского форманта, проверить также индоевропейскую (при герм. lul-, др.-инд. lulitas и рус. люли) и тюркскую версии (при тюрк. ча(й) «вода»).

Гидронимы на -юг надо исследовать и на принадлежность к саамскому субстрату – от саам. йогк «река».

Но самое интересное – название деревни Кувакуш (на многих картах – Муринская) на крайнем востоке Кировской области, в Афанасьевском р-не, которое очень близко к саамскому апеллятиву кувакса «переносное жилище» (99,⁷⁴ с. 311), причем вероятно, что название деревни

⁶⁸ В.Э.: Они занимали всю ту часть Европы, которая ТЕПЕРЬ лесная полоса; тогда, когда они ее занимали, там была приледниковая тундра. Они ушли оттуда вместе с тундрой (и с оленями). А в выросшие леса пришли индоевропейцы с запада и финноугры с востока. При таком сценарии преемственность в топонимах должна была быть минимальной.

⁶⁹ Дебец Г.Ф. «О путях заселения северной полосы Русской равнины и Восточной Прибалтики» // Советская этнография. 1961. №6.

⁷⁰ Поспелов Е.М. «О балтийской гипотезе в севернорусской топонимике» // Вопросы языкознания. 1965. № 2.

⁷¹ Поспелов Е.М. «Географические названия мира». Топонимический словарь. 2-е изд. М. 2002.

⁷² Фасмер М. «Этимологический словарь русского языка». Пер. и доп. О.Н. Трубачева. Т. I–IV. 1964–73 / ИДДК. 2004 (CD).

⁷³ Список населенных мест по сведениям 1859–1873 гг. Т. 10. Вятская губерния. СПб. 1876.

⁷⁴ Народы России. Энциклопедия. М. 1994.

ближе к оригинальному звучанию, чем форма, отмеченная в энциклопедии. Ср. также дер. Кувакинская (Шенкурский р-н Архангельской обл.) и дер. Куйвакангас (пров. Норботтен, Швеция, в лесном массиве на границе с Финляндией) в тех районах, где присутствие саамских топонимов не вызывает удивления.

По данным «Списка населенных мест по сведениям 1859–1873 гг.» деревню Кувакуш населяли пермяки, а точнее – зюздинцы, особая этнографическая группа коми, обрусевшая в XX веке. Именно у зюздинцев Н.Н. Чебоксаров отметил лапоноидность, вообще говоря, для других коми (пермяков, зырян, ижемцев) не характерную (79)⁷⁵.

Наличие ойконимов Лопари (на северо-западе, в центре и на севере Кировской области) и Кувакуш (на востоке) говорит о том, что еще в историческое время (в пределах времени сохранения названий населенных мест) на территории северной половины Кировской области сохранялись реликтовые группы лопарей, из которых, видимо, не все ушли на северо-восток, но и частично растворились в местном (пришлом или тоже автохтонном) населении, повлияв на расовый тип некоторых групп.

Таким образом, можно заключить, что топонимические изыскания в саамском направлении могут быть продуктивными. Но не исключено, что древнейший вятский субстрат связан как раз с исчезнувшим исконным языком лопарей, а задача этого отождествления представляется архисложной, если не фантастической.

Угорские языки

Появление угорских этносов в Вятском крае могло произойти в разные эпохи. В печати появлялись гипотезы об угорском характере некоторых исторических культур, имевших отношение к Вятской земле (ананьинской, пьяноборской). Особенно большую прессу получила дискуссия о прародине венгров. В этом отношении отмечались и вятские гидронимы на -им (-ым).

В конце концов, большинство исследователей пришло к выводу, что искать прародину венгров севернее Южного Урала бессмысленно. Н.Д. Русинов (51)⁷⁶ отмечает незначительные венгерские следы в топонимике Нижегородской обл., где они могли оказаться на пути из сибирских степей в Паннонию. Но, во-первых, достоверность этих следов сомнительна, а во-вторых, они в южной части Нижегородской области, т.е. в другой климатической зоне и на значительном расстоянии от рассматриваемой нами территории.

А.К. Матвеев, известный специалист по угорской топонимике, сначала допускал возможность угорской интерпретации гидронимов на -им, но наряду с финской (32.⁷⁷ 1970). Однако в более поздней работе (35.⁷⁸ 1997. С. 9–10) он фактически признал обе эти версии несостоятельными (как и для других гидронимов, заканчивающихся на носовую согласную с предшествующим гласным, определив их как «загадочные»).

С другой стороны:

из письменных источников мы знаем о сражениях вятчан с вогуличами (манси), значит, уже в историческое время обские угры обитали значительно ближе к Вятке, чем сейчас;

в Кировской обл., в т.ч. в бас. Вятки, немало гидронимов на -я, некоторые могут оказаться и угорскими (об этом мы говорили выше);

в непосредственной близости от рассматриваемой территории, к юго-западу, на карте XVI в. зафиксирован гидроним Юрюган с типично угорским (мансийским) топоформантом -юган, а это еще дальше от нынешней мансийской территории; в бас. Вятки есть р. Юрья с той же основой и с формально угорским финалом (но хантыйским);

в бас. Вятки есть р. Сургут (пр. пр. Лудяны, лев. пр. Вятки), название которой совпадает с древним ойконимом в районе нынешнего расселения хантов; по мнению историка Сибири П.Н. Бучинского Сургутом называлась целая область наподобие Нарыма; т.о. название вятской речки повторяет название хантыйской местности.

⁷⁵ Чебоксаров Н.Н. «К вопросу о происхождении народов угро-финской языковой группы» // Советская этнография. 1952. №1.

⁷⁶ Русинов Н.Д. «Этническое прошлое Нижегородского Поволжья в свете лингвистики». Н. Новгород. 1994.

⁷⁷ Матвеев А.К. «Угорская гипотеза и некоторые проблемы изучения субстратной топонимики Русского Севера» // Вопросы финно-угроведения. Вып. 5. Йошкар-Ола. 1970.

⁷⁸ Матвеев А.К. «Географические названия Тюменского Севера». Екатеринбург. 1997.

По этому поводу рискну выдвинуть противоположную версию: вятский Сургут не угорского, а индоевропейского происхождения, а значит, и сибирский Сургут – тоже. Она основана на следующих фактах:

Сургут не этимологизируется из угорских языков (А.К. Матвеев, 35)⁷⁹;

тюркская версия (основанная на сингармонизме) не нашла лексического подтверждения;

на русском Северо-западе есть озеро и река с похожим названием Стергут (Осташковский уезд Тверской губ.; 3.⁸⁰ С. 196), которое Агеева относит к балтизмам;

-ut – типичный балтийский суффикс, широко представленный в балтийской гидронимии;

вятская р. Сургут протекает вблизи (менее 10 км) территории сплошной балтийской гидронимии (о которой мы говорили выше);

в балтийских языках есть корень sarg- (лит. sargus «сторожкий», лтш. sargat⁸¹ «охранять, караулить», sargs «сторож»); основы с подобной семантикой часто встречаются в топонимии (ср. многочисленный вятские Караулы и Кордоны), в т.ч. и в гидронимии со значением «пограничная, сторожевая река»; мена а > у возможна вследствие сингармонизма, который не исключен и на русской языковой почве для гармонизации иноязычных названий, но можно предположить и влияние тюркского или финноугорского субстратного населения (ср. рр. Вишкиль и Кишкиль, расположенные по другую сторону от вятского Сургута по отношению к территории балтийской гидронимии);

тверской Стергут можно объяснить как частичную русскую кальку балтийского названия, образованную в условиях двуязычия (ср. рус. стеречь);

вопреки распространенному мнению, для Западной Сибири характерен индоевропейский субстрат, причем к нему относятся названия крупнейших рек (Пышма, Конда, Тавда, Исеть, Обь).

Во всяком случае, наличие гидронима Сургут нельзя считать аргументом в пользу угорских следов в вятской топонимии. Но, конечно, гидронимы на -я, в т.ч. и Юрья, нужно проверить на возможную причастность к угорским языкам. Хотя с большой долей уверенности можно сказать, что угорские этносы, если когда-либо и обитали на каком-то участке Вятской земли, не оставили глубокого следа в вятской топонимии.

Самодийские языки

Самодийские языки входят вместе с финноугорскими в уральскую семью языков, хотя они разошлись очень давно (в неолите, если не раньше). Появление самодийцев на Вятке противоречит общепринятой историографии этих народов, поэтому выявление самодийских топонимов на этой территории можно считать невероятным. Но все-таки отдельные самодийские следы вроде бы проявляются, но у меня пока слишком мало материала даже для того, чтобы выдвинуть эту версию хотя бы в виде гипотезы.

Тюркские языки

Тюркские языки, языки многочисленных народов и народностей России, Турции, Азербайджана, Казахстана, Киргизии, Туркмении, Узбекистана, а также некоторой части населения Ирана, Афганистана, Монголии, Китая, Болгарии, Румынии, Югославии и Албании. В России представлено 23 Т.я. Т.я. – родные языки коренного населения Башкирии, Татарии, Тувы, Чувашии, Якутии, Горного Алтая и Хакасии; части населения Дагестана (кумыки, ногайцы), Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии (балкарцы, карачаевцы, ногайцы), Ставропольского края (ногайцы, трухмены). Т.я. наряду с монгольскими, тунгусо-маньчжурскими, корейским, японским языками включаются в состав алтайской семьи языков.

Кировская область непосредственно граничит с Татарией, в юго-восточных районах (Вятскополянский, Малмыжский) татары составляют значительную часть населения, поэтому неудивительно, что в бассейне Вятки встречаются тюркские (татарские) топонимы. Но это

⁷⁹ Матвеев А.К. «Географические названия Тюменского Севера». Екатеринбург. 1997.

⁸⁰ Агеева Р.А. «Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации». М. Наука, 1989.

⁸¹ В.Э.: Sargāt.

относится, в первую очередь, к названиям населенных пунктов. Тюркские гидронимы для бассейна Вятки не характерны, впрочем, как и для территории Татарии, что говорит об относительно позднем проникновении носителей тюркских языков на Вятку.

Впрочем, есть одна «топонимическая пара», о которой говорилось выше. Это рр. Вишкиль (пр. пр. Вятки) и Кишкиль (лев. пр. Вятки). Сначала рассмотрим географическое положение этих рек. Бассейн р. Вятки как бы перерезается в широтном направлении безлюдным лесным массивом, изобилующим болотами и мелколесьем. Севернее его издавна заселенная местность с древними городами Котельнич, Орлов, Вятка, Слободской и Шестаков, с городищами еще с ананьинского времени (I тысячелетие до н.э.). Здесь преобладает славянская гидронимия с включением балтийской и неизвестной индоевропейской. В южной части – житница Вятского края с национально смешанным довольно плотным сельским населением, древними городищами и могильниками. Гидронимия преимущественно индоевропейская, но с трудом поддающаяся этимологизации, встречается также балтийская и, возможно, славянская, тюркская и пермская (р. Кильмезь, лев. пр. Вятки). И вот между ними, в глухом лесном краю, где есть село с говорящим названием Разбойный Бор, топонимическая картина несколько другая. Наряду с р. Шижмой (лев. пр. Вятки), название которой мы относим к индоевропейским, есть р. Мурдюг (лев. пр. Вятки), с прозрачной этимологией из финских языков, название которой непонятно как занесло на две сотни верст южнее основного ареала с формантом -юг. Тут же протекает и р. Кишкиль, а выше по течению, но с другой стороны, впадает в Вятку Вишкиль.

Д. Захаров (18)⁸² справедливо заметил тюркский характер звучания названий этих рек (добавим от себя конкретнее: сингармонизм, характерное деление на слоги, близость звучания последнего элемента с тюрк. гидроформантом куль, коль «озеро»), но его этимологии (например, от тюрк. *киши килды* «люди пришли») не представляются удачными.

Рискну предложить свою гипотезу: в крым.-тат. есть слово куџ «зима», возможно, восходящее к др.-тюрк. основе; *kiу* (тюрк.) – «берег реки», т.е. можно предположить происхождение гидронима Кишкиль от **kyŝkiу* «зимний (северный) берег реки», что соответствует географическому положению по отношению к р. Вятке; изменение финаля у>ль могло произойти на русской почве. Но все же надо признать и эту этимологию сомнительной; во всяком случае, у меня пока нет ответа на целый ряд вопросов: было ли слово куџ в болгарском языке? что означает *виши*? как эти слова соотносятся с болгарским племенным именем ишкиль? как гидроним Кишкиль соотносится с гидронимом Кишка (пр. пр. Лудяны)?

Заметим, что по мнению Топорова и Трубачева корень киль в гидрониме Откильня имеет балтийское происхождение со значением «источник, родник», правда, не имеющим точного соответствия в известных языках (64,⁸³ с. 241), а гидронимы Киша и Кишма, по мнению Н.Д. Русинова, индоевропейские (51,⁸⁴ сс. 78,79). А основа *виши* вообще очень распространена в индоевропейской топонимике от Западной Германии до Урала. Но эти виднейшие лингвисты, включая еще и М. Фасмера, не дают уверенной этимологии этих элементов. Так что оставим пока вопрос о языковой принадлежности пары Кишкиль-Вишкиль открытым.

Не менее интересным представляется название одного из крупнейших притоков Вятки – р. Кильмезь. Здесь мы также сталкиваемся с элементом *киль*, но уже в препозиции. И.С. Галкин считал, что в древнепермском языке было слово *мес* «водный источник» (11,⁸⁵ с. 42); озвончение с в финно-русских переходах встречается. Если сопоставить гипотезу Топорова и Трубачева с гипотезой Галкина, то получается *Киль-мес «источник-источник», но из разных языков. Подобные конструкции в топонимике встречаются, когда накладывается поздний топоформант на раннюю иноязычную, непонятную для позднего населения, основу: типа «река-река». Но с данной семантикой этих элементов непонятно, как значение «источник» может быть приложимо к довольно значительной реке (длина 270 км, средний расход воды 82 куб. м в сек. – немногим меньше, чем у Москвы-реки).

⁸² Захаров Д.М. «Краткий топонимический словарь Кировской области». Киров. 1988.

⁸³ Топоров В.Н., Трубачев О.Н. «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепралья». М. 1962.

⁸⁴ Русинов Н.Д. «Этническое прошлое Нижегородского Поволжья в свете лингвистики». Н. Новгород. 1994.

⁸⁵ Галкин И.С. «Основные типы топонимов на территории Марийской АССР» // Вопросы финно-угорской ономастики. Ижевск. 1989.

По мнению Н.Д. Русинова, со ссылкой на тюрколога Г.Е. Корнилова (24)⁸⁶, формант -мас/-мес, хотя и встречается в финской (мордовской) ономастике (именах собственных), тюркского происхождения (51, сс. 104–109). Эти форманты совпадают с сувазскими и болгарскими суффиксами личных имен: Арзамас, Атмас, Томес, Улмес и мн. др. Этот суффикс указывает на наличие или изобилие того, что обозначено в производящей именной или глагольной основе слова, например, кутамас «задастый» от *кут* «зад» или теплемес «кустистый» от *тепле* «куститься». Может быть, *Киль-мес имеет значение «имеющая проход», «судоходная», «путевая» (например, из земель удмуртов в Болгарию) от тюрк. киль «идти»? Нужно проверить эту и другие возможные тюркские этимологии.

Обращает на себя внимание обилие отыменных ойконимов тюркского происхождения по левобережью Средней Вятки, вблизи г. Кирова (Бурмакино, Адышево, Галямово и под.), а также ряд мелких гидронимов в этом районе, похожих на тюркские или иранские (Бахта, Бахтиарка, Шиям). Может быть, это следы когда-то более широкого расселения каринских татар (история которых, вообще говоря, туманна) или следы мифических «ивкинских татар»?

Каринские татары – этническая группа, проживающая в селе Карино Слободского р-на Кировской обл. и близлежащих населенных пунктах. Верующие – мусульмане. Возможно, имеют общие корни с бесермянами (В.К. Семибратов), проживающими на территории Удмуртии, но, в отличие от них (говорящих по-удмуртски), говорят на диалекте татарского языка.

Ивкинские татары – мифическая этническая группа, упоминалась Д.М. Захаровым на основании данных фольклора.

При этом стоит обратить внимание, что татарами в старину называли многие тюркские народы, не обязательно имеющие непосредственную связь с казанскими татарами. При исследовании тюркских топонимов следует также учесть, что, хотя тюркские языки довольно близки между собой, татарский и болгарский относятся к разным группам тюркских языков. Татарский язык, несмотря на то, что функционирует на той же территории, что и болгарский, и включил из него ряд элементов, не является его прямым наследником, а генетически восходит (как и большинство других тюркских языков) к золотоордынским, кыпчакским наречиям. Прямым же наследником болгарского является чувашский язык, довольно сильно отличающийся от татарского. Этот факт потенциально дает в руки историка важный инструмент. Учитывая, что связи с территорией нынешней Татарии намного более тесны, чем с территорией Чувашии, мы можем, определяя характер тюркских топонимов и личных имен, определять время их проникновения: до или после создания Золотой Орды (XIII в.). Иными словами, если топонимы имеют болгарско-чувашский характер, значит, вероятно их проникновение до или в начале XIII в. Если топонимы имеют кыпчакский или казанскотатарский характер, значит, наверняка они проникли в XIII в. или позже.

Неизвестные языки

Концепция вымершего языка для объяснения гидронимов на Севере России, не этимологизируемых из известных языков, довольно популярна; ее придерживался А.И. Попов (47)⁸⁷ и его последователи. Разумеется, это был какой-то особый, неизвестный финноугорский язык. Почему финноугорский? «Да потому что здесь всегда жили финноугры!» В действительности, никак не объясняемых гидронимов, а тем более ойконимов, на нашей территории не так уж много. Но они есть, поэтому концепцию вымерших языков совсем отбрасывать нельзя.

В этой связи интересно вспомнить теорию лингвиста Б.А. Серебренникова, популярную в конце 50-х – 60-е годы, который пересмотрел традиционные представления о финноугорском происхождении основного слоя дославянской топонимики Волго-Окского междуречья (53)⁸⁸.

Столкнувшись с тем, что основная масса гидронимов на -ма, -га, -ша из современных языков не объясняется, он предположил, что в этой местности и шире – в бассейне Волги и на Русском Севере – обитал неизвестный и ныне вымерший народ, который он назвал создателем

⁸⁶ Корнилов Г.Е. «Пробные статьи этимологического словаря собственных имен Поволжья и сопредельных территорий» и «Продолжение...» // Диалекты и топонимия Поволжья. Чебоксары. Вып. 2. 1973 и вып. 3. 1975.

⁸⁷ Попов А.И. «Географические названия». Введение в топонимику. М.–Л. 1965.

⁸⁸ Серебренников Б.А. «Волго-Окская топонимика на территории Европейской части СССР» // Вопросы языкознания. 1955. №6.

Волго-Окской топонимии (СВОТ). В ареал СВОТ, наряду с Московской, Ивановской, Горьковской, Ярославской, Костромской, Рязанской, Вологодской и Архангельской областями (П.Н. Третьяков добавил еще и Владимирскую), Марийской и Мордовской республиками, отчасти Смоленской областью и Удмуртией, Серебренников включил и Кировскую область.

Эта теория активно обсуждалась как лингвистами, так и историками и археологами. Как всегда, их мнения разделились.

Одни, например, Ч.А. Моора, соотносили СВОТ с поздним неолитом и ранней бронзой, с носителями культур боевых топоров и шнуровой керамики, в частности, с фатьяновцами (первая половина II тыс. до н.э.). Но в таком случае вряд ли можно однозначно считать язык СВОТ вымершим, поскольку представители этих культур считаются предками нынешних славян, балтов и германцев. Их язык был праиндоевропейским (см. соответствующий раздел), правда, уже разделенным на диалекты, хотя и близкие.

Академик П.Н. Третьяков сомневался в столь долгом сохранении гидронимов. Он даже отказался от своих более ранних взглядов на культуру городищ дьякова типа (сер. I тыс. до н.э. – сер. I тыс. н.э.) как финноугорскую, соотнеся эту культуру с СВОТ (67)⁸⁹. По его мнению, высказанному в этой работе, нет генетической связи между дьяковой культурой и поволжскими финноуграми; ареал этой культуры совпадает с ареалом СВОТ (в действительности ареал СВОТ значительно шире – С.У.); язык СВОТ был особым индоевропейским, издавна смешивающимся с древней финноугорской речью; во второй половине I тысячелетия н.э. СВОТ были ассимилированы на западе своего ареала древними русами, а на востоке – поволжскими финнами.

В более современных работах возобладала первая точка зрения. Например, Н.Д. Русинов (51)⁹⁰ однозначно определяет гидронимы типа волго-окских как праиндоевропейские, относящиеся к культурам типа фатьяновской. И все-таки концепцию вымершего индоевропейского языка нельзя считать окончательно опровергнутой. Даже если он (или они) относился к II тысячелетию до н.э., он уже мог обладать определенными диалектными особенностями, затрудняющими интерпретацию с использованием аппарата живых языков и воссозданных прабалтославянского и праиндоевропейского. Нельзя исключать близости этого языка или диалекта с каким-либо известным вымершим языком. В этом плане было бы интересно при этимологизации гидронимов на -ма, -га, -ша и подобных попробовать применить аппарат таких экзотических языков как хеттский и тохарский, имеющих почти фантастические переключки со славянскими (см., например, Мавродин В.В. 28)⁹¹, а значит, их носители в какой-то исторический период обитали где-то поблизости от предков славян.

Неясные топонимы финноугорского типа на территории бас. Вятки встречаются значительно реже неэтимологизируемых топонимов индоевропейского типа. Мы уже говорили выше о гидронимах с конечными формантами -ег, -еж и -им (-ым), которые можно предположительно отнести к финноугорским. В этом плане стоит обратить внимание на с. Ухтым Богородского р-на на р. Ухтымке (лев. пр. Косы, лев. пр. Чепцы, лев. пр. Вятки), а также дер. Ухтым Нолинского р-на, Ухта Санчурского р-на и Ухтенино Лузского р-на – во всех четырех концах Кировской обл.! Формант *ухт* (*охт*) встречается на всей территории бывшего и нынешнего проживания финноугров: от Охты в Петербурге до Ухты в республике Коми и с. Охтеурье в Ханты-Мансийском округе, следовательно, его можно считать общефинноугорским. Но в большинстве современных финноугорских языков такого апеллятива нет, как нет и форманта -ым. В одной из своих работ А.К. Матвеев предположил, что -ым – это древняя форма притяжательного суффикса -ын(г), в другой – что это искаженное самодийское название реки. Так или иначе, название Ухтым, во-первых, древнее, во-вторых, предположительно финноугорское, и, в-третьих, не объяснимое из современных языков. Но принадлежало оно предкам нынешних финноугров или исчезнувшему народу с особым финноугорским языком, остается пока неясным.

На Енисее живет малочисленная народность кеты, говорящая на кетском языке, последнем из некогда обширной енисейской семьи языков. Многие гидронимы в Сибири, а некоторые даже в Предуралье, объясняются из кетского языка. Есть ли такие топонимы в бас. Вятки, никто пока, кажется, не исследовал.

⁸⁹ Третьяков П.Н. «Волго-окская топонимия и некоторые вопросы этногенеза финно-угорских народов Поволжья» // Советская этнография. 1958. №4.

⁹⁰ Русинов Н.Д. «Этническое прошлое Нижегородского Поволжья в свете лингвистики». Н. Новгород. 1994.

⁹¹ Мавродин В.В. «Происхождение русского народа». Л. 1979.

Мы уже говорили выше, что лопари в древности говорили на другом, не финноугорском языке. По одной из гипотез, это был язык, родственный юкагирскому, который также имел значительно более широкую географию. Поскольку пребывание лопарей на Вятке весьма вероятно, стоит поискать среди наиболее непонятных гидронимов и следы языка, родственного юкагирскому.

3.2.2. Этноуказывающие топонимы

В бассейне Вятки, как и в других местах, есть топонимы (названия рек, населенных пунктов и местностей), прямо указывающие на этнический состав жителей этого населенного пункта или соответствующего района. Прежде, чем интерпретировать эти названия, коснемся общих принципов названия географических объектов по имени народа или этнической группы.

Если это крупный географический объект – большая река или местность, то он, естественно, может называться по имени народа, обитающего на его берегах или в этой местности во время названия. Причем, если местный этнос часто называет свою крупнейшую реку просто река или большая вода или что-то в этом роде на своем языке, то по имени этноса ее называют окружающие народы, для которых этнос, обитающий вокруг этой реки, является отличительным признаком реки. Например, река Оттава в Канаде по имени индейского племени названа так европейскими колонизаторами.

По имени этноса может быть назван и главный город этого этноса, либо уже вторично название местности могло распространиться и на наиболее значительный город, например, Париж от галльского племени парисиев, или Пермь по имени или народа, или местности Пермь Великая.

Что же касается мелких рек и населенных пунктов, то они не называются по имени господствующего народа в силу т.н. «принципа относительной негативности», потому что название этого народа не является отличительным признаком географического объекта. Наоборот, если деревня называется Черемиска или речка Вяча, то это означает, что черемисы в этой деревне или венеты на этой речке жили в окружении других народов и достаточно было указания на этническую или племенную принадлежность населения для характеристики этой деревни или этой речки. Или, другими словами, в пределах обозримой для окружающего населения ойкумены черемисы жили только в этой деревне, и этот факт отличал эту деревню от других.

И, наконец, третий способ названия, когда этноним входит в название населенного пункта как составной элемент, например, дер. Марийская Лиса или Русско-Тимкино. Такие названия появляются в местностях, где этносы живут чересполосно и этнический элемент отличает один населенный пункт от другого с подобным же названием (например, Большая Русская Лиса или Мари-Тимкино), но этнически другим населением.

Современные этносы

В справочнике «Кировская область. Административно-территориальное устройство» (93)⁹² в названиях населенных пунктов мы встречаем 12 современных этносов. (За недостатком времени я чаще пользовался этим справочником, хотя Список населенных мест по сведениям 1859–1873 гг. (104.⁹³ 1876) дает гораздо больше информации; для полного исследования необходимо привлечение и других источников.) Это русские, татары, удмурты (отяки, воть?), марийцы (черемисы), коми (пермяки), саамы (лопари), чуваша, башкиры, манси (вогулы), а также армяне, поляки и латыши. К этому можно добавить цыган из Списка 1876. Что касается армян, поляков и латышей, то названия с этими этнонимами исключительны (по два) и связаны, видимо, с организованными поселениями уже в новое время. Только одна деревня от имени вогулов. Дер. Циганы Вятского уезда (№ 153 по Списку) – возможно, от распространенного прозвищного имени.

Ойконимы третьего типа (в которых название этноса является дополнительным элементом) действительно расположены в районах со смешанным населением. С марийским этнонимом – в южных Кикнурском, Лебяжском, Малмыжском, Пижанском, Санчурском, Тужинском, Уржумском, Яранском. С удмуртским этнонимом – в юго-восточных Малмыжском и Унинском. С татарским – в юго-восточных Кильмезском и Малмыжском. С русским этнонимом – в тех же или

⁹² Кировская область. Административно-территориальное устройство. Киров. 1998.

⁹³ Список населенных мест по сведениям 1859–1873 гг. Т. 10. Вятская губерния. СПб. 1876.

соседних районах: Кикнурском, Лебяжском, Пижанском, Санчурском, Советском, Унинском, Уржумском, Фаленском, Яранском.

Рассмотрим ойконимы второго типа (в котором название этноса является определяющим). Если исключить названия от этнонима русский, то все они находятся за пределами проживания топообразующих этносов, чаще всего – в некотором отдалении.

От этнонима удмурт (отяк, воть?): в Лебяжском (с. Вотское), Слободском (дер. Вотское, Бобинский с. о., вблизи г. Кирова), Кирово-Чепецком (дер. Отяцкое, вблизи райцентра) районах. От этнонима черемис (мариец): в Котельническом р-не (дер. Черемисская, к югу от райцентра). От этнонима пермяк (коми): в Арбажском (дер. Пермьяки), Мурашинском (дер. Пермьята, к западу от райцентра, т.е. в сторону от республики Коми), Омутнинском (дер. Пермская), Оричевском (дер. Пермьяки) и Унинском (дер. Пермьяки) районах. (Заметим, что пермяками раньше называли всех коми: и собственно пермяков, и зюздинцев, и зырян.) От этнонима татарин: в центре и северной половине Кировской обл. – в Даровском, Кирово-Чепецком, Котельническом, Оричевском и Шабалинском (три деревни Татары) районах. Об этнониме лопарь мы уже говорили (см. выше).

Заметим, что во всех этих местностях, кроме нынешней территории Арбажского р-на, в Списке 1876 зафиксировано почти чисто русское население, но и на территории Арбажского р-на не было пермяков. Это означает, что к XIX веку представители указанных народностей в деревнях и селах, основанных ими, были уже ассимилированы, что неудивительно, потому что, согласно принципам называния указанного нами второго типа, жили изолированно от своего этноса, в окружении русских.

Гораздо интереснее топонимы второго типа с основой русс-. Обратимся сначала к географии.

Две деревни Русские в Куменском р-не, к югу и юго-востоку от Кирова. Одна – за пос. Нижнеивкино на р. Ирдым (пр. пр. Ивкины, лев. пр. Быстрицы, лев. пр. Вятки). Другая – за с. Вожгалы на р. Лыстан (лев. пр. Быстрицы). В Списке 1876 на р. Лыстан (Лыстань) числятся два населенных пункта: один – «деревня Руских», другой – починок «Над ключом русских».

Две деревни Русские в Оричевском р-не, к западу от Кирова, за Оричами.

И два населенных пункта в пределах г. Кирова: с. Русское – к западу, дер. Русское – к югу.

Что есть общего в географическом положении у этих населенных пунктов? Все они расположены на Левобережье Средней Вятки, к югу от ее русла, не далее 70 км от г. Кирова, исторического центра русских поселений. По данным Списка 1876 – это территория 100-процентного русского населения; в XIX в. здесь не зафиксировано ни одного (!) инородца.

Но есть и разница в географическом положении и топонимическом окружении этих ойконимов.

Оричевские деревни расположены совсем близко от р. Вятки, на территории сплошной русской топонимии, причем рядом есть названия, сохранившие древние русские корни (с. Истобенск и р. Истобница, дер. Тиваненки – от тиун, диал. тивун).

Куменские деревни расположены в бассейне притока Вятки – Быстрицы; гидронимическое окружение нерусское; есть иноязычные названия и среди окрестных населенных пунктов. В окружении одной из этих деревень – названия рек (Ивкина, Ирдым) туманного происхождения; в окружении другой – очевидно балтийские (р. Лыстань при лтш list «расчищать под пашню», «подсекать» и отглагольном суффиксе -ань, ср. рус. пристань, росстань, а также рядом р. Илеть, пр. пр. Быстрицы, р. Карапулька; об ойкониме Вожгалы – ниже).

Населенные пункты в окрестностях Кирова занимают в этом отношении промежуточное положение между оричевскими и куменскими «русскими» деревнями.

Как же все это объяснить? Есть два возможных объяснения.

Первое: русские поселились в этих краях в окружении другого народа (других народов), который впоследствии полностью обрусел. От него сохранились только иноязычные топонимы.

Второе: основная масса окружающего населения, хотя и говорила на древнерусском языке, не считала себя русскими, как не считали себя русскими новгородцы (они ездили в Киев, «в Русь»), как в более позднее время не считали себя русскими донские казаки. Этноним русский применялся только к жителям Русского государства, в которое Вятка до конца XV века не входила. Самосознание своей личности могло сохраняться и дольше. Это, с другой стороны, подтверждают и русские летописи: «А се живущее им около Перми имена людем и странам и землям иноязычным: Двиняне, Устюжане, Выльжане (Вылегжане? – С.У.), Вычегряне, Вятчане, Лопь, Кореле, Пермьсы, Пермь Великая, Гамаль Чусовая...» (I Софийская летопись. ПСРЛ. Т. V).

Здесь перечисляются «люди и страны» с русским языком (Двиняне и Устюжане) наряду с землями иноязычными (Лопь, Корела и т.д.). Те и другие употребляются в качестве этносов. Значит, русскими могли называться переселенцы из собственно Руси, в отличие от вятчан.

К куменским «русским» деревням приложимы и та и другая версии, к оричевским – только вторая. Но, во всяком случае, стоит заметить, названия эти очень старые.

Древние этносы

Топонимы могут нести в себе названия не только современных, но и древних этносов, исчезнувших «аки обре» или преобразившихся в ныне живущие народы. В одних случаях это могут быть названия народов, встречавшиеся когда-либо в древней литературе, но могут быть и этнонимы, воссозданные только по названиям географических объектов. Приведем примеры.

Арс

Выше мы уже говорили об упоминавшихся в средневековой арабской литературе городе Арс и стране Арсанийи, имевшей своего «царя». Судя по контексту, речь шла о субэтноте, наряду с киевлянами и словенцами. В русских летописях говорится об «арских князьях» и «Арской земле» в связи с Вяткой. В 1379 г. вятчане «ходиша ратью в Арьскую землю и избиша разбойников ушкуиников» (46.⁹⁴ С. 201). Под 1489 годом арские князья попали в летописи уже как союзники вятчан в борьбе с Москвой (см. выше). В грамоте 1542 г. (или 1546) упоминаются арские татары: «... У слобожан в станех в Чисте и в Верховине арские татарове и отяки и чувашане деревни покинули тяглые...» (15)⁹⁵.

Имеется ли связь между городом Арс X в. и Арской землей XIV в.? Решение вопроса осложняется тем, что неясна основа в слове Арский: *арс* или *ар* с суффиксом *с*: от чув. аг, тат. агу «удмурт» (М. Фасмер) или и.-е. *ar* «пахарь», *арий* «благородный», *арий* этноним.

Рассмотрим данные топонимики. В XV в. Казанское ханство в представлении москвитян делилась на три части: горная сторона (правобережье Волги), арская сторона (междуречье Волги и Вятки) и луговая сторона (остальное левобережье Волги). В описаниях похода Ивана Грозного на Казань упоминаются Арское поле у Казани, Арские леса, Арские ворота казанского кремля, г. Арск (Арьск), летняя резиденция казанских ханов. В современной топонимии остался г. Арск, севернее – р. Арсабка (XIX в. – Арсаба, лев. пр. Уржумки, пр. пр. Вятки), еще севернее, в левобережье Вятки – с. Арское (совр. Немский р-н Кировской обл.). В Списке 1876 отмечено займище Арсуха Котельничского уезда (правобережье Вятки, 120 км к западу от с. Арское). (Гидроним Арсаба может быть этимологизирован как «арская река», где аб «река» во многих иранских наречиях; ср. р. Мургаб и мн. др.) Я обследовал весь имеющийся в моем распоряжении картографический материал: на территории России удалось обнаружить еще только один топоним с основой *арс*. Это дер. Арсаки Александровского р-на Владимирской обл. Таким образом, если исключить этот последний топоним как случайный, можно констатировать, что топонимы с основой *арс* локализованы на территории между Казанью и Средней Вяткой, 120 км в параллельном и 170 км в меридианном направлении. Топонимы с основой *ар* встречаются в других регионах, например, на севере Башкирии (400 км восточнее): рр. Арей и Ар, сс. Ариево и Арово и т.п., а на Вятке и на «арской стороне» Татарии отсутствуют. Невозможно предположить, что жители этой местности имели такую любовь к суффиксу *с*, что без него основу *ар* не употребляли, значит, основа топонимов на казанско-вятской территории все-таки – *арс*, почти буквально совпадающая с субэтнонимом, указанным арабскими авторами (с вероятным переходом *s > th* или наоборот).

Противоречит этому фраза из летописи «*а арян к роте приведоша*», в которой слово *аряне* приведено вроде бы с основой *ар*. Мне известен лишь единственный случай употребления этого слова со значением этноса или подданства арским князьям. Если это так, то он легко объясним исторической традицией русского словообразования. Русские того времени зачастую воспринимали иноязычные концы собственных имен как русские суффиксы, заменяя их при образовании, например, названий групп населения от топонимов: ср. вологжане от Вологда, вычегжане от Вычегда – так же, как они поступали и с русскими суффиксами, например, вятчане от Вятка. К тому же, судя по единичному употреблению слова *аряне* с такой семантикой, летописцу, возможно, было неизвестно принятое в местной среде название подданных арских князей (и мы

⁹⁴ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 25 М.–Л. 1949.

⁹⁵ Грамота великого князя Ивана Васильевича на Вятку... Труды ВУАК. Вып. 3. Вятка. 1905.

не знаем его), и он применил слово, хорошо известное среди клира в значении «приверженец арианской ереси».

Кто же такие были эти «аряне» (или «арсуки»? или «арсы»)? Арабы в X в. твердо считали их русами, правда, они различали русов и славян («сакалиба»), но это другой вопрос. В то время жители Арса были, по свидетельству арабов, язычниками. В XV в. арские князья были не христианами (скорее всего, мусульманами). В XVI в. говорится об арских татарах. Как все это совместить?

Тут нет ничего экстраординарного. В X в. верхушка Арса могла быть русской (в тогдашнем понимании этого этнонима). Заметим, что славяне составляли значительную часть населения Камской Булгарии (арабы называли болгарского хана «царем болгар и славян»). Булгарский хан принял мусульманство в 922 г.; под влиянием Булгарии мусульманство могли принять и соседние правители, а затем и подвластные им народы. Напомню, что отношения населения Вятки с основной Русью в это время были прерваны. С конца XIV в. на Вятку стало проникать христианство; оно было более благосклонно принято, т.к. основная масса населения Вятки оставалась в то время языческой, но с православной Русью его связывало языковое родство, в отличие от тюркоязычной Булгарии. Те же, кто оставался мусульманином, идеологически тяготел к Булгарии, а потом к Казани. Наверняка в бурном XIII в. из пределов Булгарии на север потянулись беженцы. Куда же им пойти, как не к своим единоверцам – под крыло арского «царя». Таким образом, среди мусульман Арса возобладал тюркский язык. Вот откуда и взялись «арские татарове», а татарами в то время называли тюркок-мусульман, в отличие от тюркок-православных и язычников (кряшен и чувашей). По-видимому, есть основания считать (а это общепризнанная точка зрения), что каринские татары и есть потомки подданных арских князей (конечно, не все потомки, а только те, кто остался верен мусульманству и воспринял или сохранил тюркский язык). Заметим, кстати, что основа субэтнического определения каринский из скифского (иранского) *кар* «город, крепость» через сарматский и/или булгарский язык. Так могли называть и город Арс его жители – просто «город».

Каково же происхождение этнонима арс? Скорее всего, его принесли на Вятку потомки сарматов, одно из племенных объединений которых греческие авторы (Страбон, Птолемей, Плиний и Тацит) называли *аорсои*. По мнению В.Ф. Миллера, это имя может быть выведено из иранского *oṣ* или *uoṣ* «белый» (356)⁹⁶.

Некоторые исследователи предполагают, что этим же именем (арси) называлась одна из ветвей тохаров, которая известна под китайским именем йю-ки (Вернадский Г.В. 8.⁹⁷ С.101). Отметим, что йю-ки переселились в Западный Китай из Восточной Европы в середине I тысячелетия н.э. Возможно, они смешались с сарматами, от которых и восприняли этноним. Впрочем, сам Вернадский признает, что проблема имени *арси* очень запутана (8, с. 389).

Еще одно упоминание этнонима *арс* известно в связи с Хазарией. В X в. арсийцы составляли хазарскую гвардию (Бартольд В.В. 5.⁹⁸ С. 829). Известно, что эти гвардейцы были мусульманами. Правда, неясно, были это выходцы из Арса или просто потомки аорсов, сохранившие свой этноним где-либо в другом месте.

Безусловно, «арская» проблема требует дальнейшей проработки, в первую очередь, с привлечением казанских источников и уточнением арабских.

Вожгала

Литовский исследователь В. Гуделис, кажется, первым обратил внимание на наличие в пределах современной Кировской обл. топонимов с элементом *гала*, увидев в этом свидетельство о присутствии древних балтов на Вятской земле. Ему возражал В.А. Жучкевич, который считал, что эти топонимы занесены в Кировскую обл. переселенцами из более западных мест (17.⁹⁹ С. 121). Сейчас, когда мы видим на территории Вятки обилие, в первую очередь, гидронимов балтийского происхождения, которые не могли быть названы мелкими группами переселенцев нового времени, это возражение следует отвергнуть. К тому же, в наше время уже установлено, что балтизмы обычны в Нижегородском Поволжье (Н.Д. Русинов), а в настоящей работе приводятся примеры балтийских гидронимов на территории Марий Эл, так что Вятка не является

⁹⁶ Миллер В.Ф. «Осетинские этюды». Ч. III. // Ученые записки Московского университета. Отдел историко-филологический. 8. 1887.

⁹⁷ Вернадский Г.В. «История России. Древняя Русь». Тверь – М. 2000.

⁹⁸ Бартольд В.В. «Арабские известия о русах». // Сочинения. Том II. Ч. 1. М. 1963.

⁹⁹ Жучкевич В.А. «Общая топонимика». Минск. 1980.

из ряда вон выходящим балтийским анклавом, а всего лишь северо-восточным продолжением бывшего расселения балтоязычных племен в лесной зоне Европы.

Но вернемся к элементу *гала*. Русинов предложил альтернативное балтийскому объяснение его присутствия в Кировских топонимах (51.¹⁰⁰ С. 56). Он обратил внимание, что в Азербайджане есть деревня Сувар-гала, около Бухары есть селение Гала-Ассия, в иранских языках и контактных с ними тюркских есть слово *гала* «стадо», «стая», «табун», «толпа», «орава».

Также южное происхождение элемента *гала* отстаивает Д.М. Захаров, выводя его из кала «крепость», «город», «поселок» «в иранских, тюркских и арабских языках» (18.¹⁰¹ С.53).

Какую же гипотезу предпочесть? Давайте посмотрим на топонимическое окружение села Вожгалы Куменского р-на. Это большое старинное село в верховьях р. Быстрицы в XIX в. было административным центром стана (аналог современному району). В окрестностях Вожгал в Быстрицу впадают Лебедка, Илеть и Лыстан (Лыстань). Выше мы уже отмечали, что гидронимы Илеть и Лыстан имеют явно балтийский характер. (Заметим в скобках, что р. Лебедка, скорее всего, не от рус. лебедь, иначе она была бы *Лебязья по принципам севернорусского названия. Более вероятно, что в основе этого названия и.-е. *alb- «белый» и и.-е. суффикс -da: *albheda > *olbeda > *lebeda, так же, как и в основе апеллятивов лебедь и лебеда, с последующим оформлением на русской почве деминутивным суффиксом -ка. Ср. название р. Эльба: др.-герм. Alba > др.-слав. Olba > чеш. Laba). Может быть, этого и недостаточно для однозначного определения окрестного субстрата как балтийского. Но в Списке 1876 в 4 верстах от Вожгал обозначены два починка «Над речкой Карапулькой» и «Подле речки Карапульки» (№№ 1377 и 1378). Таким образом, эти два починка сохранили название речки, которое нельзя иначе этимологизировать, как из лтш. kaġarulki «войска» или kaġarūļi «полчища (врагов)». Последнее слово ближе по звучанию к гидрониму (с мягким л), оно из латышского фольклора, скорее всего, общебалтийское. Такое значение, конечно, необычно для «речного» апеллятива, но, несомненно, отражает какие-то исторические реалии подобно Раздерихинскому оврагу в Кирове, где, по преданию, произошла битва вятчан с устюжанами.

Итак, мы видим, что, с одной стороны, вокруг Вожгал есть балтийские (наряду с русскими) гидронимы; с другой стороны, нет ни иранских, ни тюркских. Поэтому трудно предположить, что элемент *гала* в ойкониме Вожгалы имеет иранский, тюркский или, тем более, арабский характер. Финаль *ы* вместо *а* закономерна для окружающей местности, где ойконимы традиционно оформляются по типу множественного числа (ср. пос. Кумёны на р. Кумёне, а также многочисленные деревни Мошаны, Рудины и т.п.).

Слово (элемент) *гала* имеет в балтийских языках 4 значения:

– «болото»;¹⁰²

– «конец», «половина», «область», «местность»; в совр. языках: лит. galas, лтш. gals; последние два значения аналогичны славянским окраина, Украина; ср. лит. Aġiogala, Maišiogala;

– «сила» (в лит. gala);

– элемент, обозначающий принадлежность к этносу (субэтносу); лтш. Latgale,¹⁰³ Zemgale (в рус. летописях летьгола, земигола, в совр. рус. латгальцы), а также галинды у Птолема в Пруссии и голядь русских летописей на Протве.

Элемент *гала* (в великорусском произношении¹⁰⁴ *гола*) в 1-м значении обычен на территориях Белоруссии, Ленинградской обл. и прилегающих районах. Топонимы этого типа

¹⁰⁰ Русинов Н.Д. «Этническое прошлое Нижегородского Поволжья в свете лингвистики». Н. Новгород. 1994.

¹⁰¹ Захаров Д.М. «Краткий топонимический словарь Кировской области». Киров. 1988.

¹⁰² В.Э.: Странно, что такое значение названо первым; в латышском такого значения нет и никогда не было; ну, в других балтских языках по каким-нибудь этимологическим тропинкам, может быть, и можно прийти к такому значению, но в любом случае оно не первично. Корень gal- происходит от индоевропейского *g^hel- (укол, колоть; видно, что русское «кол-» тоже от этого же), и в балтских языках gal- означает всё, что до предела отступает от середины в какую-нибудь сторону (по горизонтали; по вертикали – вверх, вниз – по времени и т.д.). Словом: конец, край, предел. Остальные значения производны; если какое-нибудь племя будет в какую-нибудь сторону крайним (в известном говорящему миреке (говоря словом Есенина)), то оно получит название «сторона + galī», а его место обитания – «сторона + gala» (или gale в современном латышском). Поэтому, чтобы этимологизировать балтские топонимы с «гала», надо выяснить, о какой стороне речь (а она может быть как географической, так и относящейся к какому-нибудь качеству).

¹⁰³ В.Э.: Латгале и латгальцы хоть и образованы по древним правилам языка, но слова современные (введены в начале XX века).

легко этимологизируются из балтийских и восточнославянских языков и их географическое положение объясняет их названия (например, Парголово Ленинградской обл. – «Заболотье»¹⁰⁵).

Однако вокруг Вожгал нет значительных болот; большой массив торфяных болот начинается в 20 км к западу, ниже по течению р. Быстрицы. А около Вожгал, наоборот, довольно плодородные поля, в советское время там был колхоз-миллионер. То есть наличие болот никак не является характеристическим признаком этого населенного пункта.

3-е значение не характерно для топонимов.¹⁰⁶ Из оставшихся двух мне кажется предпочтительным четвертое, хотя бы по схожести формы с этнонимами *Latgale* и *Zemgale*. Для уточнения вопроса попробуем этимологизировать элемент *вож-*, хотя учтем, что этнонимы часто с трудом подвергаются этимологизации, т.к. нередко «путешествуют» из одного языка в другой и/либо имеют очень древнее происхождение.

В непосредственном соседстве с Кировской обл., при впадении р. Лузы в р. Юг (можно сказать, стратегическом пункте древней геополитики) есть с. Варгалово. Первую часть этого топонима можно объяснить из лтш. слова *vara* «власть»¹⁰⁷ или из слов общего с ним происхождения (ср. варяги, варанги). Суффикс *-ово*,¹⁰⁸ скорее всего, возник позднее как привычное оформление для названия села. По аналогии можно предположить, что элемент *вож-* имеет подобное значение. В древнерусском было слово *вожь* «вождь, ведущий» (совр. рус. *вождь* из цер.-сл.). Таким образом, этноним *вожгала*¹⁰⁹ с исконным звучанием **вожьгала* был либо полукалькой балтийского **vargala*, либо создан представителями промежуточного балтославянского диалекта, возможное в прошлом существование которого не отрицают ведущие лингвисты (например, В.И. Топоров). Падение редуцированной *ь* закономерна. С точки зрения семантики значения «имеющие власть», «ведущие» не противоречат традиции самоназваний этносов. Можно предположить также значение «имеющие вождя», «находящиеся в подданстве вождя»: ср. «царские» скифы в изложении греческих авторов.

Для полноты картины отметим пос. Вожгора в верховьях Мезени (-гор – характерный элемент в названиях русских населенных пунктов) и р. Вожгаланка в лесном массиве в Удмуртии по соседству с Кировской обл. В Удмуртии вообще несколько гидронимов и ойконимов с элементом *вож-* в препозиции, что противоречит объяснению этой основы из коми *вож* «приток» (не говоря уже о географическом факторе; по-удмуртски приток *вай*). Обратим внимание также, что дер. Вожектем Сюмсинского р-на (на границе с Кировской обл.) расположена рядом с большим курганом. Все это может послужить основой для дальнейшей разработки этой темы.

В справочнике «Кировская область. Административно-территориальное устройство» (93)¹¹⁰ есть еще два населенных пункта с элементом *-гала* (-голо): дер. Бажгала Слободского р-на (за Вяткой по отношению к Слободскому, вблизи устья Белой Холуницы), и дер. Пайголово Яранского р-на. Захаров отмечает также деревни Бажгалы «в ряде районов».

В качестве гипотезы для интерпретации первой части топонима Бажгала можно рассмотреть корень *баж-* в диал. *бажить* «желать», *бажоной* «желанный» (отсюда же распространенные фамилии Бажов, Баженов и т.п.). Правда, этимологически этот корень восходит, скорее всего, к балтославянскому слову со значением «голод» (ср. лтш. *badis* «голод») с семантическим переносом «голод» > «голодать» > «возжелать» > «желать» по аналогии с «жажда» > «жаждать».

¹⁰⁴ В.Э.: В восточных диалектах у самих балтов уже стоит «гол-» (например, у латгальцев).

¹⁰⁵ В.Э.: Не знаю, не знаю... Это может означать и «За горой» и т.п. (В общем: «За краем»).

¹⁰⁶ В.Э.: Оно производно, и таких значений можно набирать еще множество, например, «смерть», «вечер» и т.п.

¹⁰⁷ В.Э.: Скорее не от *var-*, а от *vār-* (другая фонема и другой смысл, но для русских эти фонемы неразличимы); тогда это означает «бедный, слабый, убогий, нищий» (край). *Vārgalava* – такой топоним вполне мог бы быть образован даже в современном латышском и был бы всем понятен.

¹⁰⁸ В.Э.: В балтском оригинале там должно было стоять *-ова* – обычное окончание для обозначений местности; например: латышское *Pī Tālova* (у Таловы) – это русский город Пыталово, и мн.др. (Окончание *-ова* латгальское, *-ава* – литературно-латышское).

¹⁰⁹ В.Э.: Автор совершенно напрасно полагает, что «вожгала» должен быть этнонимом. Да, «земигола», «летьгола» были этнонимы, но для самих балтов эти слова лишь капельки в целом море подобных же слов, которые вовсе не этнонимы. Обсуждаемое название села «Вожгалы» на самом деле совершенно готовое и почти что неискаженное балтское название населенного пункта *Vožgali* (это в восточных диалектах, например, по-латгальски) или *Vāžgaļi* (это на современном литературном латышском). Значит оно «Покрытая сторона» (например, лесами, может еще чем-нибудь). (Латышское *vāzt*; литовское *vožti* – накрыть, надеть).

¹¹⁰ Кировская область. Административно-территориальное устройство. Киров. 1998.

Чередование д–ж обычно (ср. водить – вожь, садить – сажа и т.п.). Так что топоним Бажгала можно интерпретировать и как «желанный (дружественный?) народ», и как «голодный край»¹¹¹. Второе значение мне представляется более вероятным.

Суммируя сказанное, отметим, что вожгала с большой вероятностью можно считать именем этноса или субэтноса славянского или балтийского типа, обитавшем на территориях нынешних Кировской обл. и Удмуртии и оставившем следы в бассейне Мезени. Топоним Бажгала, скорее всего, не связан с этнонимом, хотя также имеет балтославянское происхождение.

Инды, сабиры, пургасы и чудь

В бас. Вятки есть несколько речек с основой инд-: р. Индик (вар. Индика, пр. пр. Немды, лев. пр. Вятки), р. Инд (Яранский р-н, вероятно, лев. пр. Уртмы, лев. пр. Ярани, лев. пр. Пижмы, пр. пр. Вятки), р. Индыгойка (по Списку 1876 в Уржумском уезде; вар. Индыгайка). На р. Индике, кроме с. Арского, о котором мы уже говорили, был починок Индеево. Все эти названия, конечно, не от индийцев, даже если предположить, что их предки обитали когда-то в этих краях: арии тогда не назывались индийцами. И не от того же корня, что и река Инд: Инд от синдху «река», др.-перс. Хинду; в русский это название попало через один из западноевропейских языков, в которых нет звука х.

Но в Европе существовали и какие-то другие «инды». Римский географ Потрей Мели (I в. до н.э.) на своей карте показал восточнее Северного моря «Индийский океан». Очевидно, что так он назвал Балтийское море. Кай Плиний Старший сообщал, что в 58 г. н.э. к северному побережью Германии буря прибила несколько купцов-«индов». По мнению С.Э. Цветкова (78,¹¹² с. 26), это были венеты (винды). От себя добавлю, что в такой искаженной форме этот этноним мог появиться у римлян при греческом посредстве (в древнегреческом не было звука в).

Но если Цветков прав, то, значит, наши реки называли «не в их честь», поскольку у обитавших на Вятке народов звук *в* был в ходу и они не могли так исказить этноним *венеты*. Более того, у главной реки региона – Вятки – та же по происхождению основа, что и у этого этнонима: *vēt-* или *vēd-*. И тут звук *в* сохранился. Итак, сделаем вывод, что, если и были на Вятке загадочные инды, это не венеты. А может, основа *инд* имеет вовсе не этнонимическое происхождение, а названные топонимы происходят от балтийского апеллятива (ср. лтш. *indīga* «ядовитая»¹¹³).

Общепризнано, что название Сибири происходит от тюркского племенного имени савиров (сабиров, сабеиров, суваров). Племена под этим именем входили в гуннский союз, затем обосновались на Северном Кавказе, вошли в состав Хазарского каганата. Часть из них вместе с союзными булгарами отошла на Среднюю Волгу. Вторая столица Булгарии называлась Сувар. Но в Кировской области есть две деревни с названием Сибирь. С чего бы это называть деревни Сибирью? Может быть они названы, как и большая Сибирь, от этнического имени сабиров? На эту мысль наталкивает и топонимическое окружение этих ойконимов. Одна деревня, в Унинском р-не, – рядом с дер. Астрахань. А это имя или от г. Астрахань, тюркского по происхождению, или от тюркского же слова тархан.

Другая дер. Сибирь в Кирово-Чепецком р-не, недалеко от г. Кирова. Рядом дер. Сарбаи. Не искаженное ли это (посредством метатезы) сабиры?

В Списке 1876 есть дер. Пургасы Вятского уезда – на р. М. Просница (№1710). Но в Лаврентьевской летописи под 1377 г. (л. 156) упоминается пургасова русь, этническая группа древнерусского населения в составе мордвы. В дальнейшем она полностью или частично была

¹¹¹ В.Э.: В современном латышском есть слово *bāzt* (совать – в щель и т.п.); при спряжении оно принимает форму *bāž* (*viņš bāž* – он сует); происходит оно от балтского **bāžti*, а корень **bāž-* означал «выпрямлять» (развитие семантики шло: выпрямлять руку – совать предмет в дырку и т.п.). Следовательно, *Bāžgala* означает – прямая, ровная сторона (без изворотов, если река, без гор, если земля).

¹¹² Цветков С.Э. «Русская история». Кн. I. М. 2003.

¹¹³ В.Э.: Нет, к сожалению, через это слово нельзя объяснить этимологию названий вятских рек. Слова *inde* и *indīgs* (яд, ядовитый) в латышском языке новые, введены только в начале XX века, чтобы вытеснить заимствование с немецкого: *Gift*. Правда, образованы эти неологизмы были от действительно старого слова *indeve* (недуг, болезнь, порок, злой дух, яд), но это слово составное: *in* + *deve* (внутри + дали) (где *in* от куршского языка; в восточно-балтских должно было стоять *ie*). Трудно представить, как из этого можно получить названия рек у далеких, далеких восточных балтов. Тем не менее, слово индоевропейское. В Латвии тоже есть *Indras pagasts* (волость Индры), озеро Индры и т.п. У индусов есть бог Индра. Возможно, это родственно греческому «андрос» (мужчина, человек).

ассимилирована мордвой. По мнению этнографов, к пургасовой руси восходит современная этническая группа мордвы – шокша (Мокшин Н.Ф. 37.¹¹⁴ С. 64–74), которая сохранила, например, в традиционной одежде как мордовские, так и древнерусские элементы. На территории шокши, в пограничном районе Мордовии и Рязанской обл., расположено с. Пургасово. А на территории Кировской обл. есть и дер. Шокшата (Советский р-н).

В летописное время в южной части бас. С. Двины обитала заволочская чудь. Современные топонимисты связывают с этим этносом ареал гидронимов с окончанием на -юг, который охватывает бассейн р. Юг, одной из составляющих С. Двины, и прилегающий район бас. Вятки. С другой стороны, в справочнике «Кировская область. Административно-территориальное устройство» (93)¹¹⁵ есть 3 населенных пункта с основой чуд-. Конечно, можно предположить, что они названы так от прозвищного имени (например, *Чудало или *Чудин). Но обратим внимание, что указанные ойконимы полностью укладываются в обозначенный выше ареал (дер. Чудалово Опаринского р-на, дер. Чудиновцы Мурашинского р-на и с. Чудиново на севере Орловского р-на), а за пределами этого ареала не встречаются. Т.о. с большой степенью достоверности можно считать, что названия этих населенных пунктов произошли именно от этнонима *чудь*. Исходя из «принципа относительной негативности», мы должны предположить, что эти населенные пункты получали свои нынешние названия тогда, когда большая часть чуди была уже ассимилирована русскими либо, как говорится в преданиях, «ушла под землю», а эти села оставались островками аборигенного населения.

Вятка

Во-первых, что такое Вятка? Вятка – это и река, и местность, и главный город этой местности в определенный исторический период. Как правило, название местности вокруг реки образуется от названия реки при помощи грамматических форм: Прикамье, Поволжье, но есть и исключения: например, Дон употребляется и как название местности.

Географическая особенность бассейна Вятки в том, что река Вятка образует своего рода «подкову», заключая внутри нее большую часть Вятской земли.¹¹⁶ Это определяет компактность бассейна и в условиях географического однообразия Русской равнины является чуть ли не единственным значимым отличительным признаком Вятки на фоне соседних регионов. Этот фактор и проявился в виде тождества (омонимичности) названий реки и местности и, видимо, главного города.

Название города, безусловно, вторично. А что первично? Обратимся к этимологии слова Вятка.

Наиболее распространенной среди местных краеведов считается версия происхождения названия реки от удмуртского племени ватка. Эта версия попала даже в топонимический словарь Е.М. Поспелова (101)¹¹⁷. Объяснение простое: «на Вятке всегда жили удмурты (вотьяки)».

Впрочем, вызывает сомнение реальность самого существования мифического племени ватка. А если оно и существовало, то было ли оно удмуртским? Хотя для этимологии Вятки ответ на этот вопрос является второстепенным, поскольку по законам лингвистики слово Вятка никак не может произойти от слова ватка, как и от любого другого финноугорского слова. Дело в том, что в финноугорских языках нет мягкого *в* (*v'*) и ему подобных звуков, а русское *в* (как и большинство других согласных) перед *а* никогда не смягчается. Специалистам по истории русского языка хорошо известно, что *я* после согласных в корне появляется, как правило, на месте *е* носового (*е̃*), а после *в* – только в этом случае (вяз от о.-с. *vęзь, вязать от о.-с. *vęzati, святой от о.-с. *svęть и т.п.).

Примечание. Сложилась традиция передачи буквы *ä* в финских и эстонских именах собственных буквой *я*. Но эта чисто письменная традиция XX в. (появившаяся при туземизации собственных имен после получения финнами и эстонцами национальной государственности) не имеет никакого отношения к устной народной традиции передачи финских названий, т.к. финские согласные перед *ä* не смягчаются, а финское *v*, например, во всех позициях звучит, как русское твердое *в*.

¹¹⁴ Мокшин Н.Ф. «Этническая история мордвы». Саранск. 1977.

¹¹⁵ Кировская область. Административно-территориальное устройство. Киров. 1998.

¹¹⁶ В.Э.: Вот это-то и есть самый существенный признак, определивший название края, как я это покажу чуть ниже, объясняя этимологию слова «Вятка».

¹¹⁷ Поспелов Е.М. «Географические названия мира». Топонимический словарь. 2-е изд. М. 2002.

Таким образом, этимологизацию топонима Вятка от слова ватка можно считать недоразумением. Между тем, есть обширная литература по этимологии корня вят- в этнониме вятичи и многочисленных гидронимах в бассейнах Днепра и Оки и в Прибалтике (Вяча, Вятца, Вятчер, Вячка, Вятчик, Венча, Venta, Vente). По этому вопросу высказывались такие гранды славистики и индоевропеистики как Л. Нидерле, М. Фасмер, С. Роспонд, В.И. Топоров, О.Н. Трубачев, Г.А. Хабургаев и мн. др. (см. список литературы). Мнения этих лингвистов в основном сходятся: исходным корнем для этих наименований является и.-е. *vent-, который в праславянском дает *vęt-, а в восточнославянских – вят- (у Роспонда исходная форма *ven-t, у Нидерле – *vend). Правда, Фасмер отвергал связь с этим корнем этнонимов венеты и венеды; с ним не согласен Хабургаев и современные исследователи. Исходная семантика не вполне ясна. По мнению Роспонда (50)¹¹⁸, исходное значение – «мокрый, влажный». М. Будимир (7,¹¹⁹ с. 129) возводит вятичи вместе с veneti к ven-, сравнивая со слав. vętj-, сербохорв. већи «большой».

Первой применила указанную этимологию к гидрониму Вятка преподаватель Кировского педагогического института Л.Н. Макарова (30)¹²⁰. Исходным топонимом она считала название реки со значением «большая». В этой же работе приведен наиболее полный обзор литературы по этимологии слов с корнем вят-, дан критический анализ околонаучных этимологий топонима Вятка, впервые обращено внимание на балтославянский характер этого топонима. Это, пожалуй, единственная научно обоснованная этимология названия Вятка.

В подтверждение гипотезы Макаровой обращу внимание на наличие топонимической пары к гидрониму Вятка. Это Молома (пр. пр. Вятки), название которой восходит к и.-е. корню mol-/mel- со значением «разбивающий волны», «мелкий» (108.¹²¹ Т. I. С. 522.). Ср. также топонимическую пару Волга – Молога с исходными значениями «многоводная – мелкая». Молома, так же, как и Молога, является «стратегическим» для наших предков притоком материнской реки, связывающим ее с другими водными системами, поэтому противопоставление «большая – меньшая», «водная – мелкая» здесь семантически оправданы. Кроме того, в рамках настоящей работы мы видим, что балтославянская топонимия является обычной для окружающей территории и название главной реки региона не выбивается из ареала балтославянских названий.

И все же в работе Макаровой есть темные места.

1. Если значение «большой» и можно применить к гидрониму Вятка, то как объяснить названия многочисленных мелких речек с тем же корнем в бассейнах Днепра и Оки и в Прибалтике? Конечно, каждая из них больше еще меньших речушек, но в таких случаях (для рек-тёзок) в славянской традиции называния принято применять определение со значением «большой» без сравнительной степени (др.-рус. великий). К тому же каждая речка больше какой-то другой, меньшей, так что это не является отличительным признаком гидронима.

2. Гидроним Вятка содержит деминутивный (уменьшительный) суффикс -ка, что не вяжется с семантикой основы («большая»). Макарова объяснила это тем, что этот суффикс в гидронимах утратил свое деминутивное значение, став чисто гидронимическим словообразовательным формантом. Последнее утверждение не верно. В древности суффикс -ка для образования русских гидронимов не был продуктивен, а стал широко применяться только в XIX, а особенно в XX в., причем обязательно с деминутивным значением (только в отношении мелких рек). Ср., например, названия вятских речек в XIX в. (Хлыновица, Медяна, Кумена) и в XX (Хлыновка, Медянка, Куменка). Суффикс -к- совершенно не характерен и для балтийских гидронимов (Топоров В.И. и Трубачев О.Н. 51¹²²). В бас. Вятки, кроме самой Вятки, есть еще и р. Летка, с тем же редким для старых русских гидронимов суффиксом. Но в слове Летка -ка – отглагольный словообразовательный суффикс, без субъективной оценки и без гидронимической специфики: ср. летка «желобок, по которому идет мука из-под жернова» (Даль) от лететь «течь» (диал.; 103.¹²³ Вып. 17). Значение же суффикса -ка в гидрониме Вятка осталось невыясненным.

¹¹⁸ Роспонд С. «Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика. М. 1972.

¹¹⁹ Будимир М. «Protoslavica» // Славянская филология. Сб. статей. П. М. 1958.

¹²⁰ Макарова Л.Н. «Древние наименования города Кирова». Рукопись. Киров. 1984.

¹²¹ Черных П.Я. «Историко-этимологический словарь современного русского языка». В 2 т. 5-е изд. М. 2002.

¹²² В.Э.: Цифры 51, видимо, ошибка.

¹²³ Словарь русских народных говоров. Л. Вып. 12–13. 1977; вып. 15. 1979; вып. 17. 1981; вып. 19. 1983 и др.

3. Автор первоначального летописного свода среди славянских племен назвал вятичей, но из контекста следует, что уже тогда основа вят- была непонятна древнейшему летописцу (в отличие от дрег-, поль- и древ-, легших в основу других субэтнонимов). Он объяснил этот этноним тем, что вятичи происходят от князя Вятко. Разумеется, это «народная» этимология, но нам она интересна отсутствием в XI в. внятного толкования основы *вят*. А ведь летописцы, безусловно, владели славянскими диалектами, т.к. собирали сведения со всех концов славянских земель. Макарова, конечно, права, говоря о древности названия Вятки. По лингвистическим данным, оно появилось до XI в., т.е. до завершения деназализации (исчезновения носовых гласных) в восточнославянских диалектах. Как мы говорили выше, и семантика основы *вят* к этому времени уже была утрачена. Значит, время называния надо отнести еще на много веков раньше, возможно, к эпохе балтославянского единства (о чем и говорит Макарова). Это логично, т.к. названия подавляющего большинства крупных рек очень древние. Но в таком случае эта основа в форме *vent-* должна была присутствовать в качестве апеллятива и в балтийских диалектах. Однако мы видим, что в известных балтийских языках такого апеллятива нет; из всех многочисленных славянских и балтийских языков и диалектов похожий апеллятив есть только в сербохорватском. Этого слишком мало для убедительности этой гипотезы.

Итак, вопросов пока больше, чем ответов. И, может быть, прав Хабургаев, который сделал вывод, что «*вряд ли перспективно этимологизировать этот этноним (вятичи – С.У.) на славянской почве*» (73.¹²⁴ С. 96). Хабургаев отнес этот этноним к числу тех древнейших образований, которые, по словам академика Трубачева, «*пережили не один и не два языка, сменивших друг друга на данной территории. Известна способность этнонимов усваиваться носителями иного языка. Это как раз важно учитывать для территорий, которые характеризуются непрерывностью культурных традиций*» (69.¹²⁵ С. 23). Заметим, что если говорить об этнониме, восходящем к основе *vent* (венеты, энеты, венеды, вятичи), то он характерен не для определенных территорий, а являлся «блуждающим», оставив свои следы и в Малой Азии, и в Средиземноморье, и на Балтике, и на берегах Днепра и Оки.

Логично предположить, что топоним Вятка также имеет этнонимическое происхождение, т.е. в его основе лежит название народа (этнической группы), некогда обитавшей в этой местности. Основа этого этнонима могла в разные времена и у разных народов варьироваться (*vend-*, *vent-*, *venet-*, *vened-*, *vind-*, *vet-*, *вят-*), но мы назовем его так, как это принято в современном русском языке – венеты.

Итак, можно считать весьма вероятным, если не очевидным, что река Вятка и местность Вятка получили свое название от венетов, населявших эту местность. Именно этим она отличалась от соседних регионов, населенных, видимо, другими народами. «*По всей вероятности, в древности одним и тем же словом могли обозначать племя, закрепленную за ним территорию и главную реку, протекающую по этой территории*» (Агеева Р.А. 2.¹²⁶ С. 73). Напомним (см. п. 3.1.1), что и у балтийских венетов, и на Вятке отмечена общая обрядность (культ стрелы).

Кто же были эти вятские венеты? В середине и во второй половине I тысячелетия н.э. так в европейских письменных источниках называли славян, прежде, чем узнали их самоназвание и стали различать их разные общности. Близкие к форме венеты названия закреплялись за славянами не только у античных авторов, но и у соседних со славянами народов: у готов и других германцев, у разных финских племен (*venethae* у Иордана, нем. *Wenden* и *Winden*, фин. *venäje*, фин. диал. *venät*, вепс. *вэн'а*). Применительно к Вятке можно сказать словами Петрухина и Раевского: «*Ситуация характерна для истории этнической ономастики: название древней общности закрепляется преимущественно на границах ее расселения*» (44.¹²⁷ с. 252).

Значит, название р. Вятка можно перевести на современный русский как «Славянская»? Наверное, не совсем так. Мы говорили о том, что этот этноним «блуждающий» и в разные исторические эпохи он применялся к разным народам, в том числе, например, к троянцам (Эней и энеты при отсутствии звука *в* в древнегреческом) и основателям Венеции. По этому вопросу есть многочисленная литература, и вряд ли уместно здесь ее пересказывать. Нам интересно то,

¹²⁴ Хабургаев Г.А. «Этнонимия «Повести временных лет»». М. 1979.

¹²⁵ Трубачев О.Н. «Лингвистическая география и этимологические исследования». Вопросы языкознания. 1959. №1.

¹²⁶ Агеева Р.А. «Происхождение имен рек и озер». М. 1985.

¹²⁷ Петрухин В.Я., Раевский Д.С. «Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье». М. 2004.

что в позднее античное время так называли северный народ, отличный от сарматов и германцев (Тацит), помещая его в область расселения и славян, и балтов. В то время языковые и культурные отличия славян и балтов были значительно меньше, чем сейчас; археологи с трудом различают славянские и балтийские древности, этническая дифференциация многих археологических культур дискуссионна. Могли их путать и смешивать и окружающие народы. Мы не можем пока ответить, кто были эти вятские венеты: славяне, балты или балтославяне. Топонимика вряд ли решит этот вопрос без глубоких лингвистических исследований, т.к. славянские и балтийские гидронимы в бас. Вятки переплетаются. Необходимо привлечение и других наук, о чем мы говорили выше.

Добавим только, что первоначально название венеты могло иметь и не этническое значение или не вполне этническое, подобно названиям варяги, варанги, викинги, ушкуйники. Этим можно объяснить его «блуждающий» характер; в разное время он «прилипал» к народам, которые имели склонность к путешествиям по воде, или были завоеваны этими «путешественниками». Так что легенда об основании Вятки ушкуйниками, возможно, имела под собой основания, только, по лингвистическим и другим данным, о которых говорилось выше, ее надо отодвинуть на несколько веков вглубь, по крайней мере, за X век.

Одно понятно: топоним Вятка до нас дошел в славянской форме, со славянизированным корнем и чисто славянским суффиксом. Как же объяснить суффикс -ка? Так же, как в гидрониме Летка, он имел не деминутивное, а словообразовательное значение. Этот, вообще редкий в старой гидронимии суффикс, был продуктивным при образовании топонимов от этнонимов (ср. р. Черемиска или ойконим Татарка).¹²⁸ Умри – иначе не скажешь. (Заметим, что продуктивный с

¹²⁸ В.Э.: После всего, что тут автор наговорил, мне как-то неудобно и даже страшновато это утверждать, но я не вижу никаких проблем в объяснении этимологии слова «Вятка». Попытаюсь высказать свою точку зрения. Автор прав, когда считает слово «Вятка» родственным названию латвийской реки Вента. Что же значит слово «Вента»? Это слово языка куршей (западных балтов) поэтому там стоит «ен»; Вента – это современное название, а в древности (13–15 вв.) оно писалось также Венда и Винда. Происходит оно от индоевропейского корня *uep (крутить, изгибать) и, следовательно, название означало либо «Извилистая», либо «Волнистая» (Так этимологизирует Константин Карулис, автор «Латышского этимологического словаря», 1992, но лично я оставил бы только первое объяснение). Такие названия легко давались разным рекам по всему индоевропейскому ареалу, и подобных рек было множество. В Латвии на берегах Венты жило ливское племя, которое в 12-м веке, не выдержав давления куршей, ушло со своих мест и поселилось по другую сторону Рижского залива в окрестностях нынешнего города Цесис. Там оно получило от соседей название Венды (т.е. пришедшие с бассейна Венты-Венды). В центре нынешнего города Цесис они построили свой замок, но вскоре пришли крестоносцы и рядом с их деревянным замком построили свой каменный замок, в котором почти всё Ливонское время находилась резиденция магистра Ливонского ордена. Возникший вокруг замка город семь столетий назывался Венден (по имени ливского племени) и только в XX веке был переименован в Цесис. Этот пример показывает, как племена могли получать имена от рек (и, поскольку рек с такими названиями было множество, то и народов, получивших почти одинаковые имена, могло быть множество). Но названия этого же корня народы могли получать еще и другим путем. Древний корень *uep дал начало очень многим разным словам (нас здесь будут интересовать три направления в развитии этого корня). Одно относилось к рекам, а в другом направлении этот корень (крутить, переворачивать) породил латышское слово vandīt (рыскать в поисках чего-нибудь – переворачивая всё вокруг); от этого vandīt остается только один шаг до «вандалов», т.е. названия, какое потерпевший народ может дать народу, вторгшемуся на его территорию, грабющему и рышущему повсюду в поисках добычи. Так тоже могли возникать названия народов от этого корня – но, разумеется, не самоназвания, а присвоенные соседями. Это объясняет, почему разных «венетов» было множество во всех концах индоевропейского ареала, хотя родства между этими народами могло и не быть. Слова с «ven-», «vin-» – западные (западно-балтские и западно-европейские), а в восточно-балтских языках им соответствовали корни «vie-», «vī-» (латышский, балты современной России). Таким образом, река, аналогичная Венте, на Востоке называлась бы Vieta, а аналогичная Винте – Vīta (эти различия были заложены уже в самом индоевропейском, т.к. для «крутить, изгибать» там были два корня: *uep и *uei). От этого второго корня образовано третье интересующее нас слово – латышское «vieta». В современном языке оно означает «место», но, образованное от *uei – изгибать, первоначально оно означало «пространство, охваченное изгибом». Vieta – так называлась постель, место, где спать (потому что его огибали ветками), vieta – назывался двор (потому, что его оплетали забором), и vieta – называлась земля, охваченная изгибом реки. И вот тут-то мы дошли до истоков слова «Вятка»: на восточно-балтском это была Vieta – земля посреди изгиба реки (возможно, язык тех балтских племен несколько отличался от латышского и слово звучало как-то чуть иначе, но важно, что в славянском языке оно отражалось как Вята; ср. с русским словом «объята», где в сущности тот же корень). Жители этого пространства, объятого изгибами реки (страны Вяты) назывались «vietīši» (точно так же, как жители Латы – назывались «latīši», от чего русское

древности до наших дней суффикс -ск- никогда не применялся для образования гидронимов.) А для придания деминутивности существовали другие суффиксы: -ок, -ек, -ик, -ец, возможно, -ица.

3.2.3. Событийные топонимы

Существуют топонимы, повествующие, хоть и крайне лаконично, о каких-либо событиях или явлениях, бывших в доисторическое или раннее историческое время. Мы уже говорили о Раздерихинском овраге и речке Карапульке. Рассмотрим еще один пример, о котором мы тоже упоминали.

Это речка Гостиладор (лев. пр. Летки, лев. пр. Вятки). Она протекает в крайней северной части бассейна Вятки, на территории нынешней респ. Коми. Название весьма необычно для вятской гидронимии и вообще для Северо-востока Европы. Гидронимы на -ор не характерны ни для балтославянской, ни для древней индоевропейской среды. Исконные финноугорские слова никогда не начинаются на г. Ясно, что истоки этого названия надо искать в других языках.

Скорее всего, это сложное слово. Первый корень *gost-* (*gast-*) – общий для германских, балтийских и славянских языков со значениями «гость», «купец», «чужеземец» от и.-е. **ghostis* «пришелец, чужой» (ср. совр. нем. *Gast* «гость, чужой, приезжий»). Второй корень *lad-* – общий для кельтских и германских языков (в германских из протогерманского **laido*): ст.-англ. *lad* «путь, курс, переноска», гаэл. *lad*, англ. *load*, нем. *laden* «нагружать». Есть слово с этим корнем и в латышском (*lade*¹²⁹ «сундук»), но, скорее всего, это заимствование из немецкого. Есть похожие (но другого происхождения) корни и в русском языке, но окончание -ог, редчайшее для русского, обычно именно в германских языках. Что же мы получаем в итоге? «Место загрузки купцов»? В глухой тайге! Да еще и по-немецки! Чуть какая-то.

Но прежде, чем посмотреть на географию этой местности, небольшое отступление. Обычно считается, что в древности различные речные системы соединялись волоками. Это не совсем так. Для волока нужны идеальные условия, например, наличие систем озер на водоразделах, как между бассейнами Волги и Северной Двины. Чаще всего не лодки «волочили», а переносили товар, что широко отражено в топонимии, например, на Северном Урале, где населенные пункты и реки у водоразделов названы от апеллятивов со значениями «переноска» и «котомка» (Матвеев А.К. 35¹³⁰, с. 115 и др., 34,¹³¹ с. 126).

Еще раз повторюсь, что речка Гостиладор расположена на крайнем севере бассейна Вятки, именно в той местности, куда и должны были поступать в бассейн Вятки и, шире, в бассейн Каспийского моря товары с Севера – меха и, возможно, олово. Очевидно, что удобнее всего их было доставлять по санному пути, весной товары загружались в лодки (летом речка Гостиладор мала даже для лодок), затем они спускались до Летки, по которой «летели» до самой Вятки. А по Вятке – в Булгар. Дальнейшее подробно описано у Ибн Фадлана (22.¹³² С. 141 и сл.) и поставлено в фильме «Тринадцатый воин» с Бандерасом в главной роли. Может быть, кто-то из купцов спускался по Волге до самой Хазарии, где платил десятую часть товаров за право пройти в Каспийское море. В Персии славянские купцы не были в диковинку. Не исключено, что среди них были и вятские.

Вопрос, кто были эти купцы: русские, славяне или немцы? Арабы различали русов и славян (сакалиба). Русами они называли главенствующую верхушку, которая собирала дань со славян. Возможно, это была дружина, состоящая из воинов разного происхождения – славянского, германского и сарматского. С одной стороны, Ибн Фадлан общался с приезжими купцами через

«латыши»), и по-русски, значит, «вятыши», а когда это стало непонятным, то по-привычке: «вятичи». А от «вятичей» и их река – **Вятка** – точно так же, как от татар – Татарка. Так как участков земли, охваченных изгибами рек, было много, то и Вят могло быть множество в разных местах – а, следовательно, и вятичей (так же, как названия «поляне» или «словене» встречались во многих местах, и это вовсе не означало, что в этих местах расселилось одно и то же племя). Ведь вятичей в верховьях Оки и вятичей Кировской области разделяет тысяча километров. Вяты и вятичи могли возникать везде, где на восточно-балтскую почву оседали славяне.

¹²⁹ В.Э.: должно быть *lāde*; это заимствование с германских языков, может быть, средненижне-немецкого, восточнофризского или среднеголландского.

¹³⁰ Матвеев А.К. «Географические названия Тюменского Севера». Екатеринбург. 1997.

¹³¹ Матвеев А.К. «Вверх по реке забвения». Рассказы о географических названиях. Свердловск. 1992.

¹³² Ковалевский А.П. «Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.». Харьков. 1956.

переводчика-славянина. С другой стороны, в их обычаях, зафиксированных путешественником, было много похожего на обычаи викингов. Вот и речка названа по-немецки.

Возвратимся к названию реки. Если у кого-то еще остались сомнения в реальности предложенной этимологии, добавлю, что примерно в километре от р. Гостиладор расположена деревня Гостиногорка. Это уже безусловно русское название, элемент -горка распространен в названиях населенных пунктов Северо-востока. В целом этот ойконим очевидно интерпретируется как «гостиница». Именно там, значит, и останавливались заморские купцы.

Можно предположить, что германцы сами не называли эту речку, а в русскую среду проникло германское слово *ladog в качестве профессионализма. Русские могли общаться с купцами из Скандинавии и позаимствовать это слово, оно попало в название реки, но потом исчезло из оборота. Но это не так. На Русском Севере нет гидронимов русского происхождения, состоящих из неспецифических апеллятивов без русских суффиксов, так же, как нет и фамилий без суффиксов. В зоне украинского языка и южных диалектов великорусского есть то и другое (например, рр. Крапива и Чаша в бас. Днепра и фамилии Мороз или Подопригора), но в зоне северных диалектов такое невозможно. Иначе говоря, русские в таком случае назвали бы эту речку *Гостиладорна или *Гостиладорка. Также не характерно бессуффиксное образование гидронимов и для балтов, и для тех «других» индоевропейцев, которые населяли когда-то Вятскую землю.

Итак, мы можем сказать наверняка, что именно германоязычные купцы дали название этой речке, но мы не знаем, приходили ли они с Севера, из Скандинавии через Белое море, сопровождали ли дальше свой товар или перепродавали его, обосновывались ли на Вятке. Не знаем мы точно, к какому времени относится название этой речки. Мы можем лишь предположить, что это было в эпоху викингов (VIII–XI вв.). Если они в это время доплывали до Америки, почему бы им не добраться до Вятки?

3.2.4. Некоторые важные этимологии

Чепца

Река Чепца – один из крупнейших притоков Вятки (левый), имевший, наряду с Моломой и Леткой, важное транспортное значение. Чепца берет начало на территории н. Пермской обл., всего в 50 км от среднего течения Камы, и течет почти строго на запад, впадая в Вятку в 40 км выше г. Кирова, в непосредственной близости от древнего Никульчинского городища. По Чепце расположены памятники полемской и чепецкой исторических культур, она считается центром этногенеза удмуртов.

Д.М. Захаров справедливо указывает (18.¹³³ С. 35), что «из данных удмуртского языка не удалось объяснить название Чепца». Он предлагает считать его западно-финским (вепским, чудским), не приводя никакой этимологии. Это крайне сомнительно, т.к. форма этого гидронима индоевропейская, суффикс – русский, основа также имеется в славянских языках.

Начнем с суффикса. Он имеет другую природу, нежели распространенный на окружающей территории суффикс -ица (рр. Быстрица, Холуница, Святица), имеющий гидронимический характер. Суффикс -ца редкий как в гидронимии, так и в апеллятивной лексике. Он восходит к праславянскому суффиксу -ка или -ька, подвергнутому палатализации, и коррелирует с суффиксом -ец, что проявляется, в частности, в образовании прилагательного: село Усть-Чепецкое. То есть наши предки совершенно справедливо воспринимали гидроним Чепца как русское слово и изменяли его по законам русского языка, поскольку были интуитивными лингвистами. Ср. также р. Чепец (лев. пр. Тимшора, пр. пр. Ю. Кельтмы, лев. пр. Камы) в Пермском крае. В этом случае суффикс -ец соответствует мужскому роду; видимо, эта небольшая речка воспринималась как ручей.

Мы видим, что морфологически гидроним Чепца примыкает к соседним русским гидронимам Вятка и Летка (ср. р. Вятца в бас. Оки по данным Г.П. Смолицкой – 57)¹³⁴, суффиксы в которых имеют словообразовательный характер. Причем, морфологически ближе к слову Чепца слово Летка, потому что, как мы увидим далее, в обоих гидронимах суффиксы отглагольные. Но суффиксы в гидронимах Вятка и Летка не подверглись палатализации, что можно объяснить тем, что они возникли после завершения этого процесса в славянских языках, т.е. являются относительно молодыми (приобрели современную форму после VII–VIII вв.). Мы

¹³³ Захаров Д.М. «Краткий топонимический словарь Кировской области». Киров. 1988.

¹³⁴ Смолицкая Г.П. «Гидронимия бассейна Оки». Список рек и озер. М. 1976.

увидим далее, что Летка является русской калькой более древнего названия; возможно, и Вятка – тоже (из *Venta).

В русском языке есть три группы корней, близких или тождественных по звучанию, но восходящих к двум несколько отличающимся этимонам (исходным основам) и имеющих сходную, но не тождественную семантику.

От и.-е. корня *(s)ker- «чем-либо острым отрезать, откалывать» > о.-с. *šcera > рус. щепка. В др. языках: англ. chip «разрубать, щепка, осколок, чип», словен. šcer «щепка», лтш. šķēpele «щепка».

От и.-е. корня *(s)kēi-p-, *(s)koi-p- «отделять, расщеплять, раскалывать» > о.-с. čьр > рус. цеп. В др.-рус. чеп («Слово о полку Игореве»: молотят чепи харалужными) и чѣпити (через «ять») «щепить, раскалывать», диал. чепать. В др. языках: серб. цепати «колоть, раскалывать, щепать», лит. skiępti «отделять, раскалывать».

Из этого же корня рус. цеплять и цепь, др.-рус. чепь, чепочка и чѣпецка, возможно, из более древнего чьпъ.

Предполагается (Черных П.Я. 108.¹³⁵ Т. 2. Сс. 366, 367), что вследствие смешения этих групп происходило и варьирование гласной даже в пределах одного значения («е» и «ять»). Начальная согласная также варьировалась по всему спектру: щ, ч, твердая ч, мягкая ц, ц.

Аналогично сербскому цепац «голень», с первоначальным значением – «расщепленный», можно воссоздать северно-великорусское *чепец с тем же значением, в ж.р. – *чепца «расщепленная». Гласная «е», а не «ять» не удивляет из-за вариативности этой гласной в данной группе слов. Значение «расщепленная» не говорит, конечно, о наличии проток и островов на этой реке: они есть на всех равнинных реках. Скорее всего, причина названия в «расщепленности» в прошлом устья Чепцы, о чем свидетельствуют сохранившиеся характерные старицы.

Нельзя исключить и происхождение русского названия из предшествующего пра- или другого (неславянского) индоевропейского (ср. англ. chip).

Летка и Лекма

В бас. Вятки есть три реки с названием Лекма: Бол. Лекма (лев. пр. Вятки), М. Лекма (лев. пр. Б. Лекмы) и Лекма (пр. пр. Летки).

Этот гидроним прозрачно этимологизируется из индоевропейских языков. Ср. лит. lėkti «лететь», «падать», «мчаться»; лтш. lēkt «прыгать», «лететь», англ. leg «нога», «быстро идти», «бежать». Общеиндоевропейский корень *lek- со значениями «конечность тела (голень, крыло)», «прыгать». Суффикс -ma – обычный, часто отглагольный, индоевропейский суффикс (ср., например, в рус.: ведьма от ведать). Правда, суффикс достаточно древний, в историческое время потерявший продуктивность. Семантика гидронима не вызывает сомнений: «прыгающая», «скачущая», «летающая», «бегущая». Исходя из возраста суффикса можно определить и возраст гидронима как весьма значительный: более тысячи или, скорее, двух тысяч лет.

Самое интересное, что гидроним Летка имеет то же значение и происхождение, но в славянских языках. Семантика корня лет- не только «лететь», но и «течь», «быстро мчаться по воде», а в диалектах также «быстро ходить», «бегать». Т.о. этот гидроним столь же прозрачно объясняется из русского: «летающая», «быстро мчающаяся», «бегущая». В словарях зафиксирован и омонимичный апеллятив летка (лётка) «желобок, по которому идет мука из-под жернова». Заметим также, что этимологически славянский корень лет- восходит к и.-е. корню lek-.

Итак, р. Летка со своим притоком Лекмой составляют топонимическую пару с тождественной семантикой, близкой морфологией, но из разных языков и эпох (диахроническую). Логично предположить, что гидроним Летка является русской калькой (буквальным переводом) гидронима Лекма. Видимо, нынешняя Летка называлась Лекмой, может быть, «большой» Лекмой. Русские стали называть ее по-своему – Леткой: им хотелось понятнее передать это образное и точное название реки, по которой «летели» груженные мехами лодки мимо крутых холмов Северных Увалов. А старое название осталось за ее притоком, который, может быть, назывался первоначально «малой» Лекмой.

Такое переименование могло происходить только в условиях двуязычия. Это означает, что русскоязычные группы непосредственно встречались и ассимилировали индоевропейские племена, создателей гидронимов на -ма. Таковую гипотезу выдвинул еще академик Третьяков для

¹³⁵ Черных П.Я. «Историко-этимологический словарь современного русского языка». В 2 т. 5-е изд. М. 2002.

западной части Волго-Окского междуречья (67.¹³⁶ С. 11). Сейчас мы видим подтверждение этой гипотезы для северной части бас. Вятки.

Заметим, что Б.А. Серебренников (53)¹³⁷, а вслед за ним П.Н. Третьяков отмечали различие т.н. волго-окской топонимики (т.е. гидронимов на -ма, -га и -ша) и балтийской (летто-литовской) топонимики. По вятскому региону эти различия не столь явны. Многие корни (но не все!) гидронимов рассматриваемого типа принадлежат как общеиндоевропейскому словарному фонду, так и балтийскому и славянскому. С одной стороны, общее можно объяснить родственностью языков; с другой стороны, различия можно объяснить диахронностью. Будущие сравнительные исследования могут быть очень продуктивными.

Пижда, Шижда, Шурма и Шошма

Если в северной части бас. Вятки большая часть гидронимов на -ма легко этимологизируются с привлечением общеиндоевропейского лексического фонда (добавим сюда Молому, о которой мы говорили выше, и Волму, лев. пр. Просницы, лев. пр. Вятки), то в южной части бассейна этимологизация гидронимов этого типа оказывается более затруднительной.

Реки Пижда (пр. пр. Вятки) и Шижда (лев. пр. Вятки) составляют топонимическую пару; схожесть звучания налицо, расстояние между устьями этих притоков около 20 км. По аналогии с р. Коряжма от коряга + -ьма, напрашивается выделение основ *pig- и *šig- или же *piš- и *šiš- с последующим озвончением *ш* перед звонкой *м*. Основа *pig- есть в индоевропейских языках, например, в рус. пигалица, лтш. *riģa* «кукиш» или греч. *πυγμαίος* «карлик», «пигмей», «человек-с-кулачок» из дорийского *πυγμα* «кулак» (с тем же суффиксом -ма!). Можно предположить, что этимон имел значение «палец», «шишка» с еще более ранним «острый конец» (может быть, сюда же ит. *picca*, фр. *pic*?). Ту же семантику (наряду с производной «разбойник», «леший») имеет и слав. *šiš-. Но если еще можно допустить (хотя и маловероятно) название реки со значением «разбойничья» (рядом, кстати, есть пос. Разбойный Бор), то значение «шишка» никак не вяжется с гидронимом.

Другая версия: основа *pig- восходит к и.-е. корню *reig- «пестрый», «цветной». В разных языках семантика слов, восходящих к этому корню, может варьироваться. Например, в др.-инд. *ringah* «коричнево-желтый», что вполне применимо к речным названиям. Цветные определения вообще часты в названиях рек. Правда, в общеславянском *ei* перешло в *ě* (*reġ-*, откуда рус. пегий), а *ě* в северо-восточных диалектах почти никогда не переходит в *i*. Так что образование гидронима Пижда от основы *reig- на славянской почве следует признать маловероятным. Но в других языковых группах и.-е. семьи *ei* может переходить в *i*, например, лат. *pigmentum* от основы *reig-.

Примечание. Уже после окончания этой работы мне попала на глаза книга районного журналиста и краеведа Е.А. Вершинина «Повесть о земле Тужинской». По его словам, «в реке Пижде вода на вид красноватого цвета», хотя «пригодна для питья даже без кипячения» (9.¹³⁸ с. 47). Если это так, то этимологию гидронима Пижда можно считать выясненной.

Этимология гидронима Шижда остается неясной. Отметим лишь р. Шишинка в бас. Днепра, р. Шишолку в Тверской обл. (пр. пр. Ситни, лев. пр. Шелони) и наличие корня *šiš-* в балтийской гидронимии (Топоров В.И. и Трубачев О.Н. 64.¹³⁹ С. 213).

Река Шурма (пр. пр. Вятки, на совр. картах – Шурминка), конечно, не от гипотетического удм. *шур* «река» (пр. Лудошур, Бадзымшур, Косшур в Удмуртии). По законам финноугорских языков, подтверждаемым и в удмуртской гидронимии, формант, обозначающий вид гидронима, может быть только в последней позиции. Лингвистически безукоризненно вывести основу шур от и.-е. *sū-*го «горький», «кислый», «соленый» (лит. *sūgas* «соленый», лтш. *sūrs* «горький», др.-в.-нем. *sūr*, исл. *súr*, англ. *sour* «кислый», тадж., перс. шор, шур «соленый»).

Обратим внимание, что в западных индоевропейских языках первый звук *s*, а в иранских – *š*. Отметим также р. Шураб в Таджикистане, где -аб «река», и р. Арсабку (лев. пр. Уржумки, пр.

¹³⁶ Третьяков П.Н. «Волго-окская топонимия и некоторые вопросы этногенеза финно-угорских народов Поволжья» // Советская этнография. 1958. №4.

¹³⁷ Серебренников Б.А. «Волго-Окская топонимика на территории Европейской части СССР» // Вопросы языкознания. 1955. №6.

¹³⁸ Вершинин Е.А. «Повесть о земле Тужинской». Котельнич. 2006.

¹³⁹ Топоров В.Н., Трубачев О.Н. «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья». М. 1962.

пр. Вятки) с тем же элементом -аб, в 16 км от Шурминки. Так что иранские (сарматские, аланские) топонимы в этом районе не вызывают удивления.

Западную индоевропейскую версию тоже нельзя исключить. Изменение $s > \check{s}$ могло произойти уже в позднее время на почве местных «шепелявых» говоров, которые характерны для Средней Волги и попали в современные языки (в частности, марийский), видимо, из субстратных диалектов (например, суваз > чуваш).

Подобная семантика для водных объектов не редкость, ср., например, р. Солоня (пр. пр. Вятки). Но для того, чтобы принять эту этимологию, необходимо подтверждение природных особенностей реки. На берегах Шурминки с древних времен выплавляли железо и медь, скорее всего, из местных болотных руд. Могли ли эти руды придать особый вкус шурминской воде?

Возможна и альтернативная этимология от основы со значением «узкая» при лтш. *šauga* «узкая», «тесная». Балтийскому дифтонгу *au* закономерно соответствует рус. *y*; ср. рус. диал. *шура* «vulva»; от того же этимона, видимо, рус. *шуриться*.

В бас. Вятки три реки с названием Шошма:

- р. Шошма, пр. пр. Вятки;
- р. Шошма, лев. пр. Ярани, пр. пр. Вятки;
- р. Лесная Шошма, пр. пр. Ярани.

Основа шош- распространена в гидронимах Северо-западной России: р. Шошка бас. р. Великой (Псковская обл.), р. Шоша бас. р. Шексны, р. Шоша, пр. пр. Волги (Тверская и Московская обл.). В.Н. Топоров сопоставляет гидроним Шоша с балтийскими названиями *Šašulys*, *Šašuola* и др. (65.¹⁴⁰ С. 231).

Немда

В бассейне Вятки две реки с таким названием (обе в южной части): лев. пр. Вятки и пр. пр. Пижмы. Есть реки-тезки и в более западных районах Восточной Европы:

- р. Немда (вар. Нёмда), лев. пр. Волги;
- р. Немда (вар. Немеда), лев. пр. Сева, лев. пр. Нерусы, лев. пр. Десны, лев. пр.

Днепра.

С близким названием:

- р. Немед (вар. Немедь), пр. пр. Свапы, пр. пр. Сейма, лев. пр. Десны;
- р. Неман (Нёман, *Nemunas*), Балтийское море;
- р. Нем, лев. пр. Вычегды, пр. пр. Северной Двины;
- р. Неманка, лев. пр. Сожи, лев. пр. Днепра;
- р. Мда, лев. пр. Мсты, оз. Ильмень;
- р. Немдеж, лев. пр. Немды, пр. пр. Пижмы, пр. пр. Вятки;
- р. Немдеж, лев. пр. Ярани, пр. пр. Пижмы, пр. пр. Вятки.

Этимологией этого гидронима занимались многие видные лингвисты и топонимисты. Как всегда, их мнения разошлись. В итоге мы имеем три версии.

1. Из старославянского языка: реки Мда и Немда от *Мьда и *Немьда «медленная» и «не медленная», ср. ст.-слав. мьдъла, рус.-цслав. измьдѣти (Фасмер М. 107. II, с. 588 и III, с. 62). По этому поводу Топоров В.И. и Трубачев О.Н. (64.¹⁴¹ С. 198): «Объяснение Фасмера... едва ли верно».

2. Из балтийских языков: через *Невда < *ne* + диал. *uda* «вода». (Топоров В.И. и Трубачев О.Н., там же, сс. 169 и 198, с пометками «неясно» и «возможно»).

3. Из балтийского *Nem-d-a* с корнем *nem-* «изгибать», так же, как в гидрониме *Nemunas*, и суффиксом *-d-*, тождественным или родственным древнеславянскому в таких словах, как рус. гор-д-ый, моло-д-ой и т.п.. Ср. гидроним *Sten-d-e* в Латвии. (Никонов В.А. 100.¹⁴² С. 289; Русинов Н.Д. 51.¹⁴³ С. 58 и сл.)

Все три этимологии имеют свои плюсы и минусы. Применительно к вятским рекам можно отметить следующее.

¹⁴⁰ Топоров В.Н. ««Baltica» Подмосковья» // Балто-славянский сборник. М. 1972.

¹⁴¹ Топоров В.Н., Трубачев О.Н. «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья». М. 1962.

¹⁴² Никонов В.А. «Краткий топонимический словарь». М. 1966.

¹⁴³ Русинов Н.Д. «Этническое прошлое Нижегородского Поволжья в свете лингвистики». Н. Новгород. 1994.

1. Семантически первая версия очень подходит ко второй Немде, которая хорошо известна бурным порожистым течением, но не хватает антитезы. Ни в ближайшем, ни в более отдаленном окружении нет рек с названием, означающим медленное течение, хотя частица не-предполагает противопоставление. На первой Немде расположено старинное село Нема, название которого отражает, возможно, вариант названия реки или образовано от той же основы. Это означает, что *d* не входит в состав корня.

2. По этой же причине вызывает сомнение и вторая версия. Она семантически (неводная) не отражает особенностей этих рек. Кроме того, переход *v > m*, конечно, может иметь место, но как исключение, а не правило, которое выполняется с завидным постоянством в регионах, разделенных тысячами верст.

3. Третья версия не вызывает особых нареканий и вполне применима почти ко всем вышеперечисленным гидронимам, но она не является общепринятой ни для Немды, ни для Немана, поэтому нуждается в дополнительной проверке.

Во всяком случае, не вызывает сомнений, что название это балтославянское или, шире, индоевропейское. Версия от фин. *niemi* «мыс», выдвинутая в начале прошлого века А.Л. Погодиным, давно отвергнута по фонетическим, морфологическим, географическим и семантическим основаниям и даже не упоминается в современных исследованиях.

Мне представляется, что чисто лингвистическими методами окончательно решить вопрос о происхождении гидронима Немда вряд ли возможно. Нужно исследовать весь ареал гидронимов с окончанием на -да. Этот ареал вытянут по евразийским просторам на многие тысячи километров от Алтая до Балтийского моря. Он представляет собой сравнительно узкую полосу в южной части лесной зоны, расширяясь к Балтийскому морю, охватывая его с северо-востока и юго-востока. Этот ареал удивительным образом почти повторяет физико-географическую зону смешанных лесов, захватывая и самую южную часть таежной зоны. Большинство гидронимов этого типа морфологически однотипны, двусложны, первый слог (основа) закрытый, из трех звуков, реже – двух. Это Конда и Тавда в Западной Сибири, Нерда и Салда на Урале, Сырда, Сунда и Немда в бас. Вятки, Немда, Линда, Санда, Люнда, Пунда и Анда в Нижегородском Поволжье, Ковда в Карелии и Кунда в Эстонии и т.д. Но наибольшая концентрация гидронимов на -да отмечается к юго-востоку от Балтийского моря, в местности, когда-то населенной ятвягами (64)¹⁴⁴.

Ятвяги, Судовы, древнепрусское племя, этнически близкое к литовцам. Обитало в так называемой Судовии, между средним течением р. Неман и верховьями р. Нарев. Любую храбрость вождей Я. хвалят летописцы. Скомонд, витязь и волхв их, борзый яко зверь, погиб в бою с Вольнью и голова его воткнута на кол. Польский летописец сравнивает Я. с хищным зверем, Авенариус, называя их храбрыми, но не культурными – с вечными бродягами. Проводя большую часть жизни на войне или на охоте. Я. умирали далеко от своего дома, в дремучем лесу или в открытом бою.

Беглое рассмотрение гидронимов на -да показывает, что язык создателей этих гидронимов, может быть, и близок к балтийскому типу, но не балтийский, а другой индоевропейский. Не исключено, что ятвяги представляли собой лишь осколок некогда многочисленного племени, ко времени летописания принявшие балтийский язык. На это указывают обособленность гидронимов на -да от основных типов балтийских гидронимов, а также этнические особенности ятвягов, отличавшие их от других балтов. В дальнейшем, видимо, создатели гидронимов на -да большей частью ославянились, обрусели, как ославянилась и большая часть собственно ятвягов (другая их часть вошла в состав литвы).

Уржум и Курчум

Происхождение гидронимов с окончанием на -ум считается неясным. Эти гидронимы не образуют плотного ареала и имеют основы, соотносимые с различными языками. В гидронимах Уржум (на современных картах Уржумка, пр. пр. Вятки, а также лев. пр. Волги в р-не Чебоксарской ГЭС) и Курчум (пр. пр. Вои, лев. пр. Вятки) явно прослеживаются балтославянские корни *urg-* и *kъrg-*, широко представленные в топонимике.

Корень *urg-* имеет звукоподражательное происхождение, например, в лтш. *urgt* «журчать», *urga* «ручей», в рус. урчать. Учитывая, что р. Уржум расположена внутри ареала гидронимов на -

¹⁴⁴ Топоров В.Н., Трубачев О.Н. «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья». М. 1962.

ма, можно предположить первоначальное название *Urg-ьма > *Ugъma с семантикой «журчащая», «журчалка», весьма распространенной в гидронимике.

Корень кьгѣ- (из праславянского *кьгъ-к-јо) присутствует в рус. корчевать, др.-рус. кърчь, рус. диал. корч, корчь «пень», «дерево, вывороченное с корнем», укр. корч «куст», блр. корч «коряга», серб. крч «раскорчеванное место». В литовских местных названиях встречается основа Kurke-, которая восходит, видимо, к тому же корню (Фасмер. 107.¹⁴⁵ II. С. 340). Можно предположить, что первоначальное название реки было *Кърчьма или *Курчьма: на славянской основе из *кърч-ьма либо на балтийской основе из *kurk-јma с семантикой «коряжистая» или «протекающая по раскорчеванным местам». Ср. рус. корчьма с первоначальным значением «закусочная на пенках». (Редуцированные гласные ъ звучали, как очень краткие у (35а.¹⁴⁶ С. 45), в дальнейшем они были утрачены или проявились в полноценные гласные.)

Преобразование *Урчьма > Урчьма и *Кърчьма (*Курчьма) > Курчьма произошло при иноязычном посредстве. В средние века бассейн Вятки входил в зону влияния Булгарии, затем Казани. Логично предположить, что влияние Булгарии и Казани на южную часть бассейна было сильнее. Эти места заселялись выходцами с юга, тюрками и черемисами. В районе р. Урчьма и сейчас есть татарские и марийские деревни и села. О том, что тюркские поселения были в районе р. Курчьма, говорят названия деревень Тураны и Бежбалда.

В тюркских языках (и в финноугорских тоже) невозможно сочетание трех согласных. Названия Урчьма и Курчьма тюркским устам просто не выговорить, поэтому, естественно, подобные слова они приспособливают к своей артикуляции перестановкой звуков, опусканием согласных или добавлением гласных. При этом особенно тюркские языки (хотя это явление характерно и для финноугорских, да и русскому не чуждо) тяготеют к сингармонизму гласных («шурум-бурум»), так что преобразование названий в Урчьма и Курчьма в тюркской языковой среде (скорее всего) естественно и даже закономерно.

Подтверждением этих этимологий является название другого правого притока Вои, не искаженное иноязычным посредством: р. Кырчана (на совр. картах Кырчанка) – от того же этимона и с той же семантикой, что и Курчьма, но с другим суффиксом (-ана, а не -ьма), более современным (по крайней мере, для гидронимов).

Кукарка

Считается, что слобода Кукарка (с 1918 г. город Советск Кировской обл.) основана в конце XVI века. Она расположена в месте слияния трех рек: Немды, Пижмы и Вятки. Вблизи города находится городище (у дер. Городище) со слоями от VIII в. до н.э. до XI в. н.э. К слову, выходцы из слободы 17 лет подряд возглавляли правительство СССР (А.И. Рыков с 1924 по 1930 г. и В.М. Молотов с 1930 по 1941 г.).

При этимологизации ойконима Кукарка сразу напрашивается выделить элемент -кар, означающий город. Это слово иранского происхождения попало в современные пермские языки (Кудымкар и Сыктывкар), но в данном случае остается основа ку-, которая в близких языках ничего не означает.

В то же время лингвистически безупречно название Кукарка выводится из лит. kaukaга(s) «холм», «вершина горы».

Деминутивный суффикс -к- появился, скорее всего, уже в позднее время на русской почве и подчеркивал незначительность поселения, каковым оно и было в XVI веке.

Балтийскому дифтонгу au почти всегда соответствует рус. у:

прус. saune (произносится kaune) – рус. куница;

лит. kaurkti «выть», «плакать» – рус. диал. кукситься;

лит. aumenys «разум» – рус. ум;

др. лтш. aulis – рус. улей;

лит. maũlyti «докучливо просить», «клянчить» – вятск. диал. мулить «выпрашивать», «выманивать чужое» (Васнецов. 96)¹⁴⁷ и т.д.

Происходит монофтонгизация и в самих балтийских языках, например:

лит. baũbti «кричать» > būbti;

¹⁴⁵ Фасмер М. «Этимологический словарь русского языка». Пер. и доп. О.Н. Трубачева. Т. I–IV. 1964–73/ ИДДК. 2004 (CD).

¹⁴⁶ Мейе А. «Общеславянский язык». Пер. со 2-го фр. изд. 2-е изд. М. 2001.

¹⁴⁷ Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора Н.М. Васнецова. Вятка. 1907/ Репринт. Киров. 1995.

лит. laužti «ломать(ся)» > lūžti.

Т.о. литовскому kaukaга закономерно соответствует на русской почве *Кукара, а с признаком топонимической деминутивности – Кукарка.

Этимологически kaukaга (в м.р. kaukaras) восходит к и.-е. *kou-k- (*keu-k-) «высокий» и «изогнутый». Первое значение сохранилось в славянских, балтийских, германских, фракийских и тохарском Б языках: кроме приведенного выше – гот. hauhs, тохар. Б каус «высокий», др.-исл. haugr «холм», рус. куча. Во фракийском основа была каук- с разными суффиксами: -ас-/-ал-/-ар-/-ав- (Откупщиков Ю.В. «Καυκασος»// 43.¹⁴⁸ С. 311–318).

Мы видим, что наиболее близкие к рассматриваемому топониму слова с этим корнем, совпадающие также и суффиксами, отмечены в литовском (балтийском) и фракийском языках. Соответственно, и близкие топонимы находятся в топонимических ареалах этих языков: дер. Кукара Кикнурского р-на Кировской обл. на р. Б. Кокшага (гидроним балтославянского происхождения), рядом расположено с. Шешурга Тужинского р-на при лтш. seši urgā¹⁴⁹ «шесть ручьев» и лит. šeši «шесть»;

дер. Кукары Шумерлинского р-на в Чувашии на р. Куснарке¹⁵⁰ при лтш. kust (корень kus-) «таять» (т.е. название реки можно истолковать как «Галица», «Галажанка»); рядом расположены ойконимы Словаши и Буртасы, носящие этнонимический характер; это означает, что и ойконим Кукары может быть отражением неизвестного этнонима (возможная семантика «высокие» этому не противоречит); вообще говоря, балтийская топонимия на Средней Волге не редкость, что может быть истолковано тем, что на этой территории в I тыс. н.э. обитали племена именьковской культуры, которых относят к балтославянским (66.¹⁵¹ С.280; 44.¹⁵² Сс. 158, 229);

хутор Kukarī, Aulejas pag., в Латвии;

топоним Каукара на о-ве Хиос в Эгейском море (Boardman J. 86)¹⁵³; до греков побережье Малой Азии (в т.ч. и древнюю Трою) и острова Эгейского моря заселяли фракийцы или близкие к ним по языку (палеобалканские) народы.

Отметим, что, по мнению Откупщикова, топоним Кавказ произошел от того же корня, но с другим суффиксом. Это название появилось в греческой литературе после похода Александра Македонского, этнического фракийца. Дифтонг αυ перешел в русском в ав при греческом посредстве; в греческом второй звук этого дифтонга звучал, как неслоговое у (59.¹⁵⁴ С. 8), а неслоговое у в великорусском переходит в в (ср. белорусско-русские соответствия).

Семантика топонима Кукарка¹⁵⁵ может быть различной: «холм», «вершина холма», «поселение на возвышенном месте» (ср. г. Холм Новгородской обл.); от гипотетического этнонима кукары; от гипотетического прозвищного имени Кукар «высокий» (ср. с другим суффиксом имя новгородского боярина Кукась под 1459 г. – Фасмер. 107.¹⁵⁶ II. С. 404); название могло отражать статус древнего города «высокое положение в иерархии». И, наконец, апеллатив kaukaга соотносится с др.-инд. cōśis «огонь», «пламя»; буквально: «вздымающееся ввысь» (95.¹⁵⁷ С. 227), а, значит, топоним на этой основе мог иметь сакральный характер.

¹⁴⁸ Откупщиков Ю.В. «Очерки по этимологии». СПб. 2001.

¹⁴⁹ В.Э.: Должно быть «sešas urgas» (-as – окончание ж.р. мн.ч.); но составное слово будет «Sešurga» (ж.р. ед.ч.).

¹⁵⁰ В.Э.: Концовка -ка заставляет думать, что название реки образовано от другого топонима типа *Куснари; это, в свою очередь, может быть не только от kust (таять), но и от kustēt (двигаться); существовала старая форма kusnāt (двигать); от этой формы может быть образован первый топоним, и потом уже от него название речки. (Современное kustināt – итератив от kusnāt).

¹⁵¹ Топоров В.Н. «К реконструкции древнейшего состояния праславянского языка»// X Международный съезд славистов: Славянское языкознание. М. 1988.

¹⁵² Петрухин В.Я., Раевский Д.С. «Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье». М. 2004.

¹⁵³ Boardman J. «Excavations in Chios 1952–1955». Oxford. 1967.

¹⁵⁴ Соболевский С.И. «Древнегреческий язык». М. Репринт. 2003.

¹⁵⁵ В.Э.: Ну, Кукарка должна быть образована от слова «Кукары» при помощи стандартного «-ка»; а «кукары» по-латышски означает просто-напросто «горбы»; от этого корня есть и много других производных.

¹⁵⁶ Фасмер М. «Этимологический словарь русского языка». Пер. и доп. О.Н. Трубачева. Т. I–IV. 1964–73/ ИДДК. 2004 (CD).

¹⁵⁷ Маковский М.М. «Этимологический словарь современного немецкого языка». М. 2004.

3.3. Данные диалектологии, антропонимики, фольклора и этнографии

Было бы очень важно для воссоздания этнической истории европейского Северо-востока использовать данные диалектологии, фольклора и этнографии, которые необходимо исследовать в разных плоскостях: взаимодействие разных этнических групп русского населения, этническое воздействие русского населения на финноугорское и тюркское, балтийского на русское, финноугорское и тюркское, финноугорского и тюркского на русское.

Конечно, диалектологические исследования проводились довольно скрупулезно, но применительно к этнической истории делались, как мне кажется, иногда поспешные заключения. В частности, из того факта, что Вятка входит в северную диалектную зону вместе с ее северо-западными соседями, делается вывод а priori, что Вятка заселялась с северо-запада, из вологодских земель, из Заволочья. Кроме того, «хорошо известно», что Вятка заселялась новгородцами. Правда, миф о новгородском заселении как раз противоречит диалектологическим данным. Новгород и Псков относятся к другой диалектной зоне. Как отмечается в коллективной монографии ведущих диалектологов (речь идет о Средневековье), «*Территории, расположенные к востоку от 36 градусов в.д. <...>, хотя и входили в состав Новгородской земли, так как были охвачены новгородской данью, не могут быть включены для данного периода в ареал новгородского диалекта...*» (41.¹⁵⁸ С. 225). Что же говорить о Вятке, которая расположена много восточнее 36 градусов и никогда не была «охвачена новгородской данью».

Более того, возвращаясь к топонимическому анализу, можно с уверенностью сказать, что новгородский элемент в русском населении Вятки был крайне мал, если не отсутствовал вовсе. «На основании анализа гидронимов можно косвенно судить о разговорных формах антропонимов, характерных для Новгородско-Псковских земель. К ним относится тип уменьшительных имен на -хно (Грихно, Лехно, Дахно, Махно, Михно, Яхно), -ец (Гринец), -ша (Вальша, Демша, Якуша), -ко (Панько, Юрко). Разговорный язык переделывает имя Фома на Хома (ср. Хоменка), Фотиния на Фетиния (ср. Фетининское)» (Агеева Р.А. 3.¹⁵⁹ С. 71). Как отражение былой миграции, на западе нынешней Вологодской области есть деревни и села с названиями, произведенными от характерных имен новгородского типа (например, четыре Якушева, четыре Якушевских, Якушино, два Якшина и три Якшинских), реже они встречаются на востоке Вологодской области, а на Вятке – как редчайшее исключение.

Миграция на Вятку с ближнего запада и северо-запада (из Вологодской и Костромской областей) не противоречит диалектологическим данным, но хотелось бы получить доказательства именно такого направления миграции, если она вообще имела существенный характер. В пользу этого вектора миграции приводится факт распространения на Вятке таких фамилий как Устюжанин(ов), Вологжанин, Вычегжанин. Впрочем, хорошо известно, что в XVI – начале XVII в. с Вычегды и других районов Севера была не просто миграция, а повальное бегство в связи с постигшей тогда Север климатической катастрофой и полным прекращением там хлебопашества. Но насколько была существенной эта миграция для жителей более южных мест с более плотным населением?

Что же касается более западных районов, то и там немало Вяткиных и Яранцевых, а в Костромской обл. есть село Вятско-Николаевское (Пыщугский р-н). В Нижегородской обл. миграция с Вятки играла важную роль, в первую очередь, в заселении Поветлужья и Заветлужья. Это отмечается лингвистами (Русинов Н.Д. 51.¹⁶⁰ С. 128) и сохранилось в преданиях местных жителей (97.¹⁶¹ Сс. 54, 61, 64 и мн. др.). Мы видим, что кроме миграции с запада на восток была и миграция в противоположном направлении, а также миграция в направлении север–юг и наоборот (на Печоре есть деревня Вятская, черта г. Вуктыл). Ясно, что делать какие-либо выводы можно только после многостороннего изучения миграционных процессов, односторонний же подход может дать ложные результаты.

Для целей воссоздания этнической истории важно не только выделение особенностей диалектов, фонетических, грамматических и лексических, именно местных разновидностей

¹⁵⁸ Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. По материалам лингвистической географии. М. 1970.

¹⁵⁹ Агеева Р.А. «Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации». М. Наука, 1989.

¹⁶⁰ Русинов Н.Д. «Этническое прошлое Нижегородского Поволжья в свете лингвистики». Н. Новгород. 1994.

¹⁶¹ Морохин Н.В. «Нижегородский топонимический словарь». Н. Новгород. 1997.

фольклора, местных этнографических признаков, но и анализ их происхождения, взаимосвязи с другими этническими группами и этносами.

При этом следует иметь в виду, что общность определенных этнографических элементов у русского населения Вятки и других окраинных этнических групп (например, поморов) с окружающими этносами может быть вызвана не только заимствованием этих элементов у инородцев, но и обратными процессами, а также совместным заимствованием у третьих этносов. Этнографические и диалектные особенности окраинных групп могут быть зачастую объяснены их оторванностью от этнического ядра, что, в частности, выразилось в значительно более позднем принятии христианства и сохранении по этой причине языческих традиций. И даже сами эти традиции могли в значительной степени отличаться от традиций основного русского населения, предшествовавших введению христианства, – как вследствие географического, так и временного фактора.

К сожалению, для объективного анализа межэтнических связей имелись (и, может быть, имеются сейчас) не только мифологические препятствия (связанные с бытованием ложных мифов), но и идеологические. Например, в 20-е годы XX в. за «преуменьшение роли финно-угров в формировании русской народности» выдающийся археолог А.А. Спицын и этнограф Д.К. Зеленин были обвинены в национализме (А.В. Шмидт и др.). Спицын вскоре умер, а Зеленину пришлось «пересмотреть свои взгляды». Этот ярлык сохранялся еще в 1970 г. (Третьяков П.Н. 68.¹⁶² С.119).

В заключение отметим наличие многочисленных балтийских заимствований в финноугорских языках (названия растений и животных, частей тела, цветов, временные термины, ономастика, религиозная лексика) – не только в прибалтийскофинских, но и в мордовских, марийском, удмуртском, коми-зырянском языках и даже в мансийском. Причем, многие балтийские заимствования, отмеченные в восточных финноугорских языках, не известны в западных (13.¹⁶³ С. 37). Этот факт отмечал еще в 1890 г. датский языковед Вильгельм Томсен (Thomsen), а позднее – Б.А. Серебрянников, но он до сих пор не осмыслен историками.

3.4. Данные археологии

3.4.1 Интерпретации

Я уже говорил о том, что этническую принадлежность исторических культур на европейском Северо-востоке и, в частности, в бассейне Вятки необходимо пересмотреть на основании объективных данных. Во всяком случае, интерпретация всех культур до XI века как финноугорских противоречит данным топонимики. В действительности на Северо-востоке происходили сложные этнические процессы, которые еще предстоит осмыслить.

Мы видим, что в гидронимии бассейна Вятки значительную часть названий составляют индоевропейские, в т.ч. балтославянские, балтийские и русские (как древние, так и современные). Это относится как к крупнейшим рекам бассейна (Вятка, Кобра, Пижма, Чепца, Кильмезь, Великая, Молома, Летка, Буй, Быстрица, Воя, Холуница), так и к мелким речкам. Среди финноугорских названий рек марийские и пермские составляют лишь небольшую часть, причем они локализованы по краям бассейна и относятся к притокам 2-го и 3-го порядков. В центре и на северо-западе бассейна мы находим прибалтийскофинские и, может быть, другие финноугорские (не марийские и не пермские) названия. Создатели этих гидронимов не витали в безвоздушном пространстве, они должны были оставить материальные следы, многие из которых, вероятно, обнаружены, но не соотнесены с данными этносами.

В предыдущем разделе я упомянул о том, что за «преуменьшение роли финно-угров» академик Третьяков обвинял Спицына и Зеленина. Но в другой своей работе он писал о недопустимости и противоположной тенденции:

«В нашей литературе, посвященной древней археологии и древней истории финно-угров, установилась одна традиция, с которой необходимо вести борьбу. Любая гипотеза или любой факт, касающиеся вопросов этногенеза, скажем, восточных славян, или скифов, или фракийцев, обычно сразу же берутся под придирчивый обстрел критики. От автора гипотезы требуются доказательства, которые далеко не всегда бывают. Что же касается финно-угорской проблематики, то здесь

¹⁶² Третьяков П.Н. «У истоков древнерусской народности» // Материалы и исследования по археологии СССР. 179. Л. 1970.

¹⁶³ Гимбутис М. «Балты». Перевод с англ. М. 2004.

господствует относительное спокойствие. Считается аксиомой, что на севере в лесной полосе издавна жили финно-угры, что этногенетические процессы протекали здесь автохтонно и что здесь, собственно говоря, и спорить не о чем. Это, конечно, далеко не так» (67.¹⁶⁴ С. 17).

Эти критические замечания, по-видимому, нужно отнести и к самому Третьякову.

Приведу пример. В нижнем слое Староладожского городища были обнаружены остатки большого дома с очагом в центре. Этот слой относится к VII–VIII вв. По мнению Третьякова, «не вызывает сомнений», что это жилище большой славянской семьи, т.к. на этом городище нет изделий финноугорского происхождения (68.¹⁶⁵ 1970. С.149). На этой же странице, со ссылкой на М.В. Талицкого, Третьяков пишет: «...В области Прикамья на финно-угорских средневековых городищах также были исследованы остатки больших домов, близко напоминающих староладожское жилище». Вот так: дома, «близко напоминающие» славянские, но городища, в которых они расположены, «финно-угорские». Как иронически сказал раньше сам Третьяков: «Это считается аксиомой... и спорить не о чем».

3.4.2 Возможные направления

Уже самые первые русские археологи-любители обратили внимание на населенные пункты с названием «Городище». Без исключения, вблизи таких деревень и сел действительно находились древние городища. Разумеется, эти названия моложе городищ. Но, как было отмечено выше, сохранились и очень древние названия населенных пунктов другой семантики, данные этносами, которые в историческое время не зафиксированы. Впрочем, я не исключаю, что реликтовые группы этих этносов могли сохраняться в глубинке вплоть до XVI века и при этом остаться не засвидетельствованными в документах, т.к. первые «переписи» населения на Вятке относятся к XVII в., а служителей церкви, составлявших более ранние документы, больше интересовала не национальность, не язык, а вероисповедание.

Мы говорили выше об этих древних названиях: это Мундоро, Вожгалы, Истобенск, Тиваненки, Бажгала, Кукарка, Кукара, Ерпули, Пайголово, Арское и Шешурга в Кировской обл., Варгалово в Вологодской обл., Гостиногорка в Республике Коми, Вожгора в Архангельской обл. и Вожектем в Удмуртии. Конечно, список можно продолжить. Около некоторых из этих населенных пунктов обнаружены древние городища или могильники. В районе других, мне кажется, поиск археологических объектов может быть вполне продуктивен.

К сожалению, археологические раскопки сейчас в значительной мере свернуты, и даже хорошо известные объекты раскопаны лишь частично, так что о развернутом археологическом поиске можно только мечтать. И все же хотелось бы пометить о поиске древней Вятки, отмеченной в «Списке русских городов дальних и ближних» XIV века.

Этот Список сопровождал многие летописные своды, составленные в разное время. Начинаясь он так «А се имена всем градом Рускым, далним и ближним». Вятка была поименована среди залесских городов: «А се Залескии: ... Новгород Нижний, Курьмышь на Суре, Вятка, Городец, Юрьевец, Унжа, Плесо, Кострома, Устюг, Вологда...» и т.д. Известный источниковед академик Тихомиров определил время первичного составления этого списка: позже 1387 г. и до 1406 г., а «вернее же всего, между 1387 и 1392 гг.» (63.¹⁶⁶ С. 83–137). На основании Списка и других документов того времени, в которых Вятка упоминается как город, главный историограф г. Кирова А.В. Эммаусский (81, 82)¹⁶⁷ сделал вывод, что Хлынов первоначально назывался Вяткой. Но в этом умозаключении содержится нарушение логики: из того, что Хлынов был в 1781 г. переименован Екатериной II в Вятку, вовсе не следует, что древняя Вятка находилась именно на месте Хлынова. Это было бы логично, если б Екатерина или ее министры что-нибудь знали о местонахождении древней Вятки. Но в таком случае, безусловно, остались бы какие-то документальные свидетельства, но их нет.

¹⁶⁴ Третьяков П.Н. «Волго-окская топонимия и некоторые вопросы этногенеза финно-угорских народов Поволжья» // Советская этнография. 1958. №4.

¹⁶⁵ Третьяков П.Н. «У истоков древнерусской народности» // Материалы и исследования по археологии СССР. 179. Л. 1970.

¹⁶⁶ Тихомиров М.Н. «Список русских городов дальних и ближних» // Тихомиров М.Н. «Русское летописание». М. 1979.

¹⁶⁷ Эммаусский А.В. «Вятка в XII–XV веках» // Энциклопедия земли Вятской. Т. IV. Киров. 1995. Эммаусский А.В. «История Вятского края в XII – середине XIX веков». Киров. 1996.

Это переименование стало злой шуткой для будущих историков, у которых и мысли не возникало, что древний город Вятка мог быть в каком-то другом месте, как не в Кирове, который назывался Вяткой. Логическая связь между двумя городами только одна: оба названы по реке и одноименному краю, именно это название было определяющим, и главный город должен был получить это имя, чтобы быть узнаваемым за пределами края. Что же касается местоположения древней Вятки, то оно могло быть и на месте Хлынова, и на месте Никульчинского городища, и в любом другом месте Вятской земли. В пользу Никульчинского городища говорит хронологическое совпадение: город на месте этого городища захирел, по данным археологов, в конце XV века; именно с этого времени в летописях и документах перестает упоминаться город Вятка, а появляются Хлынов и менее значимые Орлов и Котельнич. Название городища условное, оно названо так по близлежащему селу. Древний город называться христианским именем не мог, поскольку, по археологическим данным, появился задолго до христианизации края.

Очевидно, что какое-то имя у города, который стал известен потомкам как Никульчинское городище, было. Нельзя исключить, судя по масштабам городища, что он и назывался Вяткой. А может быть, это был древний Арс. Можно предположить, что этот город называли Кар (иран. «город»), и его название перенеслось на село Карино, центр каринских татар, расположенный в 25 км. В общем, можно гадать сколько угодно. Фактов пока нет.

Но есть одно свидетельство, которое может подсказать месторасположение древней Вятки. Это Книга Большому чертежу – описание старинной карты, сделанное в 1627 г. (21)¹⁶⁸. Сама карта не сохранилась. Уже к 1627 г. она истрепалась, поэтому и решено было сделать ее описание, оно известно в списках. Про карту (чертеж) в описании сказано, что «сделан был тот чертеж давно при прежних Государях». Предполагается, что чертеж был составлен либо дополнен в 1600 г. (61.¹⁶⁹ Предисловие. С. V), возможно, на основе более старой карты, составленной при Иване Грозном.

Несмотря на отдельные описки, Книга Большому чертежу поражает своей точностью. Например, измерения длины реки Вятки (от верху до Котельнича 550 верст, а от Котельнича до усть реки Вятки 500 верст) соответствуют измерениям А.А. Тилло, проведенным в XIX в. (правда, впоследствии уточненным судовладельцем Булычевым).

Есть смысл просто процитировать «описание реки Вятки» (21.¹⁷⁰ лл. 151 об.,152):

«Река Вятка пала в реку Каму, с правые стороны; а вытекла река Вятка от верху реки Камы и потекла под Вяцкие города; на Вятке город Шестаков.

А ниже Шестакова 20 верст город Слобода; от Слободы 30 верст город Хлынов.

Ниже Хлынова 50 верст город Орловец; ниже Орловца 30 верст на Вятке город Котельнич».

И чуть дальше (л. 152 об.):

«А от устья реки Вятки 120 верст, на Вятке город Малмыш, а выше города Малмыша пала в Вятку река Шошма.

А по Вятке реке по Котельнич с верху город Вятка».

Как же так? Мы совершенно точно знаем, что города Вятки в то время не было. Сохранились многочисленные документы XVI–XVII вв., в которых упомянуты все вятские города, но Вятки среди них нет. Но не мог же составитель «Книги» или картограф выдумать город Вятку из головы?! Ответ на этот недоуменный вопрос имеется в той же «Книге» на предыдущем обороте и последующем листе. Читаем (л. 151):

«А ниже Ика реки 40 верст на реке на Каме город Чортов.

А ниже Чортова города 50 верст пала в реку Каму река Вятка».

В одном из списков вместо города написано городище; в другом списке написано городище и переправлено на города. Города под названием Чортов никогда не существовало. Был и есть полуразрушенный замок болгарского феодала (X в.), который местные жители прозвали «Чертовым городищем», потому что там одни только «черти» живут. В научном обиходе это Елабужское городище, одна из четырех башен замка почти полностью сохранилась

¹⁶⁸ Книга Большому чертежу. Подготовка к печати и редакция К.Н. Сербиной. М.–Л. 1950.

¹⁶⁹ Спасский Г.И. «Книга, глаголемая Большой чертеж». М. 1846.

¹⁷⁰ Книга Большому чертежу. Подготовка к печати и редакция К.Н. Сербиной. М.–Л. 1950.

(Спицын А.А., 62,¹⁷¹ с. 85–90). Конечно, поселение при замке и сам замок, когда они были населены, назывались как-то иначе, но это название утратилось. Поселение на месте этого городища было покинуто задолго до XVI в.

Итак, мы видим, что на «Большом чертеже» отмечались не только «живые» города, но и городища, но какой-то переписчик «Книги» исправлял слово городище, может быть, непонятное ему, на город.

Подобное мы видим чуть ниже (л. 153):

«А против Тетюшь и ниже Тетюшь на Волге по луговой стороне Болгары».

Город Болгар (Булгар) окончательно запустел в XV в.; рядом с крупным городищем в XVI в., может быть, и было село, но сёла на «Большом чертеже» не отмечались. Значит, речь идет опять о городище.

Таким образом, есть все основания считать, что под Вяткой в «Книге Большому чертежу» следует понимать городище, которое в то время было, вероятно, еще хорошо известно местным жителям. Началом конца древней Вятки, видимо, стал 1392 г., когда золотоордынский «Бектут царевич взял ратью Вятку» (Новгородская IV летопись. Л. 246// 39)¹⁷². «Взять ратью» по летописной терминологии можно только город. Возможно, город еще какое-то время существовал, но разрушения, надо полагать, были очень значительными, центр вятской земли переместился в Хлынов, а древняя Вятка запустела, превратившись в городище.

Обратим внимание, что упоминание о «городе» Вятке вынесено отдельно от перечисления «живых» городов. Составитель «Книги» как бы спохватывается: «А вот еще не написал про город Вятку!», выделяя ее этим из списка реально существовавших городов. Исследователи предполагают, что в распоряжении составителя «Книги» было два «Чертежа»: один 1600 г., другой более древний и хуже сохранившийся. Возможно, составитель сличал время от времени свое описание с более древней картой и обнаружил на ней неучтенный пункт: город (городище) Вятку. Может быть, потому, что эта древняя карта была более мелкого масштаба либо вообще не масштабирована, составитель не указал расстояние от Котельнича до древнего города Вятки.

Где же он располагался? Возможны две версии.

1. Составитель взял город Вятку именно со старой карты, а на ней было только два города: Котельнич и Вятка. Тогда местонахождение Вятки может быть где угодно выше Котельнича, в том числе на месте будущего Хлынова или Никульчинского городища.

2. Составитель взял город (городище) Вятку с карты (старой или более новой), на которой был и город Орловец (нынешний Орлов). В этом случае выходит, что Вятка располагалась между Котельничем и Орловым. На этом промежутке не много мест, подходящих для расположения города.

Первое: правый берег Вятки непосредственно выше Котельнича до устья Моломы. На нем расположена непрерывная цепь сельских поселений, входящих в преуспевающий некогда колхоз «Ленинская Искра». В конце этой гряды, непосредственно у устья Моломы, находится Ковровское городище. В этом случае из-за малого расстояния от Котельнича (7 км от центра Котельнича до крайней точки) составитель мог не иметь возможности определить расстояние по карте. Ковровское городище (XIII–XIV вв.) имеет площадь около 1 га. Принято считать его первоначальным Котельничем (Макаров Л.Д. 29.¹⁷³ С. 85). Но нельзя исключить того, что это и была древняя Вятка. В пользу этого говорят находки на этом городище свинцовых подвесных печатей и печати-матрицы с надписью «печать Григориева».

Второе: левый берег Вятки в районе села Истобенск. На этом берегу расположено Тиваненковское городище I тысячелетия до н.э., но исключить новые находки нельзя, т.к. весь берег вряд ли тщательно обследован.

И, наконец, третье. Между Истобенском и Моломой река Вятка, судя по сохранившейся старице и ряду старичных озер, протекала на несколько километров севернее, соединяясь с Моломой близ села Юрьево. Тогда нижнее течение Моломы было руслом Вятки (правда, мы не знаем, когда это было). В этом случае район поиска древней Вятки расширяется, включая в себя правый берег Моломы от Юрьево до устья. В этом районе расположено Шабалинское городище XIII–XIV вв., в слое которого также была найдена свинцовая актовая печать.

¹⁷¹ Спицын А.А. «Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии» // Материалы по археологии Восточных губерний России. Вып. 1. М. 1893.

¹⁷² Новгородская IV летопись. // ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. М. 2000.

¹⁷³ Макаров Л.Д. «Русские поселенцы на берегах Вятки» // Энциклопедия земли Вятской». Т. 4. Киров. 1995.

И, наконец, следует напомнить, что, как мы писали выше, первое упоминание о славянском городе, в названии которого содержался корень В.нт- (Вант-), относится к IX в. (путеводитель Ибн Хордадбега). Ни у кого из исследователей не вызывает сомнения, что этот корень – отражение индоевропейского Vent-, который в современном русском закономерно дает Вят-. Ряд косвенных сведений, в том числе близость Вятки к Булгарии, часто посещавшейся арабскими купцами, позволяет с определенной вероятностью отождествить этот город с древней Вяткой. Так что для будущих археологов задачей № 2 будут поиски в раскопках слоя, относящегося к этому времени. Этому критерию, например, удовлетворяет Никульчинское городище. А задачей № 3, как мне кажется, должен стать поиск памятников древней (дохристианской) письменности, которые не обязательно могли быть выполнены известными системами славянского письма (глаголицей и кириллицей).

Правда, исходя из требований объективности, нужно заметить, что город Вятка IX в. может не совпадать географически с городом Вяткой XIV в., также, как она может не совпадать с городом Вяткой нового времени.

4. Заключение

Итак, мы наметили пути будущих исследований истории Северо-востока Европы и, в частности, Вятской земли и сделали первый шаг в этих исследованиях. И на этом первом шагу мы смогли кое-что увидеть; древняя история Вятки стала хоть чуть-чуть, но не такой темной, какой она представлялась Костомарову. Уже сейчас можно сделать несколько выводов:

1. Миф о дорусском заселении бассейна Вятки предками марийцев и удмуртов не находит подтверждения в топонимии.

2. Среди угрофинского населения края преобладали племена прибалтийскофинской языковой группы, возможно, в культурном и расовом отношении делящиеся на две группы: близкие к вепсам (веси) и близкие к саамам (лопарям).

3. Определяющую роль в истории края играли племена индоевропейской языковой группы, создавшие основной массив гидронимического субстрата (названий рек), вероятно, еще с фатьяновского времени (последние 4 тысячи лет). По всей видимости, они соседствовали с племенами финноугорской группы и/или с другими племенами, возможно, сибирского происхождения. Как можно судить по другим регионам, индоевропейцы при подобном соседстве занимали берега крупных и средних рек, а другие племена – мелкие реки и водораздельные пространства. Это соседство находилось в постоянной динамике, как мирной, так и военной. При этом часть генетических индоевропейцев могла принять какой-то финноугорский язык, ассимилироваться или быть вытеснена с определенных территорий (как это произошло, например, на территории Марий Эл), и наоборот.

4. Племена фатьяновской общности считаются предками славян, балтов и германцев. На территориях Среднего Поволжья и бассейна Вятки выявляется мощный пласт балтославянских топонимов, – наряду с другими индоевропейскими названиями, относящимися или к древнему праязыку, или к другому индоевропейскому языку (например, иранскому или тохарскому).

5. Кроме несомненно древних балтославянских топонимов, имеются топонимы (как названия мелких рек, так и населенных пунктов), которые имеют признаки современных балтийских языков. Это означает историческую молодость этих названий и топонимическую преемственность, т.е. недалекие предки создателей этих названий были мирно ассимилированы русскими и вошли в состав русского населения. (То же можно сказать и о прибалтийскофинских и тюркских жителях северной половины и центральной части Вятской земли.)

6. С определенной вероятностью можно сказать, что уже с IX–X в. Вятка появляется в географических источниках того времени и на исторической арене как область, населенная славянами (сакалиба) и русами. Еще раньше она считалась населенной венетами, которые дали ей свое имя. При этом надо учитывать многозначность толкования этих этнонимов.

7. Этническая история Вятской земли во многом схожа с этнической историей других исконных восточнославянских территорий. Можно сказать, что население Вятки участвовало в этногенезе русского народа наряду с населением других мест. При этом этническая и культурная история Вятки имела свои особенности, связанные с ее крайним положением, большей связью с арабским и тюркским Востоком и меньшей – с Византией, поздней христианизацией, поздним

включением в состав Древнерусского государства. Можно предположить на каком-то историческом этапе наличие собственной государственности, а также вхождение, может быть, на федеративной основе, в состав иных государственных или полугосударственных образований.

8. Этническая история Северо-востока Европы, в том числе Вятки, не может игнорироваться при исследованиях этногенеза славян, т.к. население указанных территорий также участвовало в этом процессе. Учет этого фактора дополнит и уточнит теорию этногенеза.

В настоящее время существует два направления в теории этногенеза славян, связанных в России с именами двух друзей и непримиримых противников – лингвистов-культурологов академиком В.Н. Топорова и ныне покойного О.Н. Трубачева.

Согласно теории Трубачева, наиболее полно представленной в книге «Этногенез и культура древнейших славян» (70)¹⁷⁴, праславянский язык выделился из общего индоевропейского языка на территории, входившей в общую индоевропейскую прародину, – на Дунае. В течение длительного времени (тысячи лет) праславяне занимали очень небольшую территорию и никак не проявляли себя на исторической арене, чтобы затем, в первом тысячелетии н.э., начать усиленно размножаться,¹⁷⁵ расселяться, ассимилировать или уничтожать другие народы, в первую очередь балтов и финноугров, и, наконец, занять нынешние пространства от Адриатики и Балтики до Тихого океана.

В представлении Топорова, после отделения от праиндоевропейского языка анатолийского, индийского, иранского, греческого и других языков образовался индоевропейский «остаток», из которого и возникли затем балтославянские языки (66.¹⁷⁶ С. 285). Длительное время балтославянские языки представляли собой балтославянский континуум: пространство, наполненное различными диалектами балтославянского языка, одни из которых были ближе к славянскому, другие – к балтийскому типу. Перемешивание славян с балтами «с преобладанием то славянского, то балтского элемента» для более западных территорий отмечается авторитетными историками (Артамонов М.И. 4)¹⁷⁷. Где-то в I тысячелетии до н.э. от балтославянского континуума отделилась группа племен, которая, смешавшись с рядом других компонентов, дала начало протославянскому языковому союзу (Хабургаев Г.А. 73.¹⁷⁸ С. 80). Эта группа в дальнейшем ассимилировала почти все остальные народы балтославянского «общегития» (выражение Топорова), «оставив сравнительно немногочисленные народы, условно именуемые балтийскими» (Хабургаев). Легкость ассимиляции объясняется языковой и культурной близостью этих племен.

Вот что сказал Топоров о былом расселении балтийских (или балтославянских) племен (ранее V–VI вв.) (там же, с. 279):

«Прежде всего пространство древней Балтии не только существенно превышает описанную Слaviю, но и вообще **очень велико** (можно даже сказать – неправдоподобно, видя в этой неправдоподобности указание на общую парадоксальность ситуации). Теперь никто не сомневается в том, что максимальный балтоязычный ареал, реконструируемый на основании гидронимических данных, охватывает территорию во много раз большую, чем ареал балтийских языков в историческую эпоху».

¹⁷⁴ Трубачев О.Н. «Этногенез и культура древнейших славян». 2-е изд., дополн. М. 2003.

¹⁷⁵ В.Э.: Эти слова вообще свидетельствуют о непонимании сущности процессов. Древние народы «усиленно размножались» ВСЕГДА – и всегда плоды этого размножения уничтожались невозможностью прокормить «лишнее» население (см. Приложение № 2 к этому тому). Тот поворот в истории славян, о котором говорится в данном месте текста, характеризуется не началом «усиленного размножения», а приобретением какого-то качества, которое давало славянам преимущества перед окружающими народами в борьбе за жизненное пространство. Это качество могло быть какое-то изобретение, которое делало их оружие сильнее, или это могли быть гены, определяющие исключительную предприимчивость и смелость, или физическую силу и выносливость, и т.п. Вот, в таком направлении следует искать объяснение явлению, а не в бессмысленном «усиленном размножении». Фактом является то, что, начиная с этого момента, славяне на протяжении многих столетий в целом выигрывали битвы со своими противниками и обеспечивали приобретение всё новых и новых пространств.

¹⁷⁶ Топоров В.Н. «К реконструкции древнейшего состояния праславянского языка»// X Международный съезд славистов: Славянское языкознание. М. 1988.

¹⁷⁷ Артамонов М.И. «Вопросы расселения восточных славян и советская археология»// Проблемы всеобщей истории. Л. Изд. ЛГУ. 1967.

¹⁷⁸ Хабургаев Г.А. «Этнонимия «Повести временных лет»». М. 1979.

И далее (с. 280):

«В этом контексте особенно важным было бы определение восточных, юго-восточных и южных границ «балтийского» пространства в древности. На востоке устойчивая гидронимическая граница балтийской гидронимии, проходящая в Подмосковье, не описывает полностью возможной ситуации. Существуют факты (от правдоподобных до бесспорных), позволяющие думать о еще большей продвинутой балтийского элемента на восток в довольно широких временных пределах...».

Настоящая работа значительно добавляет «неправдоподобности» и «парадоксальности», расширяя ареал функционирования в прошлом балтийского языка до бассейна Вятки. У меня есть неопровержимые свидетельства существования балтийских гидронимов вплоть до севера Тимана (Ненецкий округ) и предположительные – до Урала и даже Западной Сибири.

Эта «неправдоподобность», конечно, в рамках дунайской теории этногенеза славян, потому что совершенно неправдоподобна ситуация,¹⁷⁹ при которой горстка славян ассимилирует почти

¹⁷⁹ **В.Э.:** Неправдоподобна? Ну, эти слова свидетельствуют только о том, что автор не имеет представления о механизмах развития этносов. Они описаны в Приложении № 2 к настоящему тому. (И само то приложение включено сюда именно для разъяснения этих вопросов). А здесь рассмотрим вкратце пример из той же серии, какие приводятся в указанном приложении. Примем три постулата и посмотрим, что получится. Первый постулат: пусть в 378 году н.э. на территории будущего СССР не было ни одного славянина. Второй постулат: пусть в 378 году границу будущего СССР пересекала (из Польши) маленькая группа славян – численностью всего 16 человек (378-й год – это год битвы при Адрианополе, где вестготы наголову разбили римские армии и убили императора Валента: от этого удара Рим уже не оправился; в следующем году на престол вззошел император Феодосий, который объявил христианство единственной религией Рима и приказал закрыть все языческие храмы – и Рим окончательно пошел «под откос»). А в этот момент в будущей России маленькая группка из 16 славян – мужчин, женщин и детей – начали создание «Третьего Рима»). Третий постулат: пусть эти 16 славян и их потомки обладали такой жизнеспособностью, что могли обеспечить естественный прирост населения: те же 2% в год, которые упоминаются в Приложении № 2 (все последние 100 лет человечество на Земле размножалось именно с этим процентом прироста, так что тут нет ничего особенного). Такой прирост соответствует четырем выросшим и оставившим потомство детям у каждой женщины. (Те, кто рожали больше, либо компенсировали малоплодных, либо их «лишние» дети умирали, не оставив потомства). Итак: никакой не сверхъестественный прирост – просто принимаем, что наше славяне СМОГЛИ его обеспечить в течение нескольких следующих столетий. При таком приросте численность этноса удваивается каждые 35 лет, и каждые 105 лет вырастает в 8 раз. Тогда в 483 году наших славян было 128 человек (совершенно незаметная группа на сцене истории). В 588 году славян было 1024 человека (ну, группа заметна в локальном масштабе). В 693 году славян в России было 8'192 человека (довольно сильная в локальном масштабе группа). В 798 году славян 65'536 человек (ого, это уже этнос! их начинают замечать иностранцы – всякие там византийцы и прочие; славяне захватывают город Куяву – Kūjava; потом они станут его называть Киевом). В 903 году славян 524'288 человек (они уже не умещаются возле одного Киева, отправляются на Ладогу и основывают в тамошних землях Новый Город; Новгород – по данным БСЭ-3 – в его «Первой летописи» впервые упомянут под 859 годом; Киев – под 860 годом – в связи с походом славян на Царьград; в 862-м году Рюрик «призывается» в Новгород; в 882-м году Олег захватывает Киев; начинается славянская государственность). В 1108 году славян 4'194'304 человека (более 4-х миллионов! – по тем временам это уже держава! – Киевская Русь!). В 1216 году (за 24 года до взятия Киева монголами) славян уже 33'554'432 человека (более 33 миллионов! – когда во всей Римской империи во времена ее наибольшего расцвета было около 50 миллионов жителей). Возникает вопрос: А чем они питались? Где брали продовольствие? Наиболее простой ответ: отобрали землю и прочие ресурсы у прежних обитателей этой территории. Куда делись те народы? «Ушли под землю» – то есть, вымерли. Причем незаметно. Ведь просто чтобы погасить эффект тех 2% прироста населения в год и чтобы численность населения просто оставалась постоянной, должны были умирать, не оставив потомства, 75% детей (если принять, что у женщины в среднем 8 детей). Ну, теперь у оттесненных народов умирали не 75%, а 87,5% – кто там особо заметит и разберет? А 87,5% умерших детей (при той же рождаемости в среднем 8 детей у каждой женщины) означают, что в каждом следующем поколении (35 лет) численность этноса сокращается вдвое. Пусть балтов и финноугров на территории Европейской России в 862-м году (когда «призывали» Рюрика) было 33 миллиона (на самом деле, конечно, было меньше). Тогда (при указанном балансе рождаемости и смертности) в 967-м году их было уже только 4 миллиона; в 1072 году – полмиллиона; в 1277-м году – 65 тысяч (тут еще монголы подвалили...); в 1383-м году – 8 тысяч; в 1487-м году – 1 тысяча; в 1592-м году – 16 человек; в 1697-м году – 2 человека... ушли под землю. Ну, и чего ж тут неправдоподобного? (Не о точных цифрах, разумеется, речь, а о самой сущности процессов).

без остатка (а на громадном протяжении – совсем без остатка) чужой народ, расселившийся от Одера и почти до Карского моря и Урала.

Мы видим, что география коренного расселения славян (за исключением южных) почти полностью укладывается в ареал балтийской гидронимии. Это подтверждает теорию Топорова о балтийских языках как материнских для славянских. С некоторым приближением можно сказать и о балтах (точнее – балтославянах) как предках славян. Все это вместе позволяет говорить об автохтонности славянского населения не только на Вятке, но и вообще на Северо-востоке Европы.

Переходя от лингвистических реалий к историческим, можно предположить такую схему. Лесная зона Европы от Одера и Дуная до Урала (или почти до Урала), начиная с конца III тысячелетия до н.э., была заселена племенами индоевропейцев, со временем образовавшими балтославянский языковой континуум. Где-то в начале нашей эры стали образовываться группы пассионариев («люди длинной воли», по определению Л.Н. Гумилева), которые захватили основные речные пути, занимались войнами и торговлей, собирали дань с оседлых жителей. Первоначальное ядро этих пассионариев было, видимо, пришлое, поэтому они и получали иноязычные прозвания: венеты и русы. В эти группы вливались разноязычные герои, но основу ее языка составил один из балтославянских диалектов, который и стал называться славянским, испытав при этом влияние и других языков (например, иранских). Постепенно этот язык стал языком торговли и управления, поэтому он вытеснил все остальные диалекты почти на всем пространстве балтославянского континуума. В эту схему вписывается, по-видимому, и история русского населения Вятки и других коренных русских территорий Северо-востока Европы.

Сергей Ухов

22 апреля 2006 г.

svu_nn@bk.ru

Сокращения

англ.	Английский
балт.	прабалтийский или общебалтийский
бас.	Бассейн
блр.	Белорусский
болг.	Болгарский
валл.	валлийский (уэльский)
вар.	Вариант
вепс.	Вепсский
ВУАК	Вятская ученая архивная комиссия
вятск.	Вятский
гаэл.	гаэльский (гэлский, шотландский)
гот.	Готский
греч.	Греческий
диал.	Диалектный
др.-в.-нем.	Древневерхненемецкий
др.-герм.	Древнегерманский
др.-инд.	Древнеиндийский
др.-исл.	Древнеисландский
др.-корн.	древнекорнуэльский (корнский)
др.-перс.	Древнеперсидский
др.-рус.	Древнерусский
др.-слав.	Древнеславянский
ж. р.	женский род
жем.	жемайтский диалект литовского языка
и.-е.	праиндоевропейский (общеевропейский)
ирл.	Ирландский
исл.	Исландский
ит.	Итальянский
кр.-тат.	крымско-татарский
Л.	Лист
лат.	Латинский
лев. пр.	левый приток

лит.	Литовский
Лл.	Листы
лтш.	Латышский
м.р.	мужской род
мар.	Марийский
мест. пад.	местный падеж
н.	Нынешний
нем.	Немецкий
нор.	Норвежский
об.	Оборот
о.-с.	общеславянский (праславянский)
перс.	Персидский
польск.	Польский
пр.	Приток
пр. пр.	правый приток
прус.	Древнепрусский
рус.	Русский
рус.-цслав.	язык церковнославянских памятников русского извода
С.	Страница
саам.	Саамский
серб.	Сербохорватский
словен.	Словенский
ср.	Сравните
Сс.	Страницы
ст.-англ.	Староанглийский
ст.-слав.	Старославянский
тадж.	Таджикский
тохар. Б	тохарский Б
удм.	Удмуртский
укр.	Украинский
фин.	Финский
фр.	Французский
тат.	Татарский
тюрк.	Тюркский
цер.-сл.	Церковнославянский
чеш.	Чешский
чув.	Чувашский
раг. ¹⁸⁰	административная единица в Латвии

Написание р. Бисерть (пр. пр. Уфы, пр. пр. Белой, лев. пр. Камы) означает: «река Бисерть, правый приток Уфы, правого притока Белой, левого притока Камы).

Написание через точку с запятой: рр. Вишера (пр. Волхова; пр. Вычегды; пр. Камы) означает «реки Вишера, притоки Волхова, Вычегды и Камы».

Список литературы

1. Абаев В.И. «Скифо-европейские изоглоссы» \ На стыке Востока и Запада. М. 1965.
2. Агеева Р.А. «Происхождение имен рек и озер». М. 1985.
3. Агеева Р.А. «Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации». М. Наука, 1989.
4. Артамонов М.И. «Вопросы расселения восточных славян и советская археология» // Проблемы всеобщей истории. Л. Изд. ЛГУ. 1967.
5. Бартольд В.В. «Арабские известия о русах». // Сочинения. Том II. Ч. 1. М. 1963.
6. Боси Р. /Roberto Bosi/ «Лапландцы». Перевод. М. 2004.
7. Будимир М. «Protoslavica» // Славянская филология. Сб. статей. II. М. 1958.
8. Вернадский Г.В. «История России. Древняя Русь». Тверь – М. 2000.
9. Вершинин Е.А. «Повесть о земле Тужинской». Котельнич. 2006.

¹⁸⁰ В.Э.: pagasts – по-русски: волость – наименьшая сельская административная единица; существовала во времена царской России и наследована также в независимой Латвии. Слово этимологически восходит к русскому *погость* и первоначально означало место, куда сносилась дань (русским). В официальную лексику вошло с переводом на латышский язык в 1866 году Балтийского закона о волостном самоуправлении, изданного царем Александром II в том же году.

10. Галкин И.С. «Топонимика Марийского края в связи с вопросом происхождения марийского народа» // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола. 1957.
11. Галкин И.С. «Основные типы топонимов на территории Марийской АССР» // Вопросы финно-угорской ономастики. Ижевск. 1989.
12. Генинг В.Ф. «Азелинская культура III–V вв.». Ижевск. 1963 / Вопросы археологии Урала. Вып. 5.
13. Гимбутис М. «Балты». Перевод с англ. М. 2004.
14. Гордеев Ф.И. «О поздних сарматских заимствованиях в восточнофинских языках» // Вопросы финно-угроведения. Вып. 5. Йошкар-Ола. 1970.
15. Грамота великого князя Ивана Васильевича на Вятку... Труды ВУАК. Вып. 3. Вятка. 1905.
16. Дебец Г.Ф. «О путях заселения северной полосы Русской равнины и Восточной Прибалтики» // Советская этнография. 1961. №6.
17. Жучкевич В.А. «Общая топонимика». Минск. 1980.
18. Захаров Д.М. «Краткий топонимический словарь Кировской области». Киров. 1988.
19. Захаров Д.М. «Серебряная Вятка». Киров. 1990.
20. Зеленин Д.К. «Принимали ли финны участие в образовании великорусской народности?» // Труды Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народностей. Вып. 1. 1929.
- 20а. История Коми. Т. I. Сыктывкар. 2004.
21. Книга Большому чертежу. Подготовка к печати и редакция К.Н. Сербиной. М.–Л. 1950.
22. Ковалевский А.П. «Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.». Харьков. 1956.
23. Коковцов П.К. «Еврейско-хазарская переписка в X веке». Л. 1932.
24. Корнилов Г.Е. «Пробные статьи этимологического словаря собственных имен Поволжья и сопредельных территорий» и «Продолжение...» // Диалекты и топонимия Поволжья. Чебоксары. Вып. 2. 1973 и вып. 3. 1975.
25. Кривошекова-Гантман А.С. «Гидронимия коми-пермяцкого происхождения в Прикамье» // Географические названия Прикамья. Пермь. 1968.
26. Кривошекова-Гантман А.С. «Откуда эти названия?». Пермь. 1973.
27. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. М. 1997.
28. Мавродин В.В. «Происхождение русского народа». Л. 1979.
29. Макаров Л.Д. «Русские поселенцы на берегах Вятки» // Энциклопедия земли Вятской». Т. 4. Киров. 1995.
30. Макарова Л.Н. «Древние наименования города Кирова». Рукопись. Киров. 1984.
31. Матвеев А.К. «Топонимические типы Верхнего и Среднего Прикамья» // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции Института археологии АН СССР. Вып. 2. 1961.
32. Матвеев А.К. «Угорская гипотеза и некоторые проблемы изучения субстратной топонимии Русского Севера» // Вопросы финно-угроведения. Вып. 5. Йошкар-Ола. 1970.
33. Матвеев А.К. «Из истории изучения субстратной топонимии русского Севера» // Вопросы топонимии. №5. Свердловск. 1971.
34. Матвеев А.К. «Вверх по реке забвения». Рассказы о географических названиях. Свердловск. 1992.
35. Матвеев А.К. «Географические названия Тюменского Севера». Екатеринбург. 1997.
- 35а. Мейе А. «Общеславянский язык». Пер. со 2-го фр. изд. 2-е изд. М. 2001.
- 35б. Миллер В.Ф. «Осетинские этюды». Ч. III. // Ученые записки Московского университета. Отдел историко-филологический. 8. 1887.
36. Минорский В.Ф. «История Ширвана и Дербенда». М. 1963.
37. Мокшин Н.Ф. «Этническая история мордвы». Саранск. 1977.
38. Нерознак В.П. «Названия древнерусских городов». М. 1983.
39. Новгородская IV летопись. // ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. М. 2000.
40. Новосельцев А.П. «Восточные источники о восточных славянах и руси VI–XI вв.» // Древнерусское государство и его международное значение. М. 1965.
41. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. По материалам лингвистической географии. М. 1970.
42. Откупщиков Ю.В. «Балтизмы в русских диалектах и некоторые вопросы этногенеза балтов» // Конференция «Проблемы этногенеза и этнической истории балтов»: Тезисы докладов. Вильнюс. 1981.
43. Откупщиков Ю.В. «Очерки по этимологии». СПб. 2001.
44. Петрухин В.Я., Раевский Д.С. «Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье». М. 2004.
45. Повесть о стране Вятской. Издание и комментарии А.С. Верещагина. Вятка. 1905. Свод летописных известий о Вятском крае. Сост. А.А. Спицын. Вятка. 1883. Переиздание. Киров. 1993.
- 45а Повесть о стране Вятской // Труды ВУАК. Вятка. 1905. Вып. 3. Отд. 2. С. 1–97.
46. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 25 М.–Л. 1949.
47. Попов А.И. «Географические названия». Введение в топонимику. М.–Л. 1965.

48. Порциг В. «Членение индоевропейской языковой области». М. 1964.
49. Поспелов Е.М. «О балтийской гипотезе в севернорусской топонимике» // Вопросы языкознания. 1965. №2.
50. Роспонд С. «Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика. М. 1972.
51. Русинов Н.Д. «Этническое прошлое Нижегородского Поволжья в свете лингвистики». Н. Новгород. 1994.
52. Рыбаков Б.А. «Рождение Руси». М. 2004.
53. Серебренников Б.А. «Волго-Окская топонимика на территории Европейской части СССР» // Вопросы языкознания. 1955. №6.
54. Сеницын И. «Сарматские курганные погребения в северных районах Поволжья» // Сборник Нижне-Волжского краевого музея. Саратов. 1932.
55. Смирнов И.Н. «Вотьяки». Историко-географический очерк. Казань. 1890.
56. Смирнов И.Н. «Черемисы». Историко-географический очерк. Казань. 1899.
57. Смолицкая Г.П. «Гидронимия бассейна Оки». Список рек и озер. М. 1976.
58. Смолицкая Г.П., Горбаневский М.В. «Топонимия Москвы». М. 1982.
59. Соболевский С.И. «Древнегреческий язык». М. Репринт. 2003.
60. Софийская II летопись // ПСРЛ. Т. VI. Вып.2. М. 2001.
61. Спасский Г.И. «Книга, глаголемая Большой чертеж». М. 1846.
62. Спицын А.А. «Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии» // Материалы по археологии Восточных губерний России. Вып. 1. М. 1893.
63. Тихомиров М.Н. «Список русских городов дальних и ближних» // Тихомиров М.Н. «Русское летописание». М. 1979.
64. Топоров В.Н., Трубачев О.Н. «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья». М. 1962.
65. Топоров В.Н. ««Baltica» Подмосковья» // Балто-славянский сборник. М. 1972.
66. Топоров В.Н. «К реконструкции древнейшего состояния праславянского языка» // X Международный съезд славистов: Славянское языкознание. М. 1988.
67. Третьяков П.Н. «Волго-окская топонимия и некоторые вопросы этногенеза финно-угорских народов Поволжья» // Советская этнография. 1958. №4.
68. Третьяков П.Н. «У истоков древнерусской народности» // Материалы и исследования по археологии СССР. 179. Л. 1970.
69. Трубачев О.Н. «Лингвистическая география и этимологические исследования». Вопросы языкознания. 1959. №1.
70. Трубачев О.Н. «Этногенез и культура древнейших славян». 2-е изд., дополн. М. 2003.
71. Уо Д. «История одной книги». СПб. 2003.
72. Формозов А.А. «Древнейшие этапы истории Европейской России». М. 2002.
73. Хабургаев Г.А. «Этнонимия «Повести временных лет»». М. 1979.
74. Халиков А.Х. «Этническая принадлежность племен ананьинской общности» // Вопросы финно-угроведения. Вып. V. Йошкар-Ола. 1970.
75. Халикова Е.А. «К вопросу об этнической принадлежности ломоватовских и раннеродановских памятников Верхнего Прикамья» // Вопросы финно-угроведения. Вып. V. Йошкар-Ола. 1970.
76. Херрман Й. «Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона» // Славяне и скандинавы. Перевод с нем. М. 1986.
77. «Худуд ал-Алам». Л. 1930.
78. Цветков С.Э. «Русская история». Кн. I. М. 2003.
79. Чебоксаров Н.Н. «К вопросу о происхождении народов угро-финской языковой группы» // Советская этнография. 1952. №1.
80. Шмидт А.В., Иессен А.А. «Олово на севере европейской части СССР» // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. 110. 1935.
81. Эммаусский А.В. «Вятка в XII–XV веках» // Энциклопедия земли Вятской. Т. IV. Киров. 1995.
82. Эммаусский А.В. «История Вятского края в XII – середине XIX веков». Киров. 1996.
83. Энциклопедия земли Вятской. Т. 4. История. Киров. 1995.
84. Энциклопедия земли Вятской. Т. 8. Этнография, фольклор. Киров. 1998.
85. Эря-Эско А. «Племена Финляндии» // Славяне и скандинавы. Пер. с немецкого. М. 1986.
86. Boardman J. «Excavations in Chios 1952–1955». Oxford. 1967.

Словари и справочная литература

87. Большая советская энциклопедия в 30-ти томах (БСЭ). М. 1970–77 / Электронная версия. Научное издательство «Большая Российская энциклопедия». М. 2003.
88. Большая энциклопедия в 22-х томах. СПб. Т-во «Просвещение». 4-е изд. 1905–1909.

89. Великий сучасний українсько-російський російсько-український словник-довідник. Донецьк. 2005.
90. Ганжина И.М. «Словарь современных русских фамилий». М. 2000.
91. Гессен Д., Стыпула Р. «Большой польско-русский словарь». В 2-х т. 2-е изд., испр. и доп. М.–Варшава. 1980.
92. Даль В.И. «Толковый словарь живого великорусского языка» / Media World (CD).
93. Кировская область. Административно-территориальное устройство. Киров. 1998.
94. Латышско-русский словарь. Коллектив авторов. 3-е изд. Рига. 1974.
95. Маковский М.М. «Этимологический словарь современного немецкого языка». М. 2004.
96. Матеріали для пояснительного областного словаря вятского говора Н.М. Васнецова. Вятка. 1907/ Репринт. Киров. 1995.
97. Морохин Н.В. «Нижегородский топонимический словарь». Н. Новгород. 1997.
98. Мурзаев Э.М. «Словарь народных географических терминов». М. 1984.
99. Народы России. Энциклопедия. М. 1994.
100. Никонов В.А. «Краткий топонимический словарь». М. 1966.
101. Поспелов Е.М. «Географические названия мира». Топонимический словарь. 2-е изд. М. 2002.
102. Розенталь Д.Э, Теленкова М.А. «Словарь-справочник лингвистических терминов». Изд. 3-е, исп. и доп. М. 1985.
103. Словарь русских народных говоров. Л. Вып. 12–13. 1977; вып. 15. 1979; вып. 17. 1981; вып. 19. 1983 и др.
104. Список населенных мест по сведениям 1859–1873 гг. Т. 10. Вятская губерния. СПб. 1876.
105. Толстой И.И. «Сербскохорватско-русский словарь». 5-е изд. М. 1982.
106. Топоров В.Н. «Прусский язык». Словарь. М. Т.1. 1975; Т. 2. 1979.
107. Фасмер М. «Этимологический словарь русского языка». Пер. и доп. О.Н. Трубачева. Т. I–IV. 1964–73/ ИДДК. 2004 (CD).
108. Черных П.Я. «Историко-этимологический словарь современного русского языка». В 2 т. 5-е изд. М. 2002.
109. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона в 86-ти томах. СПб. 1890–1907 / М. Адепт (ИДДК). 2003 (DVD).
110. Этимологический словарь русского языка. Вып. 1–8. Под ред. Н.М. Шанского. М. 1963–82.
111. АBBYU Lingvo 9,0. Популярный электронный словарь. Xiph. org. Foundation. 2003 (CD).
112. Harper D. «The Online Etymology Dictionary». 2001 November.
113. MacBain A. «An Etymological Dictionary of the Gaelic Language». Glasgow. Gairm Publications. 1982.
114. Pokorny J. «Indogermanisches etymologisches Wörterbuch». Bern. 1959.

Картография

1. Вологодская область. Общегеографический региональный атлас. 1 : 200 000. М. ФГУП «439 ЦЭВКФ» МО РФ. 2001.
2. Все карты России 2005 / Большая энциклопедия географических карт. ИДДК. М. 2005 (CD).
3. Карта мира 2005 / Большая энциклопедия географических карт. ИДДК. М. 2005 (CD).
4. Киров и окрестности. Общегеографическая карта. 1 : 200 000. М. ГУГК СССР. 1991.
5. Кировская область. Топографическая карта. 1 : 200 000. М. ФГУП «439 ЦЭВКФ» МО РФ. 2000.
6. Костромская область / Административные карты Российской Федерации. 1: 500 000. М. Роскартография. 2002.
7. Нижегородская область. Атлас. 1 : 200 000. Н. Новгород. Верхневолжское геодезическое предприятие. 2002.
8. Республика Коми / Общегеографические карты Российской Федерации. 1: 1 000 000. М. Роскартография. 1995.
9. Республика Марий Эл / Общегеографические карты Российской Федерации. 1: 200 000. М. Роскартография. 1995.
10. Республика Татарстан. Топографическая карта. 1 : 200 000. М. ФГУП «439 ЦЭВКФ» МО РФ. 2-е изд., доп. и обн. 2000.
11. СНГ и Балтия 2005 / Большая энциклопедия географических карт. ИДДК. М. 2005 (CD).
12. Удмуртская республика. Общегеографический региональный атлас. 1 : 200 000. М. ФГУП «439 ЦЭВКФ» МО РФ. 2003.
13. Чувашская республика – Чувашия. Атлас. 1 : 200 000. Н. Новгород. Верхневолжское геодезическое предприятие. 2002.

Послесловие автора Векордии

Еще раз подчеркиваю, что статья Сергея Ухова в высшей степени интересна и ценна; мы должны быть благодарны автору за новые сведения о границах распространения разных этносов Восточной Европы в древности.

Но всё же здесь, в Послесловии, я вынужден говорить больше о тех вещах, где с автором согласиться невозможно. Я не касаюсь мелких неточностей, какие могут иметь место в этой работе – я не могу ничего сказать о правильности или неправильности финно-угрских этимологий, о данных древних хроник и т.п. вещах. Что же касается балтских этимологий, приводимых автором, то мне, благодаря хорошему владению родным языком и знакомству с работами латышских этимологов, кажется, удалось несколько уточнить происхождение некоторых топонимов изученного Сергеем Уховым региона.

Однако здесь я говорю не об этих мелочах, а о крупных, глобальных заблуждениях. На мой взгляд автор делает две больших ошибки, совершает два глобальных заблуждения, причем второе заблуждение если не логически, то психологически вытекает из первого.

Это первое заблуждение автора состоит в том, что он принял на веру определенный принцип, у которого, по-моему, не только нет распространенного и общепринятого наименования, но который даже и почти никогда не осознается четко и не формулируется словесно. Поэтому я вынужден этот принцип здесь приводить весьма описательно.

Этот принцип заключается в том, что «колониализм» считается чем-то плохим; если, к примеру, англо-саксы заняли Америку или Австралию, то они вроде как бы виноваты перед индейцами или аборигенами (аналогично, если русские заняли север Евразии, то они тоже столь же виноваты); тогда англо-саксы должны приносить извинения туземцам (что теперь постоянно и делается), выплачивать им какие-то компенсации и т.п. Так как такая постановка вопроса в общем-то неприятна, то люди (если это только возможно) стараются этой ситуации избегать (например, пытаюсь доказать, что они «автохтонное» население и никого не колонизировали). В общем, – история получает приправу современной политики и, более того, даже экономических (или хотя бы моральных) интересов – и, стало быть, уже не может изучаться беспристрастно.

Мой личный опыт и многочисленные дискуссии на интернетовских форумах показывают, что этот принцип особенно рьяно насаждается и защищается евреями. Разумеется, речь у них никогда не идет о том, что это евреи могут быть перед кем-то виноваты – например, перед палестинцами –, но речь всегда идет о том, что МЫ – «белые люди» – всегда и перед всеми виноваты: перед евреями во всех возможных видах – это само собой разумеется, но и перед неграми, перед турками, перед татарами, перед финноуграми, перед кем угодно – перед вся и всеми...

Насаждение такого принципа и привитие всеми доступными средствами «белым людям» «комплекса вины» является маленьким звеном в длинной-длинной цепи всевозможных мероприятий евреев по уничтожению белой расы, – но здесь я не хочу разбирать этот вопрос дальше.

Я хочу только сказать Сергею Ухову и всем нашим читателям, что этот принцип придуман и пущен в ход евреями, он не имеет ничего общего с понятием справедливости и честности, а служит расизму и геноциду. И поэтому он должен быть отвергнут – вопреки еврейскому напору.

Мы должны смотреть на историю беспристрастно, честно и смело – без комплексов вины, без привязки к современным политическим, экономическим или моральным интересам и требованиям. Англо-саксы колонизировали Америку? Молодцы! Предприимчивые и смелые люди были. Потомки могут ими гордиться.

Русские колонизировали Восточную Европу и Сибирь? Гордитесь своими предками! Сильные и выносливые люди были. Раз вытеснили балтов и финноугров – знать, сильнее их оказались. Такова природа, такова история, и из этого ничего не следует для сегодняшнего дня.

Мне кажется, что принятие вот этого (еврейского) «принципа вины» скрыто пронизывает всю работу Сергея Ухова. У меня такое ощущение, что автору не столько хотелось узнать, как всё было на самом деле, сколько хотелось «доказать», что русские не «захватчики», что они коренное, автохтонное население хотя бы в Европейской части России, если не в Сибири.

И что именно это (первичное) желание (а не какие-то логические или научные соображения) заставило его принять концепцию «балто-славянского континуума», которая ярче всего высказана в Заключение данной работы.

А эта концепция и есть второе глобальное заблуждение автора – психологически вытекающее из первого.

Развитие этносов НЕ МОЖЕТ происходить так, как это предполагается по той концепции.

Сначала рассмотрим, как этносы зарождаются и развиваются на самом деле (и не только этносы, но и вообще популяции живой природы), а потом сравним, как это должно было бы выглядеть, если бы концепция «балто-славянского континуума» была бы верной.

Если мы почитаем работы по эволюции каких-нибудь популяций, написанные еще даже в середине XX века (не говоря уже о начале века или о XIX веке), то обнаружим, что там доминирует (ясно, правда, не оговоренное) представление, что «развитие» популяции (в том или ином направлении) шло одинаково и одновременно на всей территории этой популяции; они просто «развивались» – без деталей этого «развития» и без ясного и понятного его механизма.

Только к концу XX века стали появляться работы, заменившие понятие «общего развития» пониманием более точных деталей и механизмов процесса. И тогда стало видно, что механизмов «развития» имеются два основных.

Первый механизм – когда изменяются условия обитания популяции и большинство особей гибнут в новых условиях. А некоторая – иногда очень ничтожная – часть, оказавшаяся приспособленной к новым условиям, выживает и занимает место прежних обитателей. Типичный пример: европейцы привезли в Австралию кроликов, которые там катастрофически размножились и наносили огромный вред экономике. Тогда было решено привить им «кроликовую чуму», что и успешно сделали. Популяция австралийских кроликов уменьшилась до 3% прежней численности; казалось, что проблема решена. Но не долго казалось. Эти оставшиеся 3% кроликов обладали иммунитетом против «кроликовой чумы». Через короткое время кроликов в Австралии было опять прежнее количество, но только теперь они уже все были устойчивы против «чумы».

И второй механизм – когда новые свойства зарождаются без существенного изменения условий обитания. Если в предыдущем примере решающее новое свойство «появилось» (на самом деле уже присутствовало, только не было важным) «одновременно» на всей территории популяции, то здесь новое свойство зарождается в каком-нибудь (обычно очень небольшом) уголке территории популяции. Там происходит мутация (или несколько мутаций, удачно дополняющих друг дружку), и появляется новая разновидность особей – новая «порода». Если она оказывается сильнее прежней породы, то и вытесняет ее из экологической ниши. Прежняя порода вымирает, а место ее занимает новая порода. Но зародилась она в каком-нибудь одном, очень небольшом и ограниченном месте (часто в результате более или менее длительной изоляции от прежней породы – это способствует накоплению сразу нескольких мутаций, с которыми новая порода может выступить против старой).

Развитие этносов происходит в принципе так же, как и развитие других популяций живой природы; некоторые особенности прибавляет только наличие речи и, значит, то, что связано с языками.

Людская популяция (этнос) НЕ МОЖЕТ разделиться на два этноса одновременно по всей территории своего обитания (как это было бы по теориям «общего», не детализированного развития, доминировавшим в середине XX века и раньше). Если этнос разделился на два этноса, значит, у каждого из них (первоначально) была своя территория – и на этих территориях они оказались друг от друга более или менее изолированными.

Следовательно, если «балтославянский континуум» разделился на балтов и славян, то у балтов была одна территория, а у славян – другая территория, и тогда можно спрашивать: ГДЕ находилась территория балтов, и где территория славян в тот момент, когда они разделились.

Аналогично дело обстоит и с предыдущими делениями «индоевропейского континуума» (и с самим образованием индоевропейцев и отделением их от прочего человечества).

Здесь мы не можем вдаваться в обсуждение различных теорий возникновения и последующего деления индоевропейцев. Скажу только, что нет никакой необходимости принимать всякие экзотические постулаты о том, что индоевропейцы якобы зародились на Байкале, Средней Азии или у Каспийского моря. По «лезвию Оккама» наиболее естественным является предположение, что индоевропейцами стали обитатели земель севернее Карпат – на территориях нынешних Польши и Украины. Оттуда-то и отправлялись их волны в разное время и в разных направлениях

– «арии» в Закавказье, Иран и Индию, греки в бассейн Эгейского моря, латины в Италию, кельты в Западную Европу. А вслед за этими первыми волнами – новые волны германцев и славян.

Индоевропейцы подавались не только в разные южные направления (как арии, греки и италики), но и на восток и север. Только здесь они не встречали на своем пути такие древние цивилизации, как на Юге, поэтому здесь их история не стала столь яркой и драматичной. (Да и климат не способствовал).

Пространственное разъединение между теми, кто ушли с первичной территории индоевропейцев, и теми, кто остался на ней, уже само по себе означало разные территории и – как следствие – деление этносов. Тем, кто ушли и встретились на своем пути с другими народами, конечно, легче было позаимствовать у них всё, что угодно (да и перемешаться с ними). Поэтому в наиболее «чистом» виде индоевропейцы оставались в местах своего прежнего обитания. А это в значительной степени то, что теперь называется балтами. Уже с самых начал сравнительной лингвистики постоянно отмечается и подчеркивается «архаичность» литовского языка, а также то, что ни одна языковая группа индоевропейцев не имеет столько общего одновременно со ВСЕМИ индоевропейскими языковыми группами, как балты.

Так что балтов (с некоторыми уточнениями и оговорками, разумеется) можно считать, так сказать, «остатком ядра» индоевропейцев. И тогда (также с некоторыми оговорками, конечно) можно полагать, что остальные индоевропейские ветви в разное время «отпочковались» от этого ядра.

Если такие «почкования» разложить в хронологический ряд, то разделение балтов и славян, видимо, действительно было самым последним из таких крупных «почкований», и произошло оно незадолго до «начала нашей эры».

Но как же это «почкование» происходило? Где обитали те, кто вскоре станут славянами, и где те, кто станут балтами?

Сергей Ухов хочет убедить нас, что это деление происходило параллельно – по всей территории от Элбы до Урала. (Или не хочет? Но тогда: – как в деталях происходило это деление?) Везде обитавшие там племена одновременно распадались на балтов и славян (или не распадались? но что в таком случае происходило? – я совсем не понимаю).

Я могу понять только такое деление «балтославянской общности», когда обитатели одной области стали славянами (в результате достаточной изоляции от остальных), а жители другой области стали балтами.

Но тогда: где находились обе эти области?

Славяне возникли на Вятке?

Хорошо – допустим. В таком случае славяне отделились от балтов на Вятке (точнее балтославянские вятичи стали первыми славянами), и оттуда стали распространяться: заняли Центральную Россию, потом Украину, Польшу, Балканы...

Если автор выдвигает эту (или какую-нибудь другую) концепцию балто-славянского деления, то ее можно обсудить и взвесить ее соответствие известным фактам. Но в разбираемой статье никакая четкая концепция этого деления не выдвигается – только отвергается «Дунайская теория».

Но нам пока придется оставить «Дунайскую теорию» в силе – хотя бы за неимением ясной альтернативы.

Да и потому, что «Дунайская теория» вообще-то хорошо согласуется с теперешними представлениями о механизмах возникновения и развития популяций: в каком-то уголке ареала обитания прежней (балтославянской) «породы» (совсем небольшом уголке) появилась (вследствие некоторой изоляции, а, возможно, также метизации, способствовавших накоплению ряда мутаций) – зародилась новая «порода», чем-то превосходящая прежнюю, и стала ее вытеснять из «экологической ниши».

«Математическую модель» этого вытеснения я привел в подстрочном примечании к «Заключению» автора. Обратите внимание, что модель вовсе не предполагала какие-то особенные зверства новой породы по отношению к «старой». (Хотя без войн, конечно, не обошлось, так не бывает). Различие состояло в том, что при том уровне развития производительных сил, при тех климатических условиях и при тех условиях конкуренции «новая порода» имела смертность детей 50%, а «старая порода» – 87,5%.

Всё! Этой разницы в процентах выживаемости было достаточно, чтобы в течение нескольких столетий «старая порода» почти полностью исчезла, и ее во всем ареале обитания сменила

«новая порода». (Конечно, происходила и ассимиляция и метизация, но мы здесь рассматриваем базовый процесс).

А процентная разница в общем-то и не очень заметная, если отсутствуют точный учет и точная статистика, если видны только отдельные, не обобщенные и не обобщаемые случаи – у той умерли дети, у того погибли сыновья...

В той модели использовался параметр «8 детей у средней женщины». Нужно понимать, что это средний показатель у тех женщин, которые вообще вступили в воспроизводство населения; сюда не входят те, кто умерли в младенчестве, кто были убиты в девичестве, кто остались бесплодными, кто ушли в монастырь (перечисленные входят в состав тех 50 или 87,5 процентов). Ну, а если женщина вступила в процесс воспроизводства, то у нее в среднем 8 родов за период жизни (не важно – выжили, не выжили дети – это опять дело тех процентов выживаемости), главное – родила 8 раз. Много ли это, или мало?

Моя прабабушка (Кате Эгле в конце 19-го века) родила 14 детей. Если ее соседка рядом родила только двоих, то средний показатель у них обеих будет – 8 детей (те самые, принятые в модели).

В той модели «границу будущего СССР» перешли всего 16 славян. А, может быть, перешла бóльшая группа?

В той модели славяне перешли «границу будущего СССР» только в 378-м году нашей эры, одновременно с Адрианопольской битвой, ознаменовавшей конец Римской империи. А, может быть, перешли раньше?

Так что параметры модели скорее занижены, против реальных, нежели завышены. (Каждый, кто владеет математикой в размере курса советской средней школы, может сам посчитать следствия процесса при других параметрах).

И, тем не менее, даже при этих заниженных параметрах, к моменту монгольского вторжения (Киев взят в 1240 г.) потомков тех «вошедших» шестнадцати славян должно было быть уже порядка 50 миллионов – целая Римская империя – и, чтобы существовать, они несомненно должны были вытеснить балтов и финноугров из экологической ниши.

Это, пожалуй, всё, что я хотел бы сказать по поводу – повторю еще раз: замечательной – статьи Сергея Ухова.

Валдис Эгле

15 октября 2008 года

Приложение № 1. Этнонимы для ХРОНОСа

2008.10.13 16:50 понедельник

В начале 2007 года я однажды наткнулся в Интернете на какую-то статью из сайта ХРОНОС, в которой утверждалось, что настоящая фамилия Гитлера – Шикльгрубер (такое пишет даже БСЭ-3, но меня возмущает, что эта безграмотность продолжается и теперь – в Интернете: Адольф Гитлер НИКОГДА не носил фамилии Шикльгрубер; такую фамилию носил его отец Алоис в молодости, но 6 января 1877 года – за 12 лет, 3 месяца и 24 дня ДО рождения Адольфа – он поменял ее на фамилию «Гитлер» – так как был официально усыновлен человеком с такой фамилией. А Адольф родился уже Гитлером, и всю жизнь им и оставался).

Так как на сайте был указан адрес электронной почты владельца сайта – Вячеслава Румянцева – то я и написал ему, указав на эту ошибку. Он ответил, что он «не специалист по Гитлеру», и предложил мне написать что-нибудь для его сайта. Я посмотрел, что бы такое я мог бы для него написать, увидел, что у него имеется ряд хорошо знакомых мне этнонимов, под которыми еще нет никаких статей, и так я написал статьи для этих его заготовок. Он поместил эти статьи в <http://www.hrono.info/etnosy/latvieshi.html> и связанных местах.

Текст, который я ему послал, приведен ниже.

Некоторые этнонимы

2007.01.24 22:43 среда

Латвиешы

Латвиешы (latvieši; ед.число – latvietis) – самоназвание латышского народа («ие» здесь произносится как дифтонг, специфический для латышского языка, а не как отдельные звуки «и-е»). Синонимом этого слова является название «латвьи» (latvji; ед.число – latvis); ныне это поэтическое обозначение, но до 19-го века было обиходным, а в единственном числе и основным обозначением представителя латышского народа.

Первоначальная форма слова, видимо, была «latīši» (еще без появившегося позже «в» и с длинным «и» вместо дифтонга «ие»), и от этой формы самоназвания произошло русское слово «латыши» (см. *латыши*). Длинное «и» вместо дифтонга «ие» характерно для восточно-латышских диалектов (см. *латгалы*, *латгальцы*), т.е. для племен, наиболее тесно соприкасавшихся с русскими. Появление в слове звука «в», видимо, было связано с тем, что одновременно с самоназванием-этнонимом «latīši» (где «lat» корень, а «īši» – обычное окончание для группы людей, связанных с предыдущим корнем) существовал и топоним «Latva» (где «lat» корень, а «va» – обычное окончание для обозначения местности, связанной с предшествующим корнем). От этого названия местности (страны) позже был образован новый этноним – уже со звуком «в» в его составе – как обозначение жителей этой страны, и он вытеснил прежнее самоназвание. Таким образом, старое самоназвание не было связано с местностью, а только с корнем «лат»; новое же связано с обозначением местности (страны).

Корень «лат» встречался также в формах «лет» (от этой формы, например, немецкое название латыша: der Lette) и в форме «лот» (от этой формы, к примеру, польское обозначение латыша: lotysz), т.е. гласная была бегящей, и основной смысл несли опорные согласные корня: «L-t». Этот корень в древних индоевропейских диалектах обозначал течение, воду или вообще мокрое место (река, озеро, болото), поэтому по всей Европе существует много гидронимов, содержащих корень «L-t» (например, Полтава – это земля «по Лтаве», т.е. по берегам реки Лтавы).

Название «латвиешы» в конечном счете происходит от этого индоевропейского «корня гидронимов», от обозначения воды (кстати, латинов-римлян, видимо, тоже). По гипотезе латыш-

ского ученого Константина Карулиса (автора «Латышского этимологического словаря», 1992) существовала когда-то какая-то река, похожая на ту Лтаву, которая дала современное название Полтаве, и от этой реки пошло название области, а потом этноса. Трудности этой гипотезы состоят во-первых, в том, что таких гидронимов было очень много (т.е. и латышских народов тогда должно было быть множество), и, во-вторых, в том, что психологически трудно представить, как гидроним мог стать САМОназванием этноса.

Другую гипотезу выдвинул публицист и исследователь латышской и балтской мифологии Виктор Даугмалис. Согласно этой гипотезе самоназвание не шло непосредственно от гидронима, а посредством культа Латы, существовавшего когда-то среди древних балтов (и, видимо, не только балтов). Раннее самоназвание «latīši», как мы помним, еще не было связано с местностью, со страной (в отличие от более позднего самоназвания «latvīši»), и, возможно, было самоназванием последователей этого культа. Культ Латы (богини воды и плодородия) включал определенную идеологию, ритуалы, собственную, характерную только для последователей этого культа, систему земледелия. Последователи культов вообще охотно используют центральные элементы своего культа для самоидентификации (например: «христиане»), поэтому с психологической точки зрения гораздо легче предположить, что самоназвание с корнем «лат» произошло от культа, нежели от названия реки. Культ богини Латы (очень похожий на мифологию древних балтов) существует и по сей день в виде небольшой секты в Индии.

Латыши

Латыши – этим словом в современном русском языке обозначается коренной народ теперешней Латвии. Однако этот народ образовался только в 16-м – 17-м столетиях путем слияния четырех балтских народностей (см. *латгалы, курши, земгалы, селы*), а также ассимиляции одной финно-угорской народности (см. *ливы*). Но слово «латыши» гораздо старше 16-го века (как в русском языке, так и, тем более, в тех языках, откуда оно было позаимствовано). В таком случае можно спросить, кто же обозначался этим словом до того, как сформировался нынешний латышский народ?

Н.М. Карамзин во второй главе своей «Истории государства Российского» пишет: «*Между сими иноплеменными народами, жителями или соседями древней России, Нестор именует еще Летголу (Ливонских Латышей), Зимголу (в Семигалии), Корсь (в Курляндии) и Литву, которые не принадлежат к Финнам, но вместе с древними Пруссамы составляют народ Латышский.*»

Итак, здесь «латышским народом» названы вообще все балты: включая и пруссов, и литовцев.

С другой стороны, по-особенному «латышами» именуется латгалы (летгола = ливонские латыши, а земгалы и курши – не ливонские латыши!).

Таким образом, видно, что во времена до формирования современного латышского народа словом «латыши» у русских обозначались в узком смысле латгалы, а в широком смысле – все родственные им балтские народы.

Именно латгалы принесли корень «лат» в современную Латвию и тем самым дали ей имя; но сами они получили это имя отнюдь не в Латвии, а еще там, откуда они пришли, – в верховьях Даугавы (Зап. Двины). Именно там, на территории современной Белоруссии и приграничных областей России жил тот народ, который, как можно предположить, исповедовал культ Латы и поэтому называл себя «latīši» (см. *латвиеши*); именно там пришедшие славяне впервые с ним встретились и приняли его самоназвание в качестве слова своего языка: «латыши»; именно там находилась их страна Латва.

Тот народ, «первые латыши», исчез еще в конце I тысячелетия н.э.: частично был истреблен на войне, частично был оттеснен в бесплодные места и вымер, частично был ассимилирован в русском (и особенно в белорусском) народе, а одна его часть в виде латгалов ушла на запад и в конце концов влилась в другой, в новый народ – «вторых латышей». Но «первые латыши» оставили заметный след в России и русском языке – в виде множества балтских («латышских») топонимов, и во множестве русских и белорусских прозвищ и фамилий типа Латышев, Лотыш и т.п., и даже отмеченного В. Далем слова «латышать» (происходящего, очевидно, от того, как «первые латыши» неправильно и с акцентом говорили по-русски).

Вновь образовавшийся у моря в низовьях Даугавы народ унаследовал (через латгалов) его имя и начал другую жизнь в современном мире.

Современные латыши как народ образовались путем слияния пяти прежних народностей – четырех балтских и одной финно-угорской.

Территориальное размещение этих пяти этнических элементов показано на карте ниже:

О едином латышском народе (уже без племенных различий) можно говорить с 16-го века, но окончательно народ сформировался только в 20-м веке (см. *латгальцы*). Об особенностях хода этногенеза см. в статьях, посвященных отдельным этническим элементам (*латгалы*, *латгальцы*, *куруши*, *земгалы*, *селы*, *ливы*).

После немецкого завоевания Ливонии (в т.ч. современной Латвии) в 13 веке местная аристократия, ставшая вассалами архиепископов и Ливонского ордена, смешалась с пришлыми рыцарями и онемечилась, образовав то сословие, которое позже стало называться «немецкими баронами» (прибалтийскими немцами). Латышский же народ консолидировался как народ почти исключительно крестьянский (не считая немногочисленных ремесленников в Риге и других городах).

Численность латышей сильно колебалась, сокращаясь после таких потрясений как Ливонская (1558–1583), Польско-шведская (1600–1629) и Северная (1700–1721) войны, и возрастая в мирное время. Число латышей в 1800 году можно оценить в 500 000. За 19-е столетие, когда Латвию почти не затронули никакие войны (даже Наполеон прошел в общем-то мимо) численность народа утроилась и достигла к концу 19-го столетия (перепись 1897 года) более 1,6 миллиона, из них 1,5 миллиона в Латвии и более 110 тысяч в других областях России. (Эмиграция на Северный Кавказ, а потом и в Сибирь, Башкирию, Петербург началась с 1840-х годов, когда Латвию поразили неурожай и жестокий голод).

1905 год, когда общее число латышей могло достигнуть 1,7 миллионов, был первым сильным потрясением после мирного и плодородного 19-го столетия – с этого момента прирост населения оборвался; потом следовали еще большие потрясения – Первая мировая и Гражданская война. В 1935 году число латышей все еще 1,7 миллиона – 1,5 миллиона в Латвии и около 200 тысяч в России. Новым потрясением были геноцид против латышей в России в 1930-х годах (среди примерно 200 тысяч находившихся в России латышей было расстреляно все

взрослое мужское население почти поголовно) и Вторая мировая война, также сопровождавшаяся репрессиями и депортациями. Перепись 1959 года в СССР зафиксировала 1,4 миллиона латышей, из них неполных 1,3 миллиона в Латвии и 100 тысяч в России. Кроме того, в Западных странах находилась диаспора численностью около 200 тысяч – беженцы 1944 года, оставившие Латвию при приближении Красной армии. Перепись 1989 года зафиксировала в Латвии 1 387 000 латышей, что все еще на 79 тысяч меньше, чем в 1935 году.

Среди российских и западных латышей происходила ассимиляция, и сокращалось число людей, еще считающих себя латышами. В результате в 2005 году – столетие спустя – латышей в мире около 1,6 миллиона – меньше чем в 1905 году.

После восстановления независимости Латвии в 1991 году ожидаемое улучшение не наступило. Демографические показатели отрицательны – численность народа продолжает сокращаться. Кроме того, после падения «железного занавеса» и особенно после вступления Латвии в Европейский союз началась массовая эмиграция латышей на Запад.

Латгалы

Латгалы (latgaļi, letgaļi, letgoļi, lotgoļi) – древнебалтское племя, позже вошедшее в состав нынешнего латышского народа и давшее имя этому народу, а также стране Латвии. Слово является составным и включает два корня: «лат» (о нем см. «латвиеш») и корень «гал, гол» (край, область), т.е. слово «латгалы» означает: жители края Латы.

В русской Повести временных лет («Несторовской летописи») 11-го и 12-го веков латгалы называются «летьгола» и «лѣтьгола»; в латиноязычной Индриковской (Генриковской) хронике 13-го века: «Lethigalli», «Letigalli» и «Lethi», в Новгородской хронике 13-го века также: «Лотыгола» (где «ы» соответствует появившемуся уже в самоназвании звуку «в»).

Несмотря на то, что от наименования латгалов происходит современное название Латвии, сами они пришли на территорию теперешней Латвии в 9-м – 10-м веках, отступая под давлением славян вдоль Даугавы (Зап. Двины) с ранее занимаемых ими земель в теперешней Белоруссии и приграничных областях России. Прибыв на территорию нынешней Латвии, они оттеснили другие балтские племена (в первую очередь селов – см. *селы*) и, в особенности, ливов (см. *ливы*) и эстонцев, ожесточенная война с которыми продолжалась весь период, предшествовавший немецкому завоеванию Ливонии, и способствовала этому завоеванию.

Основными государственными образованиями (княжествами) латгалов перед немецким вторжением были Ерсика (Gerzika, Gercike, Gerceke), Талава (Толова), Кокнесе (Кукейнос) и Атзеле (см. карту при статье «латыши»). В немецко-латинских хрониках времен завоевания правитель Ерсика Висвалдис (Vissewalde, Wiscewolodus) единственным из местных правителей именуется Rex (король), и свою власть он получил по наследству от предков. Висвалдис был православным князем, по отцовской линии он происходил из Полоцких князей и приходился им родственником; в русских и польских источниках он именуется Всеволодом. Но по женской линии его предками очевидно были латгалы; он родился в населенной латгалами территории, вырос в окружении латгалов, и «рабочим» языком его двора, видимо, был латгальский (латышский), раз в немецких хрониках он появляется как Висвалдис (Vissewalde). Он был женат на дочери литовского князя Даугерута, и на войне всю жизнь выступал союзником литовцев – как против немцев, так и против русских. Проиграв войну с немцами, он стал их вассалом (1209) и выдал свою дочь за немецкого рыцаря.

Княжеством Талавы в это время правил Таливалдис с сыновьями, и им подчинялась также земля Атзеле (иначе называемая Pī Tālova – придаток Талавы: от этого название современного города Пыталово, находящегося на территории бывшей Атзеле).

После немецкого завоевания (13-й век) латгалы составляли основное население юго-восточной части Ливонии (т.е. восточной части современной Латвии). Во время Ливонской войны (1558–1583) и вторжения войск Ивана Грозного ливонские власти обратились за помощью к Польше, Дании и Швеции. В результате в 1561 году было образовано Задвинское герцогство, подчинявшееся непосредственно польскому королю и управляемое назначенным им губернатором. Это герцогство охватывало все населенные к тому времени латгалами земли, и в этом герцогстве латгалы составляли большинство населения.

Польско-шведская война (1600–1629) закончилась Альтмаркским перемирием (1629), по которому Задвинское герцогство было разделено на две части по реке Айвиексте: западная часть отошла к Швеции как Лифляндия, а восточная часть осталась Польше под названием «Инфлян-

ты». Тем самым латгалы как этнос были расколоты на две ветви, дальнейшие пути которых резко разошлись.

Западные латгалы под властью шведов были окончательно обращены в лютеранство (Реформация началась еще в ливонское время, но в Задвинском герцогстве при поляках шла рекатолизация). Западные латгалы все больше слились с куршами, земгалами и селами (см. *курши, земгалы, селы*) и стали рассматриваться как часть единого латышского народа. В это время (17-й век) был образован латышский литературный язык (переводами отдельных религиозных текстов, а потом и всей Библии). Литературный язык был образован на основе земгальского диалекта, и остальные племена (в том числе западные латгалы) по мере приобщения к общелатышской письменной культуре утрачивали особенности своей речи и самобытности. Уже к середине 19-го века (во время т.н. Атмоды – «Пробуждения» латышского народа) западные латгалы не представлялись как нечто отличающееся от других латышей (куршей, земгалов, селов), а к началу 20-го века практически полностью перешли на литературный язык, оставив свой диалект.

Восточные латгалы, напротив, под властью поляков были окончательно возвращены в католичество, полностью сохранили свой диалект, и вплоть до образования независимого Латвийского государства в 1918 году почти не имели связей с потомками других латышских племен. Их обособленность к началу 20-го века достигла такой глубины, что можно было сомневаться – принадлежат ли они к латышскому народу или же представляют собой самостоятельный народ; является ли их язык (очень глубоким) диалектом латышского языка или это отдельный язык. Восточные латгалы стали латгальцами (см. *латгальцы*).

Латгальцы

Латгальцы (на литературном латышском «latgalieši»; на собственном диалекте «latgalīši») – коренное население восточной части Латвии (Латгалии). Термины «латгальцы» и «Латгалия» были введены в латышский язык только в начале 20-го века (предложил Ф. Кемп в 1900 г.) и от латышского перешли в другие языки. До этого латгальцы по-русски именовались неопределенно «литовское племя» (энциклопедия Брокгауза-Ефрона и др.), а их земля – «Инфлянты Польские».

Латгальцы являются потомками восточной части латгалов (см. *латгалы*), этнос которых был разделен Альтмаркским перемирием 1629 года. С этого момента и вплоть до образования Латвийской Республики в 1918 году латгальцы (т.е. восточные латгалы) были административно отделены как от западных латгалов, так и от других племен (куршей, земгалов, селов), образовавших латышский народ.

Латгалия до 1772 года принадлежала непосредственно Польше, в то время как остальные части современной Латвии представляли собой либо провинцию Швеции (Лифляндия), либо почти самостоятельное государство – Курляндское герцогство, лишь номинально считавшееся вассалом Польши. Разрыв между латгальцами и остальными латышами усиливался религией: латгальцы были католиками, в то время как остальные латыши – протестантами. Хотя Лифляндия и Курляндия входили в состав разных государств, но их объединяла общая религия и то обстоятельство, что в обеих провинциях правило немецкое дворянство. Под покровительством этого дворянства и в интересах этой религии в обеих провинциях лютеранскими священниками был введен единый литературный латышский язык. Католической Латгалии же этот процесс не коснулся. Немецкое дворянство ливонских времен в Латгалии исчезло (сменилось на польское, а немногочисленные оставшиеся роды ополячились), поэтому дворянство Латгалии не участвовало в общих делах (немецкого) дворянства Лифляндии и Курляндии.

Несмотря на то, что в течение 18-го столетия все части нынешней Латвии вошли в состав Российской империи, но попали они туда тремя разными путями, и в империи тоже были существенно разделены. Лифляндия и Курляндия образовали самостоятельные губернии и (вместе с Эстляндией) принадлежали к трем Балтийским (т.н. «немецким») губерниям, в то время как Латгалия (после недолгих колебаний по другим административным единицам) с 1802 года вошла в состав Витебской губернии вместе с обширными землями нынешней Белоруссии. Политика царского правительства совершенно различалась в Балтийских и в Витебской губернии. Так крепостное право было отменено в Курляндии в 1817 году, в Лифляндии в 1819 году, а в Витебской губернии только в 1861 году – одновременно с основной массой Российских губерний. Это еще больше увеличило разрыв между латгальцами и остальными латышами. В то время, когда латгальцы только перестали быть крепостными, в остальной Латвии успела уже развиться бурная культурная и предпринимательская деятельность. К концу 19-го столетия

большинство латгальцев были безграмотны, а в остальной Латвии безграмотность уже почти исчезла.

Кроме того, царское правительство после двух польских восстаний проводило интенсивную политику для ослабления польского влияния в губерниях, ранее входивших в состав Польши, в том числе в Витебской губернии и, значит, в Латгалии. В рамках такой политики в этих губерниях запрещалось использовать латинский шрифт (и тем самым была запрещена письменность на латгальском языке; запрет действовал 40 лет: 1864–1904), разрешались только русские школы, всеми силами поощрялся переход населения в православие и проводилась организованная колонизация страны православными, преимущественно – русскими (например, в Латгалии выдавалась земля отслужившим 25 лет русским солдатам). Все эти мероприятия еще больше способствовали упадку латгальцев по сравнению с протестантскими латышами, а также существенной русификации латгальцев и Латгалии.

На смене 19-го и 20-го столетий разрыв между латгальцами и протестантскими («балтийскими» – по названию Балтийских губерний) латышами был настолько глубок, что было мало оснований считать их двумя частями одного народа. Официальная статистика Российской империи и не считала так. Коренное население Лифляндской и Курляндской губерний в переписях именовалось латышами, а коренное население «Польских Инфлянтов», т.е. латгальцы, именовались «литовским племенем» и, таким образом, с точки зрения официальной России принадлежали скорее к литовцам, чем к латышам.

Возможно, что Латгалия сегодня и не принадлежала бы Латвии (и, соответственно, общепринятым считалось бы, что латгальцы – независимый, хоть и родственный латышам и литовцам, народ, а их язык – не диалект латышского, а самостоятельный, родственный язык), если бы не два процесса, произошедших в самом начале 20-го века.

Первый процесс – это революция 1905 года. В Балтийских (двух латышских) губерниях она была особенно активной, и ее поражение выбросило огромную массу латышей за пределы этих губерний – в западную эмиграцию, в Сибирь, на Кавказ, в российские города... Но многие лишь перебежали границу губерний и осели в соседней, Витебской губернии – в Латгалии. Причем это были преимущественно люди, общественно активные – учителя, деятели культуры и т.п. Их появление в Латгалии и их общественная деятельность, с одной стороны, настроило самих латгальцев на союз с Балтийскими губерниями и, с другой стороны, их личное участие в съездах 1917 и 1918 годов (теперь уже в качестве представителей Латгалии) имело определяющую роль в решениях этих съездов о присоединении к Латвии.

Второй процесс – это уже упомянутая политика царского правительства по колонизации бывших польских губерний православными поселенцами. Этим воспользовались и латыши. Многие, отбросив лютеранство, переходили в православие с одной целью: получить от царского правительства землю на льготных условиях – преимущественно в Латгалии. Так в Латгалии появилась значительная диаспора бывших протестантских, а ныне православных латышей, в противоположность коренным латгальцам говоривших на литературном латышском языке. Эти колонисты тоже были заинтересованы признать Латгалию частью Латвии, а латгальцев – частью латышского народа.

В результате к 1917 году эта точка зрения уже доминировала как в латышских Балтийских губерниях, так и в самой Латгалии – и отразилась в решениях делегатов на разных съездах того времени. Эту точку зрения разделяли как коммунистические, так и буржуазные деятели: у них не было разногласий насчет общих границ Латвии, и они расходились лишь в том, какое общественное устройство должно быть установлено в этих границах. (Сами латгальцы как относительно малограмотная в то время и отсталая часть населения во всех этих процессах приняли минимальное участие).

Оказавшись в составе Латвийской Республики, латгальцы были сравнительно оппозиционны к ней по сравнению с «балтийскими» латышами. Но 20-летнее (1920–1940) пребывание в составе латышского национального государства, конечно, сблизило их с протестантскими латышами и укрепило в них самосознание себя в качестве (все-таки!) части латышского народа, хотя и части дискриминируемой со стороны «настоящих» латышей. Среди латышей укрепились презрительное прозвище латгальцев: «чангали» (*čangaļi* – что означает отбросы при очистке зерна), а среди латгальцев в ответ прозвище для латышей: «чиули» (*čiuli* – что на латгальском диалекте означает сноп пустой соломы). Эти прозвища в Латвии известны каждому.

Всё же рижское правительство относилось к вновь присоединенной Латгалии как к равноправному члену Республики. 11 августа 1921 года были изданы Правила кабинета министров,

которые обязывали все государственные учреждения (по всей Латвии, не только в Латгалии) принимать от учреждений и частных лиц документы на латгальском языке, а в Латгалии учреждениям разрешалось вести делопроизводство – а в школах обучение – на латгальском языке. Тем самым в Латвии фактически были введены два государственных языка.

Несмотря на такое разрешение, фактическое распространение латгальского языка в официальной сфере и в сфере просвещения было невеликим даже в Латгалии. К тому времени в Латгалии проживало уже много «балтийских» латышей, и состав учеников в школах, как правило, был смешанным, что затрудняло ведение обучения только на латгальском языке. Кроме того, начальное обучение на латгальском языке затрудняло дальнейшее получение высшего образования и ограничивало возможности карьеры по всей Латвии, поэтому многие латгальцы предпочитали обучение на литературном языке.

Когда 15 мая 1934 года Карлис Улманис совершил государственный переворот и установил авторитарный режим, он отменил правила 1921 года, и в Латвии остался только один государственный язык – литературный латышский. Латгальская пресса все же сохранилась, хоть и уменьшилась.

В советское время также не существовало школ с латгальским языком обучения, и латгальцы вынуждены были выбирать либо литературно-латышские школы, либо русские, и, в отличие от довоенного времени, многие выбрали русские, таким образом окончательно обрусев. Латгальская пресса не издавалась.

После восстановления независимости Латвии в 1991 году латгальская деятельность значительно активизировалась, латгальский язык сразу стал виден в Латвии: появилось множество изданий, а потом интернетовских сайтов на латгальском языке; многие латгальцы сегодня демонстративно подчеркивают свою латгальскую принадлежность и разговаривают на своем диалекте даже при общении с латышами (хотя и владеют, конечно, литературным языком). Иногда обсуждается возможность восстановления правил 1921 года, но, видимо, в этом серьезно не заинтересованы даже латгальцы. В целом их устраивают перспективы, открывающиеся с полным владением литературным языком, при этом щеголяя латгальским диалектом и латгальским происхождением как экзотической приправой. Реально вопрос о «правах латгальцев» поднимается не самими латгальцами (у которых нет проблем с литературным латышским языком), а русскими «интерфронтовского» толка (у которых такие проблемы есть), и преследуют они при этом совсем другие цели, а не защиту латгальцев.

Точное количество латгальцев определить трудно, так как границы между ними и «балтийскими латышами» расплывчаты. Многие латгальцы, переселившиеся в другие части Латвии, уже не знают диалекта предков. Официальной статистики нет, так как в списках переписей и анкетах, где указывается национальность, не делается разницы между латгальцами и другими латышами. В довоенное время число латгальцев может быть оценено в 300 000 (около 1/5 латышского народа), а в 1990-е годы в 200 000 (около 1/7 латышского народа); из последних около 150 000 считают латгальский диалект своим родным языком.

Наиболее известным в России представителем латгальского этноса является первая Российская императрица Екатерина I. Часто встречаемое в русских источниках утверждение, будто она то ли литовского, то ли польского происхождения, является недоразумением, вызванным тем, что она родилась на территории, принадлежавшей в то время Польше, и вышла из народности, не имевшей в то время для русских другого наименования как «литовское племя». Она родилась в Латгалии и была латгалькой.

Курши

Курши (по-латышски *kurši*, более древняя форма *kursi*, ед. число *kursis*; в древнерусских летописях *корсь*, *кѣрсь*; немецко-латинское *Curones*) – балтская народность до 16-го века, потом вошедшая в состав нынешних латышского и литовского народов.

В течение 6-го – 12-го веков курши постепенно продвигались на север, отесняя ливов (см. *ливь*) и заняли то положение, в каком их застигло немецкое завоевание (см. карту при статье *латыши*). В 9-м – 11-м веках курши были довольно сильным народом, и не только смогли отразить нападение и попытку вторжения на Курсу викингов – бича всей тогдашней Европы – но, будучи хорошими мореплавателями, отправлялись в ответные грабительские походы в Данию и Швецию. Еще в 12-м веке в церквах Дании одной из самых распространенных молитв была: «Боже, упаси нас от куршей!».

В 13-м веке основная масса куршей приняла христианство и подчинилась наместникам Папы Римского – Курляндскому епископу и Ливонскому ордену. Но в этом подчинении курши по сравнению с другими подчиненными протолатышскими племенами сохранили относительно привилегированное положение (например, знаменитые «kuršu kōniņi» – полукрестьяне-полудворяне). Часть куршей осталась южнее границы между Ливонией и Литвой – впоследствии они слились с литовцами. Курши, жившие севернее этой границы, к 17-му веку слились с соседними земгалами (см. *земгалы*) и далее с селами (см. *селы*). С образованием и распространением латышского литературного языка (на базе земгальского диалекта) большинство особенностей куршского языка стерлись, но некоторые, наоборот, распространились на весь литературный латышский язык.

Этимология корня «кур» не ясна. Существует много гипотез, но нет убедительных.

Земгалы

Земгалы (по-латышски *zemgaļi*, более древняя форма *ziemgaļi*, ед. число *zemgalis*; в древнерусских летописях *зимѣгола*, *зимигола*; немецко-латинское *Semigalli*) – балтская народность до 16-го века, потом вошедшая в состав нынешних латышского и литовского народов.

Название в его древней форме означает «люди северного края» (*ziemas gala*), т.к. в 1-м – 6-м веках н.э., до продвижения на север куршей (см. *курши*) и латгалов (см. *латгалы*) земгалы были самым северным балтским племенем в этом регионе. Позже это значение, ставшее уже не соответствующим действительности, забылось, и *зиемгалы* стали восприниматься и произноситься как *земгалы* («люди нижнего края»), хотя никаких особых низин в их области не было.

Из всех протолатышских племен земгалы оказали самое упорное сопротивление немецкому завоеванию, под руководством вождей Виестарта и Наменя многократно нанесли поражение крестоносцам (наиболее знаменита т.н. «Солнечная» битва – *Saules kauja* – 1236), а когда не могли уже сопротивляться, то около ста тысяч земгалов снялись с места, сожгли все свои замки и ушли в Литву. Главными городами земгалов были Межотне, Тервете и Даугмале (см. карту при статье *латыши*).

Когда в результате Ливонской войны в 1561 году образовалось Курляндское герцогство, то его столица сначала на краткое время находилась в Селпилсе (Селбурге) на территории селов, потом в Кулдиге (Голдингене) на территории куршей, но в конце концов прочно обосновалась в Елгаве (Митаве) на территории земгалов. Это обстоятельство имело решающее значение для того, что основой латышского литературного языка стал именно земгальский диалект. Первые переводы церковных текстов на латышский язык осуществлялись по прямому поручению Курляндских герцогов, и в качестве образца языка брался язык областей, наиболее близких к столице герцогов. Кроме того, именно из земгалов формировалось первое латышское население Риги, и, таким образом, земгальский диалект был также языком рижских латышей.

Когда с 1660-х годов по поручению шведских королей переводом Библии на латышский язык занялись в Лифляндии, существовала уже курляндская традиция таких переводов, и лифляндские переводчики ездили консультироваться к курляндским и пользовались составленными ими словарями и грамматиками, таким образом распространив литературный (т.е. земгальский) язык и на Лифляндию (принадлежавшую в то время совсем другому государству).

Еще большему распространению земгальского диалекта в Лифляндии способствовала Северная война (1700–1721). Многолетние действия русских войск под руководством боярина (будущего графа) Шереметева в шведской заморской провинции Лифляндии были настолько опустошительны и вызвали такой голод и мор, что многие местности оказались полностью лишены населения. Поэтому после прекращения военных действий многие дворяне закупали крестьян в не пострадавшем от войны Курляндском герцогстве (больше всего земгалов как географически наиболее близких) и переселяли их в Лифляндию. Особенно пострадавшими во время войны оказались области, ранее населенные ливами (см. *ливы*), и они были заполнены носителями земгальского языка.

Селы

Селы (по-латышски *sēļi*, ед. число *sēlis*) – балтская народность до 16-го века, потом вошедшая в состав нынешнего латышского народа (см. карту при статье *латыши*).

К моменту немецкого завоевания в 13-м веке селы были наиболее слабым из протолатышских племен – видимо, потому что перед этим были сильно потеснены и частично уже

ассимилированы пришедшими с верховья Даугавы латгалами (см. *латгалы*). Административный центр Селонии – Селпилс – был взят крестоносцами в 1208 году.

Корень «сел», видимо, происходит от индоевропейского «*selos» – озеро. Т.е. название «сели» означает «жители озерной земли». «Озерной землей» в Латвии и поныне называется Латгалия. Это еще раз подтверждает, что селы первоначально обитали в теперешней Латгалии, но были оттуда вытеснены пришедшими латгалами.

После Северной войны селы, подобно земгалам (см. *земгалы*) переселялись дворянами из Курляндской губернии в Лифляндию и оставили там свой след в виде селских наречий.

Ливы

Ливы (по-латышски lībieši, ед. число lībietis; по-ливски liibi; древне-русская либь, латинское Livones, немецкое Liven) – финно-угорская народность, проживавшая на территории нынешней Латвии и давшая название Ливонии и Лифляндии. Если бы ливы оказались в одном административном образовании с более северными финно-угорскими племенами (впоследствии образовавшими эстонский народ), то они, конечно же, слились бы с эстонцами.

Но западные ливы оказались изолированы на севере Курского полуострова (см. карту при статье *латыши*), после Ливонской войны попали в Курляндское герцогство и в дальнейшем все время жили вместе с балтским (латышским) большинством, в результате чего к 20-му веку почти полностью ассимилировались, оставив в местах своего обитания особый, ливский диалект латышского языка.

Восточные ливы, жившие на противоположном берегу Рижского залива, легче могли слиться с эстонцами, т.к. имели с ними непосредственную границу. Но на их этническую судьбу решающее влияние оказала Северная война. Ливы, как и жители соседних латышских областей, были почти полностью истреблены войсками будущего графа Шереметева и шедшими вслед за ними голодом и эпидемиями. А потом ливские земли по воле дворян были заполнены переселенцами из Курляндской губернии (см. *земгалы*). Остатки восточных ливов были ассимилированы латышами в середине 19-го века. В начале 20-го века среди старшего поколения были еще люди, помнящие «живых ливов» и знавшие отдельные слова их языка (но не сам язык).

Несколько лучше было положение с западными ливами. Перепись 1881 года там зафиксировала 2400 ливов, а перепись 1897 года – 1312 ливов (но это число считают заниженным из-за ошибки обработчиков данных, причисливших часть ливов к литовцам). В 1920 году в Латвии фиксирован 831 лив, а в 1926 году – 1238 (в промежутке вернулась часть Курляндских беженцев из России). Перепись 1959 года зарегистрировала в Латвии 185 ливов, 1970 года – 48. В настоящее время (2007) не известно ни одного лица младше 65 лет, для кого ливский язык был бы родным. Ливский язык знают несколько человек самого старшего поколения, и несколько десятков изучили его как иностранный язык.

Латвийская Республика официально признает себя родиной латышей и ливов. Существуют программы по восстановлению ливского языка и культуры (сотрудничая при этом с родственными ливам эстонцами и финнами). Признание себя потомком ливов в Латвии считается довольно престижным, и иногда таковыми себя объявляют люди, на самом деле не имеющие ливских предков.

Происхождение (этимология) корня «лив/либ» не известно.

Другие

Земигола – один из поздних вариантов названия земгалов в русских документах (см. *земгалы*).

Зимегола – один из ранних вариантов названия земгалов в русских документах (см. *земгалы*).

Корсь – древнерусское название куршей (см. *куриши*).

(Примечание для Редактора: в настоящее время на сайте Хроноса ошибочно указано, что Корсь была финно-угорским народом; это балтский народ).

Приложение № 2. Тетрадь «ЮНЭСКО»

Ниже приведен фрагмент из книги {[R-RULES](#)}, содержащий «тетрадь» под названием «ЮНЭСКО»; первая глава этого текста была написана по-латышски осенью 1965 года, когда я был студентом первого курса Латвийского ГУ, а остальные четыре – по-русски в 1983 году. Номера пунктов сохранены такие, каковы они в книге RULES.

1. ЮНЭСКО

1965.11

(раньше на 41 год, 2 месяца)

.18. Сообщение комиссии ЮНЭСКО: в 1964 году численность населения мира, также как и в предыдущие годы, возросла на 2%, а объем производства пищевых продуктов на 1%.

.19. Что означает первая часть этого сообщения? По формуле прироста процентов:

.20. (Примечание редакции: по техническим причинам ниже будет использоваться не традиционная школьная запись математических формул, а система, принятая в программировании. В этой записи приведенная выше формула выглядит так):

.21.

$$A = a (1 + p/100)^t$$

.22. Здесь a – начальная численность, A – конечная численность, p – процентная ставка, t – время. Подсчитаем, через какое время численность населения Земли удвоится.

$$2a = a \cdot (1 + p/100)^t$$

$$2 = 1,02^t$$

$$t = \lg 2 / \lg 1,02 = 0,3010 / 0,0086 = 35 \text{ (лет)}.$$

.23. Значит численность населения Земли удваивается каждые 35 лет. Здесь образовывается геометрическая прогрессия. (Что это значит: достаточно вспомнить неудачную сделку индийского принца Сирама с изобретателем шахмат). Посчитаем, что это значит для человечества.

.24. В 1965 году на Земле живут 3 миллиарда человек. Значит в 2000 году их будет уже 6 миллиардов. Для облегчения расчетов выясним общую формулу: в $(2000+m)$ -том году будет $6 \cdot 2^n$ миллиардов, где $n = m/35$.

.25. В 2140 году будет 96 миллиардов человек.

.26. Ученые утверждают, что Земля, если использовать всю ее площадь суши, может прокормить 90 миллиардов человек. В наших расчетах эта цифра существенной роли не играет. Раньше или позже люди будут основывать свои колонии в космосе, и человечество выйдет за пределы Земли и Солнечной системы.

.27. В Солнечной системе девять планет. Допустим, что на каждой из них могут жить 111 миллиардов человек, и во всей Солнечной системе примерно 1000 миллиардов человек. Солнце является во всех отношениях звездой средней, поэтому примем ее систему за стандарт и будем считать, что в системе каждой звезды могут жить 10^3 миллиардов человек.

.28. – В 2350 году будет 6138 миллиардов человек или приблизительно 6 звездных систем.

.29. – В 2700 году займут приблизительно 6000 систем.

.30. – В 3400 году займут приблизительно 6 миллиардов систем.

.31. – В 3540 году займут приблизительно 100 миллиардов звездных систем или всю нашу Галактику.

.32. (Здесь 2^{10} принято ≈ 1000).

.33. Можно утверждать, что люди будут поднимать урожайность Земли, устроят многоэтажные поля, освещаемые искусственными солнцами, будут производить пищевые продукты

без помощи растений и животных, будут строить в космосе искусственные планеты и т.д. Не будем спорить, будем считать! Наибольшее поперечное расстояние в Галактике – 100·000 световых лет. Представим теперь себе огромный куб с ребром такой длины, а внутри куба – по человеку на каждый кубический метр (!). Сколько времени потребуется, чтобы достичь такого состояния? Посчитаем объем нашего куба:

$$10^5 \cdot 365 \cdot 24 \cdot 3600 \cdot 3 \cdot 10^8$$

.34. – это длина ребра, выраженная в метрах.

$$V = (365 \cdot 72 \cdot 36 \cdot 10^{15})^3 = 365^3 \cdot 72^3 \cdot 36^3 \cdot 10^{45}$$

.35.

$$\lg(V) = \begin{array}{r|l} 3 \cdot \lg(365) & = 3 \cdot 2,5623 = 7,6869 \\ 3 \cdot \lg(72) & = 3 \cdot 1,8573 = 5,5719 \\ 3 \cdot \lg(36) & = 3 \cdot 1,5563 = 4,6689 \\ 45 \cdot \lg(10) & = = 45 \\ \hline & 62,9277 \end{array}$$

.36.

$$V = 8,5 \cdot 10^{62} \text{ m}^3$$

.37. Обозначим искомое число лет через x . Тогда через x лет будет

$$3 \cdot 2^{x/35} \text{ или } 8,5 \cdot 10^{62} \text{ человек.}$$

$$\begin{array}{rcl} 3 \cdot 2^{(x/35)} & = & 8,5 \cdot 10^{62} \\ 2^{x/35} & = & 2,83 \cdot 10^{62} \\ (x/35) \lg(2) & = & \lg(2,83) + 62 \\ x & = & ((62 + \lg(2,83)) \cdot 35) / \lg(2) \\ x & = & ((62 + 0,4518) \cdot 35) / 0,3010 \end{array}$$

.38.

$$\lg(x) = \begin{array}{r|l} \lg(62,45) & = & = 1,7955 \\ \lg(35) & = & = 1,5441 \\ -\lg(0,3010) & = & -1,4786 = 0,5214 \\ \hline & & 3,8610 \end{array}$$

$$x = 7261$$

.39. Значит через немногим более семи тысяч лет во всей Галактике и ее ближайшем окружении будет по человеку на каждый кубический метр. Здесь, как говорится, комментарии излишни. Но все-таки отметим, что для того, чтобы достигнуть периферию куба от его центра, свет должен идти 50·000 лет. Людям же дано только 7·000 лет. Значит люди должны распространяться в 7 раз быстрее света. Но теория Эйнштейна учит, что наибольшая возможная в природе скорость – это скорость распространения электромагнитных волн или света.

.40. Большой ли срок семь тысяч лет? Мы знаем, что человеческий род существует уже около миллиона лет (*это по доминировавшим в 1965 году представлениям – ред.; по доминирующим же в 1989 году представлениям существует 3 миллиона лет*). Тогда эти будущие тысячи лет составят только 1/120 долю всей истории существования человечества, ничтожную, последнюю стодвадцатую часть. Даже не говоря о том, что будет, когда человечество будет вдвое старше, чем сейчас.

.41. Проанализируем теперь, что означает вторая часть упомянутого сообщения ЮНЭСКО. Численность населения растет быстрее производства пищи. Таким образом, продовольственная норма на одного человека будет все уменьшаться. Посчитаем, через сколько лет мы будем есть в 3, 10, 100, 1000 раз меньше, чем теперь. Обозначим это количество раз через n . Через x лет будет в $2^{x/35}$ раза больше людей, чем теперь, и в $(1+0,01)^x$ раза больше пищевых продуктов (по уже

приведенной формуле прироста процентов). Людей будет n раз больше, чем этой пищей можно прокормить, сохранив нынешние нормы продовольствия. Тогда

$$\begin{aligned}
 2^{x/35} &= 1,01^{x \cdot n} \\
 (x/35) \cdot \lg(2) &= x \cdot \lg(1,01) + \lg(n) \\
 x \cdot (\lg(2)/35) - x \cdot (\lg(1,01)) &= \lg(n) \\
 x &= (\lg(n)) / ((\lg(2)/35) - \lg(1,01)) \\
 x &= (\lg(n)) / ((0,3010/35) - 0,0043) = \\
 &= (\lg(n)) / (0,0086 - 0,0043) = \\
 &= \lg(n) / 0,0043
 \end{aligned}$$

.42. Подставляя теперь вместо n нужное число раз, находим, что люди:

- через 111 лет будут есть 1 раз в день (в три раза меньше);
- через 450 лет будут есть 1 раз в месяц;
- через 700 лет будут есть 1 раз в год;
- через 900 лет будут есть 1 раз в жизни (за 70 лет).

.43. Правда, эту катастрофу можно предотвратить интенсивным использованием техники, достижений науки и т.д., т.е. повышая темпы прироста производства пищевых продуктов до темпов роста населения. Но что делать с самим ростом населения? По сделанным расчетам совершенно ясно, что это объективно, независимо от нашей воли, не может продолжаться в нынешних размерах сколь-нибудь длительное время и в будущем. Если он не прекратится естественным путем, волей неволей придется его снизить искусственно (внимание! При своем ходе мыслей, основанном на фактах и строгих математических расчетах, мы пришли к реакционным тезисам учения Мальтуса!) или же дарвинский естественный отбор уничтожит слабых, а для сильных жизнь превратится в мучительную борьбу за существование.

.44. Может быть прирост 2% в год характерен для короткого периода, для нескольких лет? Но численность населения мира в последние 35–45 лет действительно удвоилось (кроме того, надо принимать во внимание, что в этот период входит самая кровопролитная война в истории человечества – Вторая мировая война). Но что сулит нам будущее? Медицинское обслуживание людей будет всё улучшаться, болезни будут изжиты, смертность будет снижаться, продолжительность жизни увеличиваться, в результате всего этого перевес рождаемости над смертностью или естественный прирост будет еще увеличиваться. К тому же самый большой естественный прирост в настоящее время имеет место именно в тех странах, где самый низкий уровень медицинского обслуживания, где свирепствуют эпидемии бесчисленных болезней, где жизнь самая короткая. Каков же будет прирост в этих странах когда уровень культуры здравоохранения там достигнет уровня развитых стран?

.45. Значит, для того, чтобы человечество избежало насильственного, негуманного ограничения естественного прироста, единственная возможность – это надежда на то, что прирост снизится естественным путем без открытого вмешательства (что могло иметь место даже силой закона). В этом выводе мы привыкли видеть бесчеловечность, но нынешний прирост определенно объективно не может существовать (между прочим, награды матерям-героиням видимо являются весьма глупой политикой).

.46. Можем ли мы надеяться на естественное снижение прироста населения? Проанализируем некоторые данные (за 1961–1962 год).

.47. В Европе рождаемость в среднем (в год на 1000 человек) составляет 17–19 (СССР – 23,8), в Азии – 30–35, в Африке – 45–50, в Америке – 30 (в США – 22,4 а в латиноамериканских странах – 40–45). Смертность в Европе – 10 (СССР – 7,2), в Азии – 12, в Африке – 20, в Америке – 14–15 (в США – 9,5). Таким образом, естественный прирост в Европе составляет 7–9 (СССР – 16,6), в Азии – 20, в Америке – 20 (в США – 12,9), в Африке – 25–30. Следовательно, естественный прирост в странах Европы значительно ниже, чем в других частях света и в мире, невзирая на самую низкую смертность. Мы можем надеяться, что тогда, когда слаборазвитые страны достигнут культурного уровня европейских стран старой культуры, может быть снизится их рождаемость и приблизится к показателям Европы, но, с другой стороны, сразу снизится и смертность в этих странах, и поэтому прирост вряд ли снизится. И в самой Европе с ростом материального благосостояния и уровня здравоохранения не повысится ли и прирост?

.48. И даже если во всем мире прирост упадет до уровня Европы (принимая за 1%), наш упомянутый куб будет заполнен за 14,5 тысяч лет, если прирост будет только 0,5% – через 29 тысяч лет (значит все равно не согласуется с теорией Эйнштейна).

.49. Таковы факты, числа и одна «ненаучная» теория.

Балви, 1965.

Перевод с латышского 14 июня 1979.

2. Математическая модель

1983.03

(через 17 лет, 4 месяца)

.50. Медитация «ЮНЭСКО» (ныне представляющая собой предыдущую главу) была самой первой моей медитацией, то есть – письменной работой, написанной без всякого принуждения со стороны учителей, преподавателей или вообще кого бы то ни было, и посвященной каким-то философским, научным и т.д. проблемам (до этого я на аналогичных началах писал только беллетристику – романы). «ЮНЭСКО» была написана осенью 1965 года, когда я только поступил на первый курс университета и нас стали учить политэкономии капитализма, в которой вслед за Марксом утверждалось, что «мальтузианские бредни» о перенаселении – это ерунда, надо лишь свергнуть капитализм и всё будет в порядке, все будут сыты и богаты.

.51. Непосредственный толчок к написанию медитации «ЮНЭСКО» дала прочитанная где-то в периодике заметка о сообщении ЮНЭСКО, согласно которому в 1964 году, также как и в предыдущие годы, численность населения мира возросла на 2%, а производство пищевых продуктов – на 1%.

.52. В то время я уже имел большой, многолетний опыт отслеживания роста населения у размножающихся народов, и уже отлично знал, что означают эти на первый взгляд кажущиеся невинными 2% прироста населения в год. Умопомрачительные числа, выведенные в медитации «ЮНЭСКО», отнюдь не были для меня новыми и представляющими какое-то открытие (и тем более жалкими и скудоумными мне казались и кажутся отрицания угрозы перенаселения университетской политэкономией).

.53. Свой опыт в отношении демографических взрывов я приобрел таким образом: в 1961 году, где-то между седьмым и восьмым классом школы, я начал описывать свой вымышленный Н-мир (*читается: «Аш-мир» – ред.*), в котором жили сотни различных народов, таких как цолды, пеоны, перечи и многие другие, названия которых, надо думать, ничего не говорят моему читателю, но мне так же хорошо знакомы, как и слова «англичане», «немцы», и другие. Я взял за исходную точку развития своего мира открытие цолдом Торием континента Эйджии (Нового Света) в 1090 году, наделил все народы Н-мира какой-то исходной численностью и стал отслеживать их развитие, сочинял их историю, рисовал карты, разыгрывал войны и т.д.

.54. Для вычисления растущего населения моих народов мне необходим был соответствующий математический аппарат, и я обратился к отцу, который научил меня обращаться с логарифмами (задолго до того, как этого знания потребовала школьная программа).

.55. И вот тогда я на своем опыте почувствовал и с максимальной ясностью понял и оценил что такое демографический взрыв (и геометрическая прогрессия вообще).

.56. Мне казалось, что исходную численность своих народов я избрал вполне разумной – такой, чтобы спокойно развиваясь, немножко пострадав от войн и эпидемий, они к нашим дням увеличились бы в численности несколько раз и достигли соответствующий нашему времени разумный уровень. И процент прироста я взял вполне реальный – те же (уже известные мне к тому времени) 2% в год. Это примерно соответствует среднему количеству детей в семье равному четырем (в то же время я знал, что в семье моего прадеда, патриарха балвского рода Эгле – Реча Эгле – было 14 детей, из которых 9 достигли совершеннолетия; у моего деда по материнской линии выросло 5 детей, у его брата – около десяти; словом – в реальной жизни в прежние времена сплошь и рядом наблюдалось количество детей, гораздо большее, чем 4, следовательно, моя исходная величина 2% в год была скорее занижена, нежели завышена).

.57. С самого начала я установил для всех стран Н-мира коэффициент плодovitости земли и из него и территории страны вычислил максимальное число человек, которое страна может прокормить. Если численность населения в какой-нибудь стране превысила этот потолок, то излишек людей должен был либо умереть, либо эмигрировать, либо я должен был точно указать, откуда идет импорт продовольствия и в той стране соответственно учесть утечку продуктов. В

общем численность населения всего Н-мира не должна была превысить суммарный потолок, который способна прокормить планета.

.58. В начальной точке я дал своим народам порядочный резерв: действительная численность населения по сравнению с потолком составляла суммарно по всей планете где-то около 10%. Мне казалось, что с учетом войн и эпидемий этого будет достаточно для того, чтобы дожить до наших дней.

.59. Но не тут-то было! Вскоре я убедился, что мои народы способны сожрать этот резерв всего за какое-нибудь столетие (и что же они тогда будут делать все остальные столетия?).

.60. Я начал жестоко истреблять свои народы. Я пускал на них опустошительные войны. Читатель по фильмам и книгам (а, может быть, и из собственного опыта) знает, какой страшной, кровавой, жестокой была вторая мировая война. В ней погибло 20 миллионов советских граждан или немногим более 10% населения. Польша пострадала еще больше – там погибло около 20% населения (главным образом за счет польских евреев). Так вот: я посылал своим народам столь же опустошительные войны, уничтожающие 10 и 20 процентов населения, но обнаруживалось, что это могло задержать демографический взрыв всего на 10–20 лет (а как мне справиться со столетиями?).

.61. Я посылал в Н-мир страшные эпидемии, чуму, оспу, мор; один за другим пускал в ход походы своих Чингизханов и конкистадоров, давил и истреблял народы как только мог, но стоило мне лишь на некоторое время оставить какой-нибудь уголок Н-мира в покое, как тут же его население быстро разрасталось, достигало потолка, и я должен был что-либо предпринимать: уничтожить их или как-то обеспечить продовольствием.

.62. Словом: первоначально я думал, что буду хозяином Н-мира, буду посылать войны по своему желанию куда и когда мне вздумается, а на самом деле оказалось, что я вынужден был до отвращения насытить Н-мир смертью, чтобы хоть как-то ликвидировать последствия «двух процентов» и удержать численность своих народов в разумных пределах.

.63. Если я хотел давать какому-нибудь народу разрастись, то я обязательно должен был истребить какой-нибудь другой народ. И вообще, если исключить массовые перевозки продовольствия, то разрастись народ мог только в том случае, если у него была территория, «жизненное пространство». И, наоборот, как только у народа появилась свободная, малонаселенная территория, он моментально разрастался.

.64. На сегодняшнем наукообразном языке можно сказать, что мой Н-мир, эти мои детские игры, были математической моделью демографической ситуации в реальном мире. И игры с этой моделью уже в детстве научили меня очень многому такому, что до сих пор еще не понимают многие доктора, академики и члены Политбюро.

3. О мракобесах

1983.03

.65. Однажды я как-то занялся изучением по старым газетам эпохи смерти Сталина и взял в библиотеке «Правду» за 1953 год. Но первая привлекавшая мое внимание статья¹⁸¹ относилась вовсе не к Сталину. Вот ее текст:

«Правда» 3 января 1953 г.

Мальтузианские бредни английского мракобеса

.66. Лондон. 2 января. (ТАСС). Доктор философии и священник Уильям Сноу, выступая с новогодней проповедью в церкви в Богнор-реджисе (южная Англия), заявил, что самая серьезная опасность, грозящая сегодня миру, это не третья мировая война, а перенаселенность земного шара.

.67. Сноу призывал к установлению «международного контроля над рождаемостью». Он заявил, что только эпидемии, голод, атомные бомбы или же соглашение об ограничении рождаемости могут спасти мир от перенаселения.

.68. Сноу предложил создать международный парламент, который устанавливал бы определенную квоту рождаемости для каждой страны на каждый год.

.69. Мракобесы – это люди, догматически воспринявшие какие-то представления и фанатично придерживающиеся их вопреки логике и науке. Конечно же, не Сноу мракобес, а те, кто,

¹⁸¹ «Мальтузианские бредни английского мракобеса». «Правда» 1953.01.03.

игнорируя точный математический расчет, придерживается своих догм и написали заметку о Сноу.

.70. Теперь (1983 г. – ред.) советская печать иногда допускает разговоры о перенаселении, не называя это «мальтузианскими бреднями». Но все же официальная советская наука не считает эту проблему серьезной. А руководители страны и вовсе относятся к ней презрительно. Помню, как недавно перед какими-то «выборами» по телевидению выступал один «кандидат» – член Политбюро ЦК КПСС и в своей речи упомянул о «западных мракобесах», которые говорят об угрозе перенаселения, а мы, мол, советские, совсем наоборот... По-прежнему вручают ордена матерям-героиням, а Гундарева снимается в кино в роли счастливой и всецело положительной матери, родившей дюжину детей.

.71. Можно не сомневаться, что ни мракобесы из редакции «Правды», ни тот член Политбюро никогда не строили математические модели мира (я даже не совсем уверен, умеют ли они обращаться с логарифмами в мере, необходимой для этого). А математический расчет, строгий, научный, беспристрастный, со всей ясностью показывает, что нынешняя демографическая ситуация в мире не может существовать долго, независимо от того, победил ли «коммунизм» или «капитализм».

.72. Мне говорили, что экстраполяции, сделанные в медитации «ЮНЭСКО», совершенно фантастичны и выходят за всякие разумные пределы. Разумеется, заполнять Галактику в семь раз быстрее света до плотности 1 человек на кубический метр не потребуется. Крах наступит гораздо раньше. Но я же и не хотел показать возможность фантастических результатов расчетов. Наоборот, я хотел показать абсолютную и неоспоримую их невозможность, ту самую невозможность, которую так отрицают или не видят мракобесы из «Правды», тот член Политбюро по телевидению, Гундарева в своей кинороли и многие их единомышленники.

.73. Разумно мыслящим людям совершенно ясно, что демографический взрыв не может долго продолжаться, и весь вопрос состоит только в том, чем же он закончится. Или он закончится разумным и добровольным самоограничением, которое еще в 1953 году предлагал тот самый «английский мракобес» Уильям Сноу, или же бог вынужден будет опять посеять смерть и избиение народов, как это был вынужден в детстве делать я со своим Н-миром.

.74. А для разумного самоограничения ведь требуется так мало: только принцип «третий лишний», то есть третий ребенок в семье – лишний. Не более двух детей в семье – этого вполне достаточно для прекращения взрыва и даже для некоторого естественного сокращения численности населения земного шара, что весьма благоприятно повлияло бы и на уровень жизни, и на экологическое равновесие, охрану природы (земной шар уже теперь сильно перенаселен и нуждается в разгрузке; через некоторое время можно было бы остановить сокращение и зафиксировать численность населения Земли на каком-то уровне, например, 2 миллиарда). А ведь двоих детей в семье вполне достаточно для полного удовлетворения всех родительских инстинктов. Угроза перенаселения исходит только из обыкновенной глупости, необразованности и неспособности оценить глобальные последствия тех или иных явлений.

.75. Разумеется, самоограничения должны распространяться на все народы. Было бы крайне несправедливо, если бы одни народы, например, европейские, ограничивали себя, а другие, например, африканские, тем временем катастрофически размножились. Но было бы и несправедливо пропагандировать самоограничение только для негров, а белым матерям-героиням давать ордена.

.76. Конечно, угроза атомной войны – это страшная угроза. Но атомной войны может быть удастся избежать. Зато последствий демографического взрыва никак не удастся избежать, если взрыв не прекратится, а эти последствия могут быть столь же ужасными. Атомная война – это катастрофа, что-то экстренное, грозящее миру. Перенаселение же – внутренняя, тихая угроза, исходящая из «благополучного развития». Эти две угрозы нельзя противопоставлять друг другу как это делают мракобесы «Правды» в своей демагогической заметке. И ни Сноу, ни я, говоря об угрозе перенаселения, не отрицаем ужасную угрозу ядерной катастрофы. Но мы хотим, чтобы мир, если ему все же удастся избежать одной катастрофы, не постигла другая.

.77. К вопросам перенаселения современного мира мы еще вернемся в цикле медитаций «Путь Спасения», посвященном будущему человечества. Настоящую же медитацию я поместил в цикл «Путь Человека», посвященный его прошлому.

.78. Один читатель медитации «ЮНЭСКО» после прочтения ее сказал: «Хорошо, в будущем это совершенно невозможно, но как же это было в прошлом, в прошлые тысячелетия?». Действительно: как же было в прошлом? И теперь я попытаюсь сделать те основные выводы,

вытекающие из соображений о демографических взрывах и росте населения, выводы, которые касаются прошлого и ради которых я и поместил эту медитацию в начале цикла «Путь Человека».

4. Уроки модели

1983.03

.79. С Н-миром я игрался время от времени вплоть до свадьбы в тридцатилетнем возрасте и не исключено, что еще когда-нибудь к нему вернусь. Сейчас я попытаюсь коротко и сжато изложить основные уроки, полученные от многолетних игр с математической моделью демографии.

.80. Проведем быстро еще один расчет. Предположим, что одновременно с Христом (и с началом нашей эры) родились двое человек, которых, допустим, назвали Адамом и Евой. Предположим далее, что они поженились, и их потомки размножались до наших дней со скоростью всё те же 2% в год. Через 35 лет тогда они имели 4 детей, через 70 лет 8 внуков и т.д. Предположим для ясности выводов, что их род соблюдал строгую эндогамию, то есть все браки заключались внутри рода без «привлечения ресурсов извне». Сколько человек было бы в этом роде сегодня? Легко посчитать, что к нашему времени в этом роде было бы приблизительно 2^{58} , т.е. около 10^{17} человек. Это 100`000`000 миллиардов, в 20 миллионов раз больше, чем теперешнее население планеты. И это потомство всего лишь одной пары всего лишь с римских времен (в одном городе Рима было 2 миллиона человек, а где еще греки, египтяне, ассирийцы и т.д. и т.п.)!

.81. Когда мы задумываемся над удивительными результатами подобных расчетов, естественно возникает вопрос: почему же Земля не была заполнена «до отказа»? Первым в голову приходит ответ: потому что свирепствовали войны, эпидемии и т.д. И тогда кажется: черт побери, прямо счастье, что были эти войны и эпидемии, иначе был бы какой-то кошмар!

.82. Но стоит об этом позадуматься чуть глубже, чтобы гораздо правдоподобнее прежних наивных выводов казался совсем другой ответ: Земля на самом деле БЫЛА ЗАПОЛНЕНА ДО ОТКАЗА. Эти люди должны были умереть; не война, не эпидемии, так что-нибудь другое.

.83. Попробуем представить себе, что бы было, если бы войны, голод и эпидемии «вовремя» не уничтожили бы «излишек» населения. Вот идут подряд несколько мирных, спокойных и урожайных лет. Численность населения растет и уже несколько превышает теоретический «потолок». Продовольствия, хоть и в обрез, но хватает. Но вот вдруг неурожай, засуха и т.п. Наступает голод. Некоторые умирают с голода, но, главное, большинство населения ослаблено недоеданием, среди этих ослабленных людей, как огонь в пакле, вспыхивают и распространяются различные эпидемии и пандемии. Численность населения падает несколько ниже «потолка». Мало кто понимает, что истинной, главной причиной эпидемии было недоедание и, в конечном счете, перенаселение.

.84. Неурожай, породивший все эти бедствия, может быть заменен войнами, недостатка в которых никогда не было.

.85. Такая картина должна была наблюдаться при достижении «потолка» населения, но ведь именно такая картина и наблюдалась во всех странах столетиями и тысячелетиями.

.86. Земля при определенном уровне развития производительных сил могла прокормить определенное количество людей и «лишние» НЕ МОГЛИ НЕ УМЕРЕТЬ, они должны были умереть не от одного, так от другого. И тогда все эти войны, эпидемии и детская смертность представляются уже не «счастливой» случайностью, а железной необходимостью. Их просто не могло не быть. Да и задумайтесь над тем, почему эти эпидемии всегда «вовремя» останавливались и никогда не уничтожали население поголовно.

.87. Конечно, почти всегда существовали привилегированные классы, представители которых обжирались даже во время величайшего голода. Но это ничего не меняет в наших рассуждениях. Если в стране теоретический «потолок» составляет 10 миллионов человек, но имеется 1 миллион привилегированных, съедающих двойную норму, то, значит, «потолок» для бедных в этой стране составит не 9, а 8 миллионов, и в конечном счете в стране будет 9 миллионов человек. Можно считать, что скорректированный «потолок», учитывающий неравенство социального положения людей в этой стране и составляет 9 миллионов человек. Только о таком, результирующем «потолке» и стоит говорить.

.88. Территория Соединенных Штатов при охотничье-собирательской экономике могла прокормить около 2 миллионов индейцев; такова была их численность в начале белой колонизации и, колеблясь вокруг этого, никуда не росла. При сельскохозяйственной фермерской экономике эта территория уже могла прокормить сотни миллионов человек и, несмотря ни на какие войны, эпидемии и знаменитый террор «Дикого Запада», число белых колонистов быстро росло, причем (факт не всем известный) естественный прирост всегда давал вклад больший, чем прирост механический – иммиграция.

.89. Похожей была ситуация в просторах России и Сибири, где в редконаселенные территории охотников и собирателей вторгалось население русских, способное создать гораздо большую плотность населения.

.90. Такие рассуждения приводят к убеждению, что численность того или иного народа зависела прежде всего от двух факторов: от величины имеющейся в его распоряжении территории, «жизненного пространства», и от эффективности той экономики, при помощи которой эта территория эксплуатировалась.

.91. Сегодняшний бурный рост населения Земли – это следствие резкого возрастания эффективности экономики благодаря внедрению научных методов (конечно, в экономику, а не в детопроизводство, где как раз научные методы, то есть – регулирование – отсутствуют).

.92. При одинаковой экономике большим становился тот народ, у которого было больше территории. Было бы пространство, а заполнить его, как показывают наши расчеты (и исторический опыт) – не проблема. Все современные большие народы стали большими благодаря захватам территорий. Англоязычные народы или русские сегодня обладают большими территориями не потому, что они многочисленны, а они стали многочисленными только потому, что в свое время им удалось овладеть большими территориями. Если бы тогда этими территориями овладели бы, например, голландцы и шведы, то сегодня их государства были бы мировыми державами, а англичане и русские остались бы пасынками истории.

5. Исчезновение народов

1983.03

.93. И в заключение задумаемся о роли войн и захватов не в размножении, а, наоборот, в исчезновении народов. В течение истории с лица Земли исчезли тысячи народов. Что было главное в механизме их уничтожения?

.94. С первого взгляда ответ кажется очевидным: конечно, убийства, зверства завоевателей и т.д. Однако анализ математической модели заставляет несколько менять это мнение.

.95. Предположим, что на какой-то территории, способной при определенной экономике прокормить 10 миллионов человек, живет народ укуры (это один из народов моего N-мира). Численность населения, естественно, колеблется вблизи десяти миллионов, в благополучные периоды несколько превышая это число, а в неудачные падая несколько ниже.

.96. Но вот на страну Укуров налетели орды чатаров (еще один народ из N-мира), возглавляемые Джигазханом. Чатары грабили и убивали кого видели, фантастически зверствовали, строили пирамиды из человеческих голов и т.д. Как известно, Вторая мировая война, эта невообразимо страшная и тяжелая война, уничтожила около 12% населения Советского Союза. Нашествие чатаров на страну Укуров было еще в четыре раза страшнее и кровавее. Чатары вырезали половину населения. Это очень много. Не удивительно, когда поголовно уничтожается население какого-нибудь города, сильно страдают области, через которые прошли полчища врагов, но, как правило, всегда остаются и области, которым повезло, которые остались в стороне от главных театров военных действий и почти не пострадали. Поэтому среднее по всей большой стране число 50% убитыми – это чрезвычайно много. Это значит, что большие наиболее пострадавшие области были уничтожены вообще полностью.

.97. Но вот чатары ушли. Больше всего, конечно, пострадали города укуров, были уничтожены культурные центры, ремесла и т.п., т.е., так сказать, интеллектуальная верхушка, мозг народа. Поэтому культурное развитие укуров могло сильно задержаться. Но, поскольку для детопроизводства интеллект и культура не требуются (а, совсем наоборот, мешают), то оставшиеся в живых 5 миллионов укуров стали размножаться с обычной скоростью 2% в год (на самом деле даже быстрее, так как после опустошительных катастроф обычно наблюдается усиление размножения). При росте 2% в год население удваивается каждые 35 лет. Следовательно,

всего через 35 лет (срок смехотворно ничтожный с точки зрения истории) укуров опять было 10 миллионов, и кошмарное чатарское нашествие практически не повлияло на демографическую картину страны Укуров.

.98. Но теперь в земли укуров пришли нуэсы. Они никого не резали и не убивали, пирамиды из человеческих голов не строили. Просто 10 миллионов нуэсов пришли и поселились рядом с укурами. Но так как страна могла прокормить всего 10 миллионов человек, а жили в ней теперь 20 миллионов, то по неизвестным причинам налетела эпидемия чумы и уложила 5 миллионов укуров и 5 миллионов нуэсов. Осталось каждого народа столько же – по 5 миллионов. Теперь пришла новая волна нуэсов – еще 10 миллионов. Опять откуда-то появилась эпидемия черной оспы, скосила 7,5 миллионов нуэсов и 2,5 миллиона укуров. Еще одна волна нуэских колонистов – и укуров в родной стране осталось всего около миллиона, то есть 10% населения и 10% прежней численности. Теперь уже нуэсам было нетрудно ассимилировать, поглотить остатки когда-то многочисленного народа, и укуры исчезли с лица Земли.

.99. Так совершенно миролюбивые нуэсы сделали то, что не смогла сделать кошмарная резня, устроенная этими головорезами чатарами.

.100. Такие рассуждения над математической моделью демографии заставляют считать, что в исчезновении народов, в смене одного народа другим в каком-нибудь ареале, первостепенную роль играла колонизация, а вовсе не механическое уничтожение аборигенов.

.101. Конечно, в нашем примере мы имели дело с очень большими волнами пришельцев (колонисты сразу удваивали население). История действительно знала такие волны – «большие переселения народов». Но не менее верно действует и тихая, но постоянная и длительная колонизация (тогда просто много небольших волн).

.102. Главной причиной резкого сокращения численности американских индейцев многие западные исследователи считают войны как между индейцами (вспомните хотя бы «Последний из могикан» Купера), так и войны индейцев с белыми, а также катастрофическое распространение алкоголизма среди индейцев после знакомства их с «огненной водой». Советские же, выполняя программу создания образа «страшного американца», напирают на охотников за скальпами. Приведенные выше соображения все же заставляют думать, что решающим фактором в этом была просто-напросто белая колонизация Америки, отнявшая у индейцев жизненное пространство. Аналогично не следует искать особых зверств русских по отношению к исчезнувшему финскому и балтскому населению Восточной Европы. Русские уничтожили их просто своим присутствием и аналогичным образом сократили нерусское население Сибири.

.103. В приведенном выше примере с укурами и нуэсами оба народа имели одинаковую экономику и одинаковые шансы умереть от бедствий; эпидемии поражали оба народа пропорционально их численности. Но если пришельцы почему-то оказываются более жизнеспособными, если они имеют более эффективную экономику, если они силой забирают лучшие земли и оттесняют коренных жителей на худшие, то процесс уничтожения аборигенов должен идти еще быстрее.

.104. Итак, подведем итоги урокам модели:

.105. 1) Потенциальные возможности народов к размножению огромны, и в благоприятных условиях численность народа способна очень быстро расти.

.106. 2) Эти способности всегда ограничивались «потолком», определяемым территорией и уровнем экономики.

.107. 3) Различные бедствия (неурожай, голод, эпидемии) на самом деле были внешними, видимыми проявлениями «работы» этого «потолка».

.108. 4) Приобретение территорий – главное условие роста численности народа при постоянной экономике.

.109. 5) Прямые убийства в военных действиях и т.п. играли сравнительно небольшую роль в демографических судьбах народов.

.110. 6) Первостепенное значение имели изменения территорий, ареалов, колонизация одним народом земель другого.

.111. Эти уроки модели читателю будет полезно хорошо запомнить, так как, размышляя над историей мира, я часто буду ссылаться на эти выводы.

Приложение № 3. Диспут

Согласно решению от 15 октября 2008 года данное извлечение (R-UHOV) из дневника «Векордия» будет послано Сергею Ухову и Вячеславу Румянцеву по указанным ими адресам электронной почты. Они оба (а также все остальные наши читатели) приглашаются высказаться по рассмотренным в этом томе вопросам. Если такие отзывы будут получены, то они составят дальнейшую часть этого Приложения № 3 (или, если окажутся очень обширными, то самостоятельные тома Дневника). Другие извлечения из «Векордии» в настоящее время можно увидеть в <http://vekordija.narod.ru/INDEX.HTM>.

Валдис Эгле

15 октября 2008 года

2009.07.31 16:48 пятница
(через 9 месяцев 16 дней)

Помимо Ухова и Румянцева эта книга тогда, в октябре прошлого года, была послана также Екатерине Эглис (из-за которой, собственно, эта книга и возникла). Ниже помещаю переписку с ней. Никто из троих не ответил, и диспут, таким образом, не начался.

Екатерина Эглис, я думаю, была школьницей и просто испугалась моего уровня. Но когда я ей посылал свои письма, я думал, что к переписке могут подключиться ее родители, что, однако, не произошло.

Итак, переписка с Екатериной Эглис из Красноярска:

No Вячеслав Румянцев <rummeister@gmail.com>
Kam valdis.egle@gmail.com
Datums ceturtdiena, 2008, 2 oktobris 19:23
Temats Fwd: Латгальцы и Валдис Эгле

Валдис, Вас разыскивают однофамильцы. Пересылаю письмо.

----- Пересланное сообщение -----

От: Ekaterina Eglis <k_eglis@hotmail.com>
Дата: 2 октября 2008 г. 20:57
Тема: Латгальцы и Валдис Эгле
Кому: rummeister@gmail.com

Вячеслав Борисович, здравствуйте!

Прочитали на Вашем сайте статью Валдиса Эгле о латгальцах и хотели бы связаться с Валдисом – возможно, у нас общие корни. Подскажите, пожалуйста, как можно выйти с ним на связь. Заранее большое спасибо!

С уважением,
Катя Эглис

No Valdis Egle <valdis.egle@gmail.com>
Kam k_eglis@hotmail.com
Datums pirmdiena, 2008, 6 oktobris 15:06
Temats Fwd: Латгальцы и Валдис Эгле

Здравствуйтесь, Катя! Вот, я на связи.
В.Э.

No Valdis Egle <valdis.egle@gmail.com>
Kam k_eglis@hotmail.com
Datums pirmdiena, 2008, 13 oktobris 17:36
Temats Re: Латгальцы и Валдис Эгле

Ну, и куда же Вы пропали, Катя? То искали меня, то теперь молчите. Я слушаю Вас.
В.Э.

No Ekaterina Eglis <k_eglis@hotmail.com>
Kam Valdis Egle <valdis.egle@gmail.com>
Datums trešdiena, 2008, 15 oktobris 19:19
Temats RE: Латгальцы и Валдис Эгле

Здравствуйте, Валдис! Спасибо большое, что ответили! Извините, несколько дней не было возможности проверить почту.

Недавно мы нашли свидетельство о рождении моего дедушки по папиной линии, его родители – Эглис Фрол Матвеевич и Эглис Раиса Ивановна – латгальцы. Заинтересовались графой национальность, нашли в интернете Вашу статью – очень познавательная, фамилия Ваша нас обрадовала. Мы живем в Красноярске, фамилия в этих краях довольно редкая, о наших родственниках знаем, к сожалению, немного. Вот и предположили, может, у нас общие корни? Вам о чем-нибудь говорят эти имена? Откуда Вы?

Заранее благодарим. С уважением,
Катя

No Valdis Egle <valdis.egle@gmail.com>
Kam Ekaterina Eglis <k_eglis@hotmail.com>
Datums ceturtdiena, 2008, 16 oktobris 01:19
Temats Re: Латгальцы и Валдис Эгле

Здравствуйте, Катя!

Раз у Вашего дедушки в свидетельстве о рождении записана национальность родителей «латгальцы», то, видимо, он является потомком латгальских переселенцев в Сибирь. Такое переселение происходило в самом конце 19-го века и в начале 20-го. Царское правительство поощряло освоение Сибири и предоставляло льготы переселенцам. Из Латгалии переселилось не менее 1000 семей – в Красноярский край. Первым селом латгальских поселенцев был Ачинск, потом Круослаука (по имени родной Краславы, ок. 600 хозяйств), село Алгаштика (70 дворов), Малиноука (70 дв.), Витебка (100 хозяйств). В селах Богатое и Счастливое проживали переселенцы из Балвского района (моих родных мест).

Ачинск был центром латгальских колоний; в 1930-х годах там действовал педагогический техникум, который подготавливал учителей латгальского языка для латгальских школ в СССР. В 1938 году вышла книга Вильберта Красного «Латышские колонии» (можете попытаться отыскать).

В 1937–1938 гг. латгальские колонии в Сибири были разгромлены; почти всё взрослое мужское население было расстреляно или арестовано и не вернулось.

В Красноярске активисткой латгальского «движения» является Надежда Франц (можете попытаться найти). Она поддерживает связь с Латвией, владеет латгальским языком.

Судя по тому, что Ваши предки Фрол Матвеевич и Раиса Ивановна носят русские (православные) имена, их родители при переселении перешли из католичества в православие (при царе это поощрялось дополнительными льготами и благами). Таких имен не может быть у собственно латгальцев. Но отчества у них такие, какие МОГУТ быть у латгальцев – лишь слегка модифицированы «на русский лад» (в оригинале должно было стоять Mateušs и Jonis).

Слово «Эгле» по-латышски (а также по-латгальски) означает «Ель». Почти во всех индоевропейских языках название этого дерева – женского рода (по-латышски тоже, как и в русском). Слово «Эглис» является словом того же корня, но только мужского рода. (Как по-русски был бы, к примеру, Ёл). Такого дерева нет, но в мужском роде этот корень встречается в некоторых производных. Например, слово «Paeglis» в буквальном переводе был бы «Подъёлочник», а обозначает по-латышски можжевельник.

Просто слова «Eglis», без префикса (приставки) и в мужском роде, нет в современном латышском и латгальском языках. Но в некоторых наречиях прежде таким словом обозначалась борона, скорода (потому что изготовлялась из расщепленной верхушки елки). Видимо, ваша фамилия происходит от этого обозначения.

«Общие корни» у нас с Вами, видимо, только в том смысле, что наши предки принадлежали к этносу латгалов. Но мои предки были западными латгалами (см. мою статью «Латгалы»), а Ваши, видимо, восточными. Я родился в Латгалии, но мои предки не были латгальцами. Они, и со стороны отца, и со стороны матери, были теми латышскими колонистами, которые упоминаются в статье «Латгальцы». Предки отца были беженцами 1905-го года из «Балтийских губерний» (Лифляндии), а предки матери перешли в православие специально для того, чтобы получить землю в Латгалии. (Обе эти группы колонистов упоминаются в моей статье «Латгальцы»). Как дочь перешедших в православие родителей, моя мать тоже (подобно, видимо, и Вашим предкам) при крещении получила невозможное для латышей имя – Алла. (Потом, уже в независимой Латвии, ее отец перешел обратно в лютеранство и переименовал дочь в Austrā, под каким именем она и прожила всю жизнь; переименование состоялось в начале 1920-х годов).

Теперь я живу в Риге. Статьи для ХРОНОСа я написал в начале 2007 года. Тогда посмотрел, как выглядят, а потом более полутора лет не посещал тех интернетовских мест. Ваше письмо, пересланное Румянцевым, заставило меня снова посмотреть, что же я там такое писал о латгальцах, и я увидел, что за это время Румянцев присоединил к моей статье новую ссылку на статью Сергея Ухова. Это меня заинтересовало, я ее прочитал, скопировал и включил в свой Дневник (литературный) в виде тома R-UHOV. Так как импульсом к появлению этого тома послужило Ваше письмо, то я считаю Вас причастной к этой книге и посылаю Вам ее экземпляр (наравне с Уховым и Румянцевым). Приглашаю также и Вас принять участие в диспуте, обозначенном Приложением номер 3 к этой книге.

Я вижу, что в Ваших письмах нет ни единой ошибочки, и даже все запятые стоят точно на своих местах. Независимо от того, сами ли Вы так пишете, или кто-то Вас подправляет, но в любом случае видно, что Вы из культурного окружения. Поэтому осмеливаюсь предложить Вам вообще читать мои книги.

Если Вы согласны, то расскажите о себе побольше. Не можете ли Вы засканировать в компьютер и прислать мне копию того свидетельства о рождении, о котором Вы говорили? Было бы интересно взглянуть на подлинный документ.

В.Э.

(Книгу посылаю отдельным письмом, чтобы не рисковать этим – в случае, если у Вашего почтового ящика проблемы с большими файлами).

* * *

Такая переписка, но продолжения не имела. Думаю, что Катя испугалась меня.

Но еще тогда, в октябре, сразу после формирования первой версии этой книги мне пришел в голову еще один вопрос.

В своей работе Сергей Ухов много говорит о городе Арс и соответствующей стране, связывая ее с Вяткой.

Так вот, – только после выставления в Интернет первой версии этой книги я сообразил, что ведь «Арс» – это балтское слово, причём даже совсем не искаженное и, более того, теснейшим образом связанное со словом «Вятка» («Вята», «Vieta»). Только по-латышски это не «Ars», а «Ārs» (что и не давало мне его сразу распознать, поскольку для меня это совершенно разные фонемы).

Слово «ārs» является антонимом (противоположностью) слова «vieta» (в их древнем значении). Если слово «vieta», как я это объяснил выше при этимологии слова «Вята-Вятка», означает пространство, чем-то охваченное, то слово «ārs» означает, наоборот, пространство внешнее, находящееся вне «вятки». (Это слово и сейчас существует в латышском языке и не имеет точного, однословного перевода на русский; его можно перевести как «вне», «внешнее пространство»; особенно употребительна форма застывшего локатива «ārā»).

Этимологически это слово родственно слову «art» («пахать», откуда и «арии», и «арийцы...»). Карулис, автор «Латышского этимологического словаря», считает, что «ārs» произошло от «art» (т.е. «ārs» – это внешнее, свободное пространство, где можно пахать), а мне кажется, что было наоборот: «art» – это значит работать там, во внешнем пространстве, вне дома, вне «виеты».

Валдис Эгле

31 июля 2009 года

Векордия (VEcordia) представляет собой электронный литературный дневник Валдиса Эгле, в котором он цитировал также множество текстов других авторов. Векордия основана 30 июля 2006 года и первоначально состояла из линейно пронумерованных томов, каждый объемом приблизительно 250 страниц в формате А4, но позже главной формой существования издания стали «извлечения». «Извлечение Векордии» – это файл, в котором повторяется текст одного или нескольких участков Векордии без линейной нумерации и без заранее заданного объема. Извлечение обычно воспроизводит какую-нибудь книгу или брошюру Валдиса Эгле или другого автора. В названии файла извлечения первая буква «L» означает, что основной текст книги дан на латышском языке, буква «E», что на английском, буква «R», что на русском, а буква «M», что текст смешанный. Буква «S» означает, что файл является заготовкой, подлежащей еще существенному изменению, а буква «X» обозначает факсимилы. Файлы оригинала дневника Векордия и файлы извлечений из нее Вы **имеете право** копировать, пересылать по электронной почте, помещать на серверы WWW, распечатывать и передавать другим лицам бесплатно в информативных, эстетических или дискуссионных целях. Но, основываясь на латвийские и международные авторские права, **запрещено** любое коммерческое использование их без письменного разрешения автора Дневника, и **запрещена** любая модификация этих файлов. Если в отношении данного текста кроме авторских прав автора настоящего Дневника действуют еще и другие авторские права, то Вы должны соблюдать также и их.

В момент выпуска настоящего тома (обозначенный словом «Версия:» на титульном листе) главными представительствами Векордии в Интернете были сайты: для русских книг – <http://vecordija.blogspot.com/>; для латышских книг – <http://vekordija.blogspot.com/>.

Оглавление

VEcordia	1
Извлечение R-UHOV	1
Сергей Ухов.....	1
ИСТОРИЯ ВЯТКИ.....	1
Карта Вятки	2
Карта окружения Вятки.....	3
Предисловие	4
Сергей Ухов. История Вятки	5
1. Традиционный взгляд.....	5
2. Источники традиционной историографии	7
3. Направления исследований.....	9
3.1. Письменные источники.....	9
3.1.1. Русские летописи и другие документы.....	9
3.1.2. Арабские, персидские и хазарские источники	10
3.1.3. Вятские письменные источники	14
3.2. Данные топонимики	15
3.2.1. Языковая принадлежность топонимов.....	15
Финноугорские языки.....	24
Тюркские языки	30
Неизвестные языки	32
3.2.2. Этноуказывающие топонимы	34
Современные этносы	34
Древние этносы	36
3.2.3. Событийные топонимы	45
3.2.4. Некоторые важные этимологии.....	46
3.3. Данные диалектологии, антропонимики, фольклора и этнографии	53
3.4. Данные археологии	54
3.4.1 Интерпретации	54
3.4.2 Возможные направления	55
4. Заключение	58
Сокращения	61
Список литературы	62

Словари и справочная литература.....	64
Картография	65
Послесловие автора Векордии.....	66
Приложение № 1. Этнонимы для ХРОНОСа	70
Некоторые этнонимы.....	70
Латвиешы	70
Латыши	71
Латгалы	73
Латгальцы	74
Курши.....	76
Земгалы	77
Селы	77
Ливы	78
Другие	78
Приложение № 2. Тетрадь «ЮНЭСКО».....	79
1. ЮНЭСКО.....	79
2. Математическая модель	82
3. О мракобесах	83
4. Уроки модели	85
5. Исчезновение народов.....	86
Приложение № 3. Диспут.....	88
Оглавление	91